

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Ivanovo State Power University

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

2023

Выпуск 4(80)

2023

Issue 4(80)

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
Бурмистров К.Ю., канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия
Н.Г. Юрина, д-р филол. наук, г. Саранск, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Р. Гольдт*, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадье, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Оппо, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
Соловьёвский семинар
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 5.7.1 – онтология и теория познания; 5.7.2 – история философии; 5.7.3 – эстетика; 5.7.4 – этика; 5.7.7 – социальная и политическая философия; 5.7.8 – философская антропология, философия культуры; 5.7.9 – философия религии и религиоведение; 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 – литературы народов мира; 5.9.3 – теория литературы; 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США). Журнал индексируется в Scopus с 20 января 2022 г., включен в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ.

© М.В. Максимов, составление, 2023

© Авторы статей, 2023

© ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Межуев Б.В. Первое издание «Оправдания добра» (1897 г.): отклики современников. Часть четвертая	6
Тахо-Годи Е.А. Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьева. Часть 3.	23
Балабаева А.С. Философско-эстетические воззрения Г.В.Ф. Гегеля и В.С. Соловьева: к вопросу о влиянии.....	40
Ипатов С.А. Об издании заключительного тома «Писем» Вл.С. Соловьева (Т. 4. Пб., изд-во «Время», 1923): По материалам писем Г.П. Блока Э.Л. Радлову (1920–1923) К 100-летию юбилею издания. <i>Приложение.</i> Письма Г.П. Блока Э.Л. Радлову (30 октября 1920–7 мая 1923) / <i>публ., примеч. и коммент. С.А. Ипатовой</i>	56
Максимов М.В. «Второй после Аквината...»: Ганс Урс фон Бальтазар о философской эстетике Вл.С. Соловьева	81

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Малинов А.В. Заключительные «Исторические письма» В.И. Ламанского (предисловие к публикации)	97
Ламанский В.И. Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам. Письмо VI / <i>Публикация и примечания А.В. Малинова</i>	106

ПАМЯТИ Н.Ф. ФЕДОРОВА (1829–1903)

Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: вопрос о смысле и целях искусства. Статья первая: О чем спорили Брюсов и Федоров в доме Ю.П. Бартенева	113
Титаренко Е.М. «Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьев – Федоров – Чекрыгин	132

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Шукуров Д.Л. Образ Филострата в творчестве К.К. Вагинова: опыт деконструкции	147
Лощинская Н.В. Кто такой «Р-н»: об одном из адресатов отзывов А.А. Блока о поэтах (спустя столетие после их первой публикации П.Н. Медведевым)	161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бочаров А.Б. От диалога к полилогу (рецензия на книгу: Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука; Вост. лит., 2022. 399 с.)	179
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	194
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	196

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
K.U. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.U. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.U. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
M.V. Medovarov, Doctor of History, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhuev, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
N.G. Yurina, Doctor of Philology, Saransk, Russia,

International Editorial Board:

- R. Goldt*, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Oppo, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialities: 5.7.1 – ontology and epistemology; 5.7.2 – history of philosophy; 5.7.3 – aesthetics; 5.7.4 – ethics; 5.7.7 – social and political philosophy; 5.7.8 – philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9 – philosophy of religion and religious studies; 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation; 5.9.2 – literature of the peoples of the world; 5.9.3 – theory of literature; 5.10.1 – theory and history of culture, art.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with «Scientific Electronic Library» Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals “Ulrich’s periodicals directory” (USA). The journal is indexed in Scopus since January 20, 2022, included in the “White List” of scientific publications of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

© M.V. Maksimov, preparation, 2023

© Authors of Articles, 2023

© Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education «Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin», 2023

CONTENT

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

Mezhuev B.V. The First Edition of “The Justification of Good” (1897): Contemporaries’ Response. Part 4	6
Takho-Godi E.A. V. Solovyov’s aesthetic assessments of K.F. Fofanov’s lyrics. Part 3 ...	23
Balabaeva A.S. Philosophical and aesthetic views of G.V.F. Hegel and V.S. Solovyov: on the question of influence	40
Ipatova S.A. About the Publication of the Final Volume of the “Letters” of V.S. Solovyov (Vol. 4. Pb., publishing house “Vremya”, 1923): Based on the Materials of G.P. Blok’s Letters to E.L. Radlov (1920–1923). To the 100 th anniversary of the publication. <i>Appendix.</i> Letters of G.P. Blok to E.L. Radlov (October 30, 1920–7 May 1923) / <i>Publication, notes and comments by S.A. Ipatova</i>	56
Maksimov M.V. “Second after Aquinas ...”: Hans Urs von Balthazar on the Philosophical Aesthetics of V.S. Solovyov	81

HISTORY OF PHILOSOPHY

Malinov A.V. Final «Historical Letters» by V.I. Lamansky(preface to the publication) ...	97
Lamansky V.I. Historical letters on the attitude of Russian people to their tribesmen. The letter VI / <i>The publication and notes by A.V. Malinov</i>	106

IN MEMORY OF N.F. FEDOROV (1829–1903)

Gacheva A.G. V.Y. Bryusov, N.F. Fedorov and the Fedorovians of the 1900s-1920s: The Question of Meaning and Goals of Art Article one: What were Bryusov and Fedorov Arguing about in the House of Yu.P. Bartenev	113
Titarenko E.M. “Real Deed of an Artist” and Philosophy of Art: Solovyev – Fyodorov – Chekrygin	132

PHILOLOGY AND CULTURAL STUDIES

Shukurov D.L. The image of Philostratus in the works of K. K. Vaginov: experience of deconstruction	147
Loshchinskaya N.V. Who is “R-n”: about one of the addressees of A.A. Blok's reviews of poets (one hundred years after their first publication by P.N. Medvedev)	161

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Bocharov A.B. From Dialogue to Polylogue (review of the book: Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy / co-edited by M.T. Stepanyants. Moscow: Nauka; Vost. lit., 2022. 399 p.)	179
ON “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	194
ON SUBSCRIPTION TO “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL.....	196
INFORMATION FOR AUTHORS.....	196

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 17:930(2)

ББК 87.3(2)522-685

Борис Вадимович Межуев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, Россия, Москва, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

Первое издание «Оправдания добра» (1897 г.): отклики современников. Часть четвертая

Аннотация. Статья продолжает систематическое рассмотрение и анализ газетных и журнальных откликов на первое издание основного труда Вл. Соловьёва по нравственной философии «Оправдание добра» (1897 г.). В четвертой части настоящего цикла статей рассматриваются критические атаки на эту книгу со стороны представителей левого, преимущественно народнического, лагеря российской печати и общественной мысли. Подробно рассматриваются развернутые критические суждения постоянного обозревателя газеты «Новости», литературного критика Е.А. Соловьёва, анонимный отклик, опубликованный в журнале «Русская мысль», а также отзывы философа-позитивиста П.В. Мокиевского в «Русском богатстве» и религиозного идеалиста А.Л. Вольнского в «Северном вестнике». Отмечается, что главной тональностью «левой» критики было обвинение философа в том, что он встал на позицию конформистского приятия государства и церкви в их существующих формах. На основании всех перечисленных откликов делается вывод, что никто из вышеупомянутых критиков не постарался разобраться в существе воззрений Вл. Соловьёва и для большей части «левых» критиков было неприемлемо любое соотнесение философии с религией, во всяком случае в ее традиционных формах. Утверждается, что определенные возражения критиков Вл. Соловьёва слева против его концепции нравственной философии не были лишены убедительности, что философу пришлось учесть при втором издании своего труда.

Ключевые слова: нравственная философия, народничество, экономический материализм, религиозная философия, нравственный идеализм

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьёва», 29–30 сентября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

Boris Vadimovich Mezhuev

Lomonosov Moscow State University, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Senior Fellow of Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russia, Moscow, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

The First Edition of "The Justification of Good" (1897): Contemporaries' Response. Part 4

Abstract. The article continues the systematic review and analysis of newspaper and magazine responses to the first edition of the main work of V. Solovyov on moral philosophy "Justification of Good" (1897). The fourth part of this series of articles examines critical attacks on this book by representatives of the left, presumably Populist camp of the Russian press and public thought. It describes in detail critical responses of such authors as the regular columnist of the newspaper "Novosti", literary critic Evgeny A. Solovyov, an anonymous review published in the journal "Russian Thought", the reviews by the positivist philosopher Pavel V. Mokievsky in "Russkoe bogatstvo" and by the religious idealist Akim L. Volynsky in the "Severnyi vestnik". It is noted that the main tone of criticism from the left was the assertion that the philosopher took the position of a conformist acceptance of the state and the church in their existing forms. Based on the consideration of all the above responses, the article concludes that none of the aforementioned critics tried to understand the essence of V. Solovyov's views. For most of the left-wing critics, any correlation of philosophy with religion, at least in its traditional forms, was unacceptable. It is argued that certain objections of V. Solovyov's critics on the left against his concept of moral philosophy were not without persuasiveness, which the philosopher had to take into account in the second edition of his work.

Key words: moral philosophy, populism, economic materialism, religious philosophy, moral idealism

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.006-022

Критика «слева»: «Новости», «Русская мысль», «Русское богатство» и «Северный вестник»

Цикл публикаций Вл. Соловьева по нравственной философии был предметом острой критики со стороны публицистов левого лагеря с момента выхода в июле 1895 года скандально знаменитой статьи «Смысл войны» в Литературных приложениях к журналу «Нива»². Вл. Соловьев придал нападкам слева новый импульс, когда в декабре 1896 года на страницах «Вестника Европы» выступил с полемической статьей (статья позднее вошла в состав ОД³ в качестве отдельной главы⁴) против экономического материализма. В споре с набравшим в те годы популярность марксизмом Вл. Соловьев рассчитывал на вза-

²См.: Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны» // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 32–58 [1].

³ Здесь и далее ОД – обозначение сочинения В.С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» в его первой редакции (СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897).

⁴ Соловьев Вл. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. Кн. № 12, Декабрь. С. 536–569 [2].

имопонимание оппонентов социал-демократов – народников и либералов. Однако он не был поддержан ни теми, ни другими. Народнические издания – «Русская мысль» и «Русское богатство» – в целом симпатизировали экономической концепции Маркса, считая верным содержащийся в ней анализ законов буржуазного общества и не соглашаясь лишь с тезисом о неизбежности капитализма для России.

Ведущие либеральные издания, например издаваемые О.К. Нотовичем «Новости и Биржевая газета», также не были готовы заступиться за философа в его борьбе с материалистическим мировоззрением. 20 декабря 1896 года, примерно за месяц до выхода в свет «Оправдания добра», с большим текстом, касавшимся всего цикла статей Вл. Соловьёва по нравственной философии, но содержащим непосредственную реакцию на опубликованную на страницах декабрьского выпуска «Вестника Европы» статью «Экономический вопрос с нравственной точки зрения», выступил постоянный обозреватель «Новостей» Е.А. Соловьёв, который писал в газете под псевдонимом Скриба⁵. Отметим, что именно Е.А. Соловьёв, точнее, его фельетон (июль 1891 г.), посвященный творчеству позитивиста Е.В. Де Роберти, с комплиментарными оценками Вл. Соловьёва, был причиной прекращения сотрудничества философа с газетой «Новости». Фельетон вышел не под тогдашним постоянным псевдонимом Е.А. Соловьёва Скриба, но с подписью S, один раз использованной Вл.С. Соловьёвым в той же газете. Фельетон был приписан в петербургских кругах перу Вл. Соловьёва, и этот неприятный для репутации философа слух потребовал специального опровержения на страницах «Новостей»⁶.

Новая статья Е.А. Соловьёва содержала довольно грубые нападки на философа, автор в очень откровенной форме разъяснял, почему своими новыми текстами Вл. Соловьёв разочаровывает либерального читателя, некогда восторженно принявшего его полемику со славянофилами. По утверждению публициста, отвлеченные вопросы философского характера мало волнуют публику, интересующуюся только практическими выводами из отвлеченных рассуждений: «Мы простим недочет в рассуждениях, даже не заметим его, но самая блестящая логическая диссертация на далекую от жизни тему не произведет на нас ни малейшего впечатления» [3, с. 2]. Из дальнейшей части текста становилось ясным, что проблема состояла не столько в теоретической отвлеченности текстов Вл. Соловьёва по нравственной философии, сколько в том, что, в отличие от антиславянофильских статей, составивших «Национальный вопрос в России» (1883–1891 гг.), они не вписывались в партийную линию, близкую газете. Иронически упомянув аскетические рекомендации Вл. Соловьёва и его сложную игру с «византизмом», Скриба очень зло задел и тот пункт воззрений фи-

⁵ См.: Скриба [Соловьёв Е.А.] Литературная хроника // Новости и Биржевая газета. 1896, 19-го декабря. № 350. С. 2–3 [3].

⁶ См.: Новости и Биржевая газета. 1891, 16 июля. № 194. С. 2 (сообщение «От редакции»), а также С. 3 (разъяснение этого сообщения в рубрике Русская печать) [4].

лософа, который касался нравственных отношений человека с его предками. В изложении критика «Новостей» эти идеи Вл. Соловьева приобретали совершенно карикатурный характер: «Вся суть сводится к тому, чтобы “Боженька” позволил дедушке жить вместе с нами и наслаждаться реформами валюты. Иначе, разумеется, ровно ничего не выйдет. Вся суть в дедушке. Он начало и конец. Раз дедушка на небе скажет: “все хорошо” – значит – все действительно благополучно. Но без дедушки, мм. г., ни шагу, иначе вы впадаете в величайший грех – в пренебрежение своими предками. А это знаете – как отзывается? – очень больно» [3, с. 2]. Столь же беспощадно ироничен был Скриба и в отношении того, что Вл. Соловьев писал о проблемах брака и деторождения. Переходя в заключительной части своей статьи к разбору экономических воззрений философа, обозреватель «Новостей» бросал будущему автору «Оправдания добра» обвинения в «самодовольстве» и «догматичности»⁷.

После выхода в свет ОД в первой книжной ее редакции Соловьев-Скриба посвятил труду своего однофамильца два выпуска своей Литературной хроники: эти тексты появились на страницах газеты с недельным интервалом (20 и 27 марта 1897 года). Название статьи «Оправдание добра» В.С. Соловьева – отсылало к заглавию соловьевской книги: каждая из двух частей была разделена на параграфы, причем только первый и последний из них имели названия, другие были просто отмечены латинскими цифрами⁸. Первый параграф первой части статьи назывался «Оправдание войны», последний параграф второй части – «Упования» (в обоих случаях вынесенные в заглавие слова были поставлены в кавычки). Стилистическая несобранность, неоднократное повторение одной и той же мысли, не всегда уместная ирония, развязная интонация – все это составляло характерный стиль данного обозревателя, и данная рецензия в этом смысле исключением не являлась. При этом нельзя сказать, чтобы в рецензии не было острых критических замечаний, и, может быть, самое сильное из них касалось темы «оправдания войны». Помимо общих претензий к этой главе моралистического толка, в которых Скриба совпадал, в том числе, с Н.Я. Гротом, критик подвергал соловьевскую апологию войны логико-исторической деконструкции. Скриба отмечал, что Вл. Соловьев не столько защищает войну с точки зрения морали, сколько оправдывает ее как историческое явление, считая вооруженные столкновения явлением необходимым для установления нравственного

⁷ По мнению Е.А. Соловьева, общественный интерес к философии Вл. Соловьева был тесно связан с судьбой славянофильства: автор «Критики отвлеченных начал» привлек внимание публики как крупнейший философ этого течения, а затем заслужил признание либералов как отступник из рядов славянофилов и их сильнейший противник. Самостоятельные воззрения мыслителя, не попадающие однозначно ни в либеральную, ни в консервативную парадигмы, оставляли широкого читателя в недоумении.

⁸ См.: Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 20 марта. № 78. С. 2–3 [5]; Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 27 марта. № 85. С. 2 [6].

миропорядка в обществе. По мнению Скрибы, Вл. Соловьев фактически выдает одно за другое, смешивая разные формы оправдания: «Если даже война (что несомненно) – *реально необходима* и фактически полезна (за неимением лучшего), то все же *нравственного* смысла она не имеет и иметь не может. Она безнравственна и по существу своему, как бесспорное и страшное зло. <...> *Полезные следствия войны не имеют решительно никакого отношения ни к ее смыслу, ни к ее бессмыслице.* <...> *То, что исторически необходимо, не может иметь ни нравственного, ни безнравственного смысла.* Совершенно достаточно и того, что оно необходимо. Требовать большего можно лишь от сознательной деятельности человека или человечества, а не от стихийных процессов – как солнечное затмение, как война, которая до сей поры всегда была стихийной» [5, с. 2]. По ходу текста Скриба несколько раз возвращался к этой мысли, иллюстрируя ее различными примерами: «Говорю не в обиду г-ну Соловьеву, а просто констатирую факт: желая все оправдать, он невольно оказался вынужденным прибегнуть к приемам Макиавелли. “Раз то-то и то-то *выгодно* для нравственного прогресса – оно имеет нравственный смысл”. На это я могу ответить: раз масло, охра и холст послужили материалом для создания Сикстинской Мадонны – они, значит, прекрасны сами по себе» [5, с. 3].

Вполне возможно, что Е.А. Соловьев (Скриба) ориентировался в своих возражениях Вл. Соловьеву на концепцию критического историзма, которая представлена, в частности, в «Исторических письмах» (1868–1870 гг.) П.Л. Лаврова (П. Миртова). Согласно этой теории, история разделяется на два периода – по Лаврову, на культуру и цивилизацию. Лишь на стадии последней появляется «критическая мысль», а это означает, что прежде, «стихийное» отношение к жизни сменяется «сознательным», основанным на разуме и моральном сознании. Даже если считать «стихийный» период истории необходимым, эта необходимость не может быть перенесена в новую эпоху, в которой главным действующим лицом и фактором прогресса является критическое сознание. В прошлом войны, может быть, и были неизбежными, но прошлое кончилось, и поэтому многие феномены этого прошлого лишились своего оправдания. Доводы Скрибы можно было бы считать вполне убедительными, если бы в главе XV ОД философ не разяснял, когда и при каких условиях войну можно считать пережитком прошлого. По мнению Вл. Соловьева, ясно выраженному в книге, войны между европейскими державами и в самом деле не имели оправдания, но война могла сохранять свое значение для истории в силу еще не преодоленных противоречий между Востоком и Западом, в первую очередь между Китаем и Европой. Вот эту историческую конкретизацию Вл. Соловьевым апологии войны Скриба предпочел не заметить.

В целом Е.А. Соловьев оценил «Оправдание добра» как «роскошно изданную и мастерски написанную» религиозную проповедь, которую ни в коем случае нельзя назвать философией, «тем менее научной философией» [5, с. 3]. Скриба несколько раз в своей статье именовал соловьевский труд «стихотворениями в

прозе», а в завершение своего отклика выражал недоумение, почему Вл. Соловьев «назвал свою книгу нравственной философией, а не “нравственными упованиями”». Скриба подчеркивал, что все доводы Вл. Соловьева сохраняют свое значение только для верующих людей и не имеют такового для людей, лишенных веры: «Если вы человек верующий, вы согласитесь почти со всем, если вера ваша слаба – вы не согласитесь ни с чем» [6, с. 2]. Скриба довольно пространно излагал взгляды Вл. Соловьева на аскетизм и его политэкономические воззрения, но исключительно для того, чтобы столь же иронически отнестись к ним как к несколько наивным представлениям верующего в торжество добра в мире романтика⁹. В целом общий смысл рецензии просматривался в следующем пассаже: «*Вера* – вот слово, которое может служить ключом к пониманию всей нравственной философии г-на Соловьева, и если вы не удовлетворяетесь доказательствами, то подумайте лишь о том, что перед вами человек верующий, и все станет для вас ясным, ваши возражения отпадут сами собою, так что же можно возразить верующему, преисполненному торжественного и торжествующего настроения?» [6, с. 2].

Впоследствии Е.А. Соловьев еще несколько раз обращался к творчеству своего великого однофамильца. Так, в частности, под псевдонимом «Андреевич» он написал ерническую рецензию на «Повесть об антихристе», назвав все написанное в ней «ахинеей»¹⁰. Он сопроводил свой текст не лишённой злобного остроумия пародией о китайском (sic!) чиновнике Антоне Антоновиче Антонове, под влиянием повести Вл. Соловьева вообразившем себя «антихристом» и с целью удостовериться в этом предположении выбросившемся из окна¹¹. Чиновника удержала в воздухе некая сила, которая оказалась крюком, за который зацепились его штаны. Спустя шесть месяцев после появления этой пародии Е.А. Соловьеву пришлось посвятить скончавшемуся в июле 1900 года Вл. Соловьеву один из своих «Очерков текущей русской литературы», которые он публиковал в марксистском журнале «Жизнь»¹². Критик дал покойному мыслителю пару лестных характеристик, особо отметив его литературный талант и чистоту нравственных помыслов. Андреевич даже выразил благодар-

⁹ Ср. еще более резкую оценку этических воззрений Вл. Соловьева в другой статье того же автора: «Не смехотворен ли и Влад. Серг. Соловьев, оправдывающий войну и видящий в Византии идеал государственного устройства и отрицающий закономерность экономической эволюции на том основании, что “стоит домовладельцам захотеть и сбавить квартирную плату – и нет квартирного вопроса; стоит предпринимателям захотеть и поделиться барышами – и нет рабочего вопроса!..”» (см.: Андреевич (Соловьев Е.А.) Книга о Максиме Горьком и А.П. Чехове. СПб., 1900. С. 171–259 [7]. Цит. по: Соловьев Е.А. (Андреевич) Антон Павлович Чехов. Критический очерк [Электронный ресурс] // А.П. Чехов: pro et contra. М.: Изд-во: РХГА, 2002. Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/upload/main/14_Solovjev.pdf [8].

¹⁰ См.: Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Об антихристе и других странных вещах и между прочим об «Истории новейшей русской литературы» А.М Скабичевского // Жизнь. 1900. № 3. С. 307 [9].

¹¹ Там же. С. 308–311.

¹² См.: Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Владимир Сергеевич Соловьев // Жизнь. 1900. № 9. С. 376–398 [10].

ность философу за то, что он отстаивал «остатки *гражданской* порядочности» в период «погрома интеллигенции» в 1880-е – начале 1890-х годов¹³. Однако в целом отношение Е.А. Соловьёва к автору «Оправдания добра» не поменялось: Вл. Соловьёв слишком запятнал свою репутацию в глазах критика «ненужными» прогрессивной общественности аскетическими и религиозными проповедями, умственными исканиями, далекими от практической политики, и слишком благосклонным отношением к войне, государству и уголовному кодексу. Философ был представлен в этом большом некрологе «человеком не от мира сего, странно и ненужно взявшимся за перо публициста»¹⁴. Нужно признать, что критик «Жизни» верно почувствовал, что позднее «государственничество» Вл. Соловьёва, его заметное поправление в 1890-е годы объяснялось, в том числе, и надеждами на приход нового монарха: с некоторой долей проницательности (хотя и весьма пристрастной) Андреевич отмечал, что «все последние годы (приблизительно с 1894 г.) огромной и усиленной умственной работы Соловьёва ушли на то, чтобы ввести самосовершенствование в разумные границы. <...> Особенно усердно Соловьёв защищал три явления, обеспечивающие современному государству его безопасность и устойчивость его жизни. Это – война, уголовный кодекс и догма. Вопрос о войне беспокоил его больше всего. Оправдав ее в своем “Оправдании”, он посвятил ей еще “Три разговора” – целую книгу, в литературном отношении представляющую из себя вероятно самое блестящее из всего написанного Соловьёвым» [10, с. 395]. Самим указанием на дату (1894 г.) Е.А. Соловьёв в завуалированной форме – но без вежливых расшаркиваний и дружеских оговорок – выражал то, что думали о Соловьёве не только левые радикалы, но и многие либералы того времени. Многие из них тайно сокрушались о том, что философ в 1890-е годы по непонятным (но едва ли эгоистическим) причинам поверил в то, что новое царствование будет коренным образом отличаться от предыдущего и вновь стал убежденным апологетом имперской государственности, которую ранее подвергал жесткой и нелицеприятной критике.

Через месяц, в мае 1897 года, в лево-народнической и к 1897 году уже полумарксистской «Русской мысли» вышел обстоятельный и внимательный разбор ОД. Вл. Соловьёв имел основание считать себя постоянным сотрудником журнала еще в конце 1894 года, но впоследствии у него возникли серьезные разногласия с редактором В.А. Гольцевым, что явилось причиной фактического прекращения сотрудничества Вл. Соловьёва с этим изданием. Анонимный отклик, написанный, вероятно, именно В.А. Гольцевым, начинался и завершался высокими оценками и самого автора, и его труда¹⁵. Книге Вл. Соловьёва предрекалась весьма грустная судьба: рецензент не скрывал, что сочине-

¹³ См.: Андреевич <Е.А. Соловьёв> Очерки текущей русской литературы. С. 376.

¹⁴ Там же. С. 377.

¹⁵ См.: «Оправдание добра» Вл. Соловьёва – Философия – Библиографический отдел // Русская мысль. 1897. Май. № 5. III паг. С. 205–211 [11].

ние философа, «горячего поборника всего гуманного и прогрессивного», не будет иметь успеха у читателей, чему виной ее слишком очевидные, по мнению рецензента, «субъективные основания» и «шаткие предпосылки»¹⁶. Проще говоря, этике Вл. Соловьева осторожно и завуалированно (по цензурным соображениям) ставилась в вину ее «тесная связь с религией», причем с религией именно христианской. Любое сомнение в вере и, соответственно, сомнение в «абсолютности и правоте добра», по мнению автора «Русской мысли», лишало соловьевскую этику оснований¹⁷. Главное возражение, которое делал рецензент, сводилось к указанию на так называемую «онтологическую ошибку», то есть на недопустимый с философской точки зрения переход от факта нравственного чувства к «трансцендентальной сфере объективных сущностей», невозможность утверждения реальности духовной природы человека на основании чувства «стыда», «реальной солидарности всех существ» на основании «жалости», высшего трансцендентного начала посредством «благоговения». По мнению критика, все эти чувства «вполне объяснимы как факты производные и вторичные, как продукты социальности»¹⁸.

Помимо этого главного возражения, анонимный критик, явно придерживающийся материалистических или во всяком случае позитивистских взглядов на нравственность и ее происхождение, высказывал и целый ряд мелких замечаний, в иных случаях довольно остроумных. Иронически обыгрывая ход рассуждений Вл. Соловьева в его опровержении пафоса пессимистов с помощью указания на неготовность мыслителей этого направления отказаться от жизни на основании теоретических аргументов о бессмысленности жизни, критик считал возможным подвергнуть сомнению и мораль жесткого аскетизма на основании «фактического утверждения половых сношений»¹⁹. Критику был явно не симпатичен слишком большой акцент, который делал автор «Оправдания добра» на «благоговейном отношении детей к родителям». В отличие от Вл. Соловьева, он полагал, что «живой отец, который отправляет все низшие функции, терпит обиды, делает зло, болеет и страдает, не может надолго питать религиозное чувство своего сына», а «чувство зависимости детей от родителей имеет провизорный характер, как и чувство всякой зависимости – и в жизни отдельной личности, и в жизни человечества оно с течением времени все слабеет и слабеет»²⁰. Чуть ниже, в конце своей рецензии, излагая содержание заключительной главы книги о «нравственной организации человечества», обозреватель «Русской мысли» отмечал, что Вл. Соловьев «сильно преувеличивает значение связи между отжившими предками и живущими потомками, придавая ей какой-то мистический характер, в котором она совершенно не нуждается: ис-

¹⁶ См.: <<Оправдание добра> Вл. Соловьева> – Философия – Библиографический отдел. С. 211.

¹⁷ Там же. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 207.

¹⁹ Там же. С. 208.

²⁰ Там же. С. 209.

тория и без того связывает между собою отдельные поколения, и ни одно из них не заслуживает посылаемого г. Соловьёвым упрека в неблагодарности»²¹. Рецензент подвергал сомнению и те аргументы, которые использовал философ в полемике с эвдемонизмом и утилитаризмом, считая, что Вл. Соловьёв напрасно отказывает большинству людей в способности к умственным и духовным удовольствиям²². Нелогичным и внутренне противоречивым он считал также представление философа об эволюции нравственности в истории, которое сложно сочетается с постулированием «абсолютного добра». Впрочем, то же «абсолютное добро» в его вечном конфликте с «формами жизни» оказывалось, с точки зрения «Русской мысли», причиной неспособности философа в рамках его мировоззрения достичь «полного синтеза юридического и этического»²³.

Критик лишь кратко останавливался на двух самых неприятных для левой среды пунктах соловьёвского мирозерцания, отразившихся в его книге, а именно: осуждении социализма в лице «экономического материализма»²⁴ и «оправдании войны». В противоречие со своим декларированным релятивизмом автор говорил об абсолютном значении человеческой личности и, соответственно, о том, что война в этом отношении представляет «абсолютное зло»: «Относительного зла метафизически нет, есть одно роковое, необъятное зло, и одним из его страшнейших проявлений служит война. Она может повлечь за собою, по-видимому, благоприятные результаты, но зло войны от этого не уменьшается» [11, с. 211]. По существу, критик «Русской мысли» использовал против Вл. Соловьёва тот же набор возражений, что и другие публицисты народнического направления. Однако в силу давних личных отношений автора «Оправдания добра» с журналом и его редактором эти критические замечания смягчались положительными оценками личности философа, его творческих способностей и гуманного духа общественных воззрений.

Гораздо более резким был разбор «Оправдания добра» в другом ведущем издании левых народников – петербургском журнале «Русское богатство». В октябрьском номере журнала с откликом на книгу выступил врач и публицист П.В. Мокиевский, регулярный обозреватель философской литературы на страницах издания, мыслитель, имя которого ныне овеяно неким таинственным флером, который за отсутствием конкретных источников мы не можем ни

²¹ См.: <«Оправдание добра» Вл. Соловьёва> – Философия – Библиографический отдел. С. 211.

²² Там же. С. 209.

²³ Там же. С. 210.

²⁴ Здесь анонимный обозреватель в более вежливой форме повторял ранее высказанный на страницах того же журнала упрек Вл. Соловьёву «в недостаточном знакомстве с тем направлением, которое он старается разбить», и ошибочном сопоставлении «экономического материализма» и социализма с «плутократией» на основании их общей эконоцентричности. Обозреватель выражал изумление тем, что Вл. Соловьёв может высказывать такого рода претензии, как будто не ведая, «что через материальное утверждение личности надо пройти, чтобы достигнуть духовного» (см.: <«Оправдание добра» Вл. Соловьёва> – Философия – Библиографический отдел // Русская мысль. 1897. Май. № 5. III паг. С. 210–211).

укрепить, ни развезть²⁵. По своей тональности и общим характеристикам отклик совпадал с теми оценками нравственной философии Вл. Соловьева, которые семью месяцами ранее были высказаны Е.А. Соловьевым на страницах «Новостей»: труд Вл. Соловьева – это не наука и не философия, а своего рода «художественное творчество». Вл. Соловьев «не исследует, а живописует», утверждал П.В. Мокиевский²⁶. Однако, в отличие от Е.А. Соловьева (Скрибы), обозреватель «Русского богатства» предпочел сосредоточиться не на той части книги, которая касалась вопросов общественной жизни, а на теоретических положениях изложенного в ней этического учения. Из прикладных вопросов Мокиевский остановился подробно только на экономических воззрениях Вл. Соловьева и его критике марксизма.

Аргументы против теоретических положений нравственной философии Вл. Соловьева, выдвинутые критиком, различались в качестве и весомости. Наверное, самое сильное из этих возражений: в книге ничего не говорится о том, что сближает три нравственных чувства – стыд, жалость и благоговение, что заставляет отнести их к единой или, как подчеркивал Вл. Соловьев, «триединой», идее «добра»²⁷. Критик и в самом деле сумел нащупать уязвимое место соловьевского трактата: по какой-то причине философ в первом издании книги отказался придерживаться собственного, составленного ранее плана, согласно которому за выделением эмпирических предпосылок нравственности должна была следовать дедукция самого понятия «добра» или определение «чистой нравственной воли», которая позволила бы объединить «стыд, жалость и благочестие» каким-то общим принципом, специфичным именно для сферы «нравственности».

Но уже вполне софистическим выглядело рассуждение П.В. Мокиевского о том, что Вл. Соловьев, разделяя «стыд», «жалость» и «благоговение» в зависимости от приложения идеи «добра» к «низшему», «равному» и «высшим» началам, не дает ясного понимания, «в чем заключается мерило возвышенности» в этой системе и что такое «абсолютно ценное, количеством которого определяется достоинство явлений»²⁸. Добиваясь от Вл. Соловьева предельной четкости понятий, Мокиевский иронически предлагал философу ответить на вопрос, кем в его системе мог бы считаться прародитель зла – «высшим» или «равным» началом – и, соответственно, чем должен руководствоваться человек по отношению к нему – жалостью или религиозным чувством.

В отличие от других критиков Вл. Соловьева как в «левой», так и в «пра-

²⁵ Здесь и далее цит. по: Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева. СПб., 1897) // Русское богатство. 1897. № 10. II паг. С. 34–52 [12]. О личности П. Мокиевского см.: Колмаков В.Б. Ценность жизни в русском позитивизме. П.В. Мокиевский, И.И. Мечников // Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2016. № 1. С. 22–40 [13].

²⁶ См.: Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева). С. 38.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 44.

вой» печати, Мокиевский фокусировал свое внимание на центральном пункте этической системы «Оправдания добра» – на проблеме «стыда». Мокиевский сразу же отклонил исходную антропологическую гипотезу Вл. Соловьева о том, что у полового стыда нет иных рациональных причин, кроме чисто метафизической – отвержения человеком природно-материального начала в себе, стремления, по выражению самого философа, «оттолкнуться» от этого начала. Критик утверждал, что одежда, согласно «бесчисленным показаниям путешественников и исследователям первобытной жизни», «возникла как украшение, а отнюдь не под влиянием стыдливости»²⁹. Впрочем, не ограничиваясь этим достаточно слабым возражением, не подкрепленным в тексте рецензии ссылкой на какой-либо солидный авторитет в области наук о человеке, Мокиевский обнаруживал и реальные логические противоречия в соловьевской концепции. Он полагал, что «отталкивание» от материальной природы не служит доказательством сверхматериальности, сверхприродности человека, поскольку «отталкиваться» друг от друга могут лишь родственные, однотипные явления³⁰. С другой стороны, сам факт материальности еще не является основанием для столь сложного чувства, каким является стыд: так, не сложно заметить, что вменяемый человек не испытывает «геометрического» стыда в отношении пребывания в физическом – тоже, несомненно, материальном – пространстве³¹. Поводом для еще одной иронической реплики в адрес философа-идеалиста стало замечание Вл. Соловьева, о том, что никакая проповедь полового воздержания не прекратит размножения. Из этого замечания Мокиевский делал остроумный вывод, что сам автор «Оправдания добра» не верит в реализацию своих аскетических установок: «проповедник аскетизма утешает себя мыслию, что, к счастью, его проповедь не может быть особенно успешною, и в то же время, находя, что «смена поколений» теперь еще необходима, он все-таки порочит творцов этой необходимой смены, хотя и порочит-то он их только потому, что убежден, что они не испугаются его порицаний и не прекратят *«преждевременно»* «смену поколений!»»³². Отклик П.В. Мокиевского был наполнен подобными сардоническими уколами в адрес тех или иных неудачных выражений или пассажей «Оправдания добра», чаще всего выдающих романтический характер мирозерцания автора этой книги: рецензент насмехался над «самодовольством камней», призывом аскетически регулировать дыхание, рекоменда-

²⁹ См.: Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева). С. 37–38.

³⁰ Там же. С. 40–41.

³¹ «Почему же человек не имеет, так сказать, геометрического стыда? Почему он не стыдится “похоти” материальной своей природы, желающей непременно занимать пространство о трех измерениях, подобно какому-нибудь «самодовольному камню»? Некоторые великие мистики имели даже и этот геометрический стыд: они стыдились своей телесности. Но г. Соловьев не решается идти так далеко: в качестве уступки нашему материалистическому времени он готов обнаружить геометрическое бесстыдство...» [12, с. 49].

³² Там же. С. 50.

цией «с любовью воспитывать природу» [12, с. 51–52]. Завершал публицист свой этюд издевательской просьбой Вл. Соловьеву «написать устав института для воспитания благородных гор» [12, с. 52].

Рецензия П.В. Мокиевского, вероятно, должна была серьезно задеть Вл. Соловьева, который тем не менее предпочел оставить ее без ответа, вероятно, потому что наряду с многочисленными софизмами и насмешливыми выпадами в ней содержались и серьезные возражения против теоретических оснований нравственной философии «Оправдания добра», в частности указание на реально отсутствующий в ней пункт – представление о том, что объединяет стыд, жалость и благоговение и заставляет отнести их к одной категории чувств. Как и в целом симпатизировавший Вл. Соловьеву Н.М. Соколов, П.В. Мокиевский не без оснований отмечал наличие в книге отдельных пассажей, выдающих причастность автора к неким мистическим тайнам, которые он тем не менее не считал нужным сообщить читателям³³. От этих довольно существенных критических замечаний нельзя было просто отмахнуться утверждением об их сравнительно малом отношении к сути дела. Возможно, понимание весомости подобного рода возражений и стало одной из причин возвращения Вл. Соловьева к работе над книгой и выхода в свет в 1898 году ее новых глав, содержащих, в том числе, попытку определить то, что объединяет стыд, жалость и благоговение.

Впоследствии, после смерти Вл. Соловьева, П.В. Мокиевский несколько раз в своих статьях упоминал и покойного философа, высоко оценивая его литературный дар, и свою статью о нем. Общий вывод философа-позитивиста по сути остался прежним: религия уже не может ничего дать философии и даже такие одаренные от природы люди, как Вл. Соловьев, не смогли внести ничего нового в сокровищницу мировой мысли: «Что сделал гордость и краса этого направления, сам Владимир Соловьев? Повторил спустя более чем 16 веков, философию Плотина и повторил ее, вдобавок, после того, как ее повторили уже и Баадер, и Шеллинг. Правда, он сделал это повторение в блестящей литературной форме, но этого еще недостаточно для настоящего творчества». «Религиозное творчество, – делал вывод критик «Русского богатства», – очевидно, иссякло. Не только у нас, но и нигде, во всем цивилизованном мире мы не можем найти ничего мало-мальски оригинального и интересного в области религиозной мысли ...»³⁴.

Если в «правом» лагере, прежде всего в отклике «Московских ведомостей», Вл. Соловьеву приписывалось стремление нанести удар по существующим формам церкви и государственности с помощью аргументов нравственно-

³³ «К этому нужно еще добавить, что в его книге, время от времени, попадаются места, которые как бы указывают на то, что автору доступно высшее, таинственное видение, которое, конечно, добывается не путем кропотливых научных исканий» [12, с. 42].

³⁴ См.: Мокиевский П.В. К характеристике современных течений (Николай Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1908) // Русское богатство. 1908. № 2. II паг. С. 71 [14].

го и религиозного характера, то в лагере «левого» его упрекали как раз за «охранительство» и отказ бросить вызов наличной действительности от имени высших идеалов. Здесь в первую очередь снова выделяется позиция «Северного вестника». Регулярный обозреватель этого издания критик А.Л. Волынский, который ранее предельно жестко отозвался на две статьи Вл. Соловьёва из его цикла публикаций по нравственной философии, поместил отклик на отдельное издание «Оправдания добра» только в конце 1897 года, в ноябрьском выпуске журнала³⁵. Одну из своих регулярных «Литературных заметок», так и озаглавленную «Оправдание добра», А. Волынский посвятил критическому разбору вышедшего примерно 11 месяцев назад соловьёвского трактата, который критик в самых первых строках своего сочинения называл полупрезрительно «собранием статей»³⁶. В отличие от других критиков слева, Волынский стоял с Вл. Соловьёвым примерно на одних метафизических позициях: религиозность сама по себе не должна была казаться ему признаком реакционности, напротив, государственничество Вл. Соловьёва представлялось Волынскому отступлением от идеализма и подлинного христианства. Философ, по мнению его критика, не дотягивал до подлинно нового религиозного сознания, наилучшим образом представленного самим Волынским и отчасти его коллегами по «Северному вестнику», и оставался в плену старых форм.

Смысловое содержание рецензии Волынского можно условно разделить на две части. Первая была наполнена уничижительными характеристиками сочинения Вл. Соловьёва и всей его философской деятельности в целом. Другая содержала попытку концептуального спора с философскими взглядами Вл. Соловьёва в виде теоретического и нравственного противопоставления его религиозному мировоззрению собственного кредо, которое критик называл «идеалистическим». Волынский повторял все свои прежние инвективы против Вл. Соловьёва, добавляя к ним новые. По словам критика «Северного вестника», мысли философа, «довольно туманные, с оттенком школьного богословия, никогда не представляют настоящего внутреннего единства»³⁷. Вообще вся карьера мыслителя являет нам картину его неуклонной идейной и творческой деградации: «Незаметно для себя, г. Соловьёв, начавший свою деятельность некоторыми довольно смелыми заявлениями, не лишенными вдохновенной самобытности, сделался выразителем мертвенно-банальных программ и теорий. От прежнего молодого писателя, подававшего надежды в области науки, остался только притязательный журналист с публицистическими приемами обычного типа» [15, с. 290]. Далее Волынский указывал на то, что «поблек» и «потерял свою густую окраску» даже стиль Вл. Соловьёва, что в его текстах «длинные фразы с тяжеловесными составными словами» прерываются «вульгарными са-

³⁵ Здесь и далее цит. по: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра» // Северный вестник. 1897. № 11. I паг. С. 289–297 [15].

³⁶ См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 289.

³⁷ Там же.

тирическими выходками», а «ничтожные литературные писания выдвигаются в один ряд с классическими трудами философов и отцов церкви»³⁸. В более туманных, чем в прежних критических статьях, выражениях Волынский намекал на фальшивый либерализм Вл. Соловьева³⁹. Бросалось в глаза и такое замечание: в своих как бы философских текстах автор «Оправдания добра» «иногда сражается с демоническими силами, с самим Сатаной, придавая ему в своих отвлеченных рассуждениях черты почти наглядной реальности» [15, с. 289]. В общем и целом вывод Волынского по поводу всей поздней философской деятельности его оппонента был однозначно отрицательный: «Невызискательная публика, не приученная к серьезным идейным рассуждениям, наверное, сочтет за философию и оригинальное умственное построение этот византийский состав из практического богословия и полновластной государственности» [15, с. 290].

Вслед за П.В. Мокиевским Волынский делал акцент на том, что «книга о добре» обошлась «без предварительного анализа самой идеи добра с ее философской стороны»⁴⁰. Однако, в отличие от старавшегося держаться в академических рамках критика «Русского богатства», Волынский довольно быстро переходил от этого теоретического замечания к мировоззренческим разногласиям с Вл. Соловьевым, которые в подцензурной печати следовало обозначать с известной долей осторожности. Упреждая будущие критические выпады в адрес Вл. Соловьева со стороны адептов «религиозной революции», Волынский предъявлял философу главное обвинение – по его мнению, автор «Оправдания добра» хотел соединить дух Евангелия с признанием сложившихся «исторических» форм государственности и церковности. Критикуя отвлеченный, «бесплотный» идеализм (этот ярлык Волынский почему-то принимает на свой счет), Вл. Соловьев, по мнению критика, «упускает из виду» наличие неорганизованной, то есть не введенной в формы государственности, «жалости», равно как и существование «удаляющегося от всякой организации» благочестия⁴¹. Спор Волынского с Вл. Соловьевым в этом пункте воспроизводил полемику 1830-х годов «левого» и «правого» направлений гегельянства: спор тех сторонников Гегеля, кто считал, что мировой дух нашел свое выражение в конкретных формах государственного устройства, и тех, кто полагал необходимым диалектическое снятие наличного бытия в виде отрицания исторически утвердившихся

³⁸ См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 290.

³⁹ «Его журнальные статьи и заметки, с несложным содержанием, осветились либеральным огоньком, при чем само богословие послужило орудием для разрешения некоторых гражданственных задач. Таким образом, в лице г. Соловьева либеральная печать как бы сделала неизбежную уступку новому умственному движению, которое выражает потребность общества в более утонченных аргументах для своих прогрессивных стремлений. При этом оказалось, что философия вовсе не объясняет старых жизненных понятий и при своей метафизической превьспренности является стихией невинных добродушных мечтаний, которые нежно обвивают вековые твердыни и святыни общественного строя» [15, с. 289–290].

⁴⁰ См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 290–291.

⁴¹ Там же. С. 294.

государственности и церкви. Как утверждал Волынский, «идеальное начало жизни создает и разрушает каждую форму, и если создание форм есть акт воплощения божества в явлении, то разрушение этих форм может быть названо возвратом явления к своему первоисточнику, освобождением разумного духа от ограничивающих его материальных организованных сил» [15, с. 295].

Любопытно, что воспроизведение логики этого спора выводит Волынского к теме отношения к Сократу. На страницах своей книги, в главе 11, Вл. Соловьев подверг сомнению правомочность с философской точки зрения радости Сократа по поводу грядущей смерти. По мнению Вл. Соловьева, в самой этой смерти, несмотря на ее героический ореол, не было ничего радостного. Приближающаяся смерть должна была вызывать у великого греческого философа «двойную печаль» – как следствие незаконного смертного приговора и как знак «торжества слепой и бездушной силы ядовитого вещества над живым организованным телом, в котором воплощается разумный дух». Для Волынского Сократ был «настоящим героем, возвещавшим приближение новой эпохи в человеческой истории»⁴², а «неорганизованное, свободное от идолопоклонства благочестие», равно как и «живая жалость» к людям, и «утонченно-нравственный стыд», в совокупности «создают основу для самых широких социальных и нравственных мечтаний и надежд, которые в своей совокупности образуют идею царства божия на земле»⁴³. После смерти Сократа «причастие и постепенное причащение людей к совершенству стало мыслью – освободительную мыслью – для новой религиозной и нравственной работы»⁴⁴. Возражения Волынского в точности совпадали с тем, что станет писать о Вл. Соловьеве после перехода на революционные позиции Мережковский. Автор «Немого пророка» (1908 г.)⁴⁵, вслед за обозревателем «Северного вестника», утверждал, что Вл. Соловьев был слишком привязан к наличным формам государственности и церкви и поэтому не сумел оценить революционную силу идеи богочеловечества, идеи царства Божьего на земле. В каком-то смысле в этом намечающемся расхождении Вл. Соловьева с религиозными идеалистами, непризнанным предтечей которых стал отколовшийся от символизма и модернизма в 1897–1898 годах критик «Северного вестника», проявился тот кризис гегелевского идеализма, который в 1840-е годы развел по разные стороны идейных баррикад Грановского и Герцена, Каткова и Бакунина. Различие состояло только в том, что в конце XIX века сила отрицания в качестве своего оружия выбрала не нигилизм и нравственный эгоизм, а христианский идеализм и впоследствии концепцию религиозной революции. В определенном смысле появление подобного критического идеализма явилось следствием общественно-религиозной проповеди Вл. Соловьева, а также, разумеется, Л.Н. Толстого: подлинно хри-

⁴² См.: Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра». С. 296.

⁴³ Там же. С. 297.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Мережковский Д.С. Немой пророк // Речь. 1908, 10 (23) августа. № 190. С. 3 [16].

стианская религиозность (в разном ее понимании) перестала ассоциироваться с лояльностью земным властным институтам, но оказывалась основанием их жесткой критики.

В целом жесткая критика нравственной философии Вл. Соловьева с «левого» и «правого» флангов общественной мысли (при почти полном равнодушном молчании либерального центра) свидетельствовала не только о том, что публика ценила в нем критика славянофильства, но и о том, что его самостоятельные философские взгляды ее не интересовали. Проблема состояла, на наш взгляд, еще и в том, что в неожиданной для либерального публициста того времени апологии государственности и войны публика усмотрела некий политический маневр, рассчитанный, в том числе, и на сближение с властью, и этот маневр был оценен, по крайней мере критиками «слева», как недопустимый и морально не позволительный компромисс.

Список литературы

1. Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны» // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 32–58.
2. Соловьев Вл. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. Кн. 12. Декабрь. С. 536–569.
3. Скриба [Соловьев Е.А.] Литературная хроника // Новости и Биржевая газета. 1896, 19-го декабря. № 350. С. 2–3.
4. От редакции // Новости и Биржевая газета. 1891, 16 июля. № 194. С. 2.
5. Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 20 марта. № 78. С. 2–3.
6. Скриба [Соловьев Е.А.] «Оправдание добра» В.С. Соловьева // Новости и Биржевая газета. 1897, 27 марта. № 85. С. 2.
7. Андреевич (Соловьев Е.А.) Книга о Максиме Горьком и А.П. Чехове. СПб., 1900. 259 с.
8. Соловьев Е.А. (Андреевич) Антон Павлович Чехов. Критический очерк [Электронный ресурс] // А.П. Чехов: pro et contra. М.: Изд-во: РХГА, 2002.
9. Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Об антихристе и других странных вещах и между прочим об «Истории новейшей русской литературы» А.М. Скабичевского // Жизнь. 1900. № 3. С. 285–311.
10. Андреевич <Е.А. Соловьев> Очерки текущей русской литературы. Владимир Сергеевич Соловьев // Жизнь. 1900. № 9. С. 376–398.
11. <«Оправдание добра» Вл. Соловьева> – Философия – Библиографический отдел // Русская мысль. 1897, Май. № 5. III паг. С. 205–211.
12. Мокиевский П. «Добро» г. Владимира Соловьева (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьева. СПб., 1897) // Русское богатство. 1897. № 10. II паг. С. 34–52.
13. Колмаков В.Б. Ценность жизни в русском позитивизме. П.В. Мокиевский, И.И. Мечников // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. 2016. № 1. С. 22–40
14. Мокиевский П.В. К характеристике современных течений (Николай Бердяев. – Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1908) // Русское богатство. 1908. № 2. II паг. С. 59–73.
15. Волынский А. Литературные заметки. «Оправдание добра» // Северный вестник. 1897. № 11. I паг. С. 289–297.
16. Мережковский Д.С. Немой пророк // Речь. 1908, 10 (23) августа. № 190. С. 3.

References

(Sources)

Individual works

1. Andreevich < Solov'ev, E.A.> *Kniga o Maksime Gor'kom i A.P. Chekhove* [The book about Maxim Gorky and A.P. Chekhov]. Saint-Petersburg, 1900. 259 p.
2. Andreevich < Solov'ev, E.A.> Ocherki tekushchey russkoy literatury. Ob antikhriste i drugikh strannykh veshchakh i mezhdru prochim ob «Istorii noveyshey russkoy literatury» A.M. Skabicheskogo [Essays on current Russian literature. About the Antichrist and other strange things, and by the way about the “History of Modern Russian Literature” by A.M. Skabicheskoy], in *Zhizn'*, 1900, no. 3, pp. 285–311.
3. Andreevich < Solov'ev, E.A.> Ocherki tekushchey russkoy literatury. Vladimir Sergeevich Solov'ev [Essays on current Russian literature. Vladimir Sergeevich Soloviev], in *Zhizn'*, 1900, no. 9, pp. 376–398.
4. Merezhkovskiy, D.S. Nemoj prorok [The Dumb prophet], in *Rech'*, 1908, August 10 (23), no. 190, p. 3.
5. Mokievskiy, P. «Dobro» g. Vladimira Solov'eva (Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya Vladimira Solov'eva. SPb., 1897) [“The Good” by Mr. Vladimir Soloviev (The Justification of Good. Moral Philosophy of Vladimir Soloviev)], in *Russkoe bogatstvo*, 1897, no. 10, pp. 34–52.
6. Mokievskiy, P. K kharakteristike sovremennykh techeniy (Nikilay Berdyaev – Novoe religioznoe soznanie i obschestvennost'. SPb., 1908) [On the characteristics of modern trends (Nikolai Berdyaev. – New religious consciousness and the public. St. Petersburg, 1908)], in *Russkoe bogatstvo*, 1908, no. 2, pp. 59–73.
7. <«Opravdanie dobra» Vladimira Solov'eva > – Filosofiya – Bibliograficheskiy otdel [“The Justification of Good” by Vladimir Soloviev – Philosophy – Bibliographic Section], in *Russkaya mysl'*, 1897, May, no. 5, pp. 205–211.
8. Ot redaktsii [From the Editorial Board], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1891, July 16, no. 194, p. 2.
9. Skriba <Solov'ev, E.A.> Literaturnaya khronika [Literary chronicle], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1896, December 19, no. 350, pp. 2–3.
10. Skriba <Solov'ev, E.A.> «Opravdanie dobra» Vladimira Solov'eva [“The Justification of Good” by Vladimir Soloviev], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1897, March 20, no. 78, pp. 2–3.
11. Skriba <Solov'ev, E.A.> «Opravdanie dobra» Vladimira Solov'eva [“The Justification of Good” by Vladimir Soloviev], in *Novosti i Birzhevaya gazeta*, 1897, March 27, no. 85, p. 2.
12. Solov'ev, E.A. (Andreevich) Anton Pavlovich Chekhov. Kriticheskiy ocherk [Anton Pavlovich Chekhov. Critical essay], in *A.P. Chekhov: pro et contra*. Moscow: Izdatel'stvo RKhGA, 2002.
13. Volynskiy, A. Literaturnye zametki. «Opravdanie dobra» [Literary notes. “The Justification of Good”], in *Severnyy vestnik*, 1897, no. 11, pp. 289–297.

(Articles from Scientific Journals)

14. Kolmakov, V.B. Tsennost' zhizni v russkom pozitivizme. P.V. Mokievskiy, I.I. Mechnikov [The Value of life in Russian positivism. P.V. Mokievsky, I.I. Mechnikov], in *Vestnik VGU: Philosophy*, 2016, no. 1, pp. 22–40.
15. Mezhuev, B.V. Dvizhenie vpravo: Vl. Solov'ev i ego «Smysl voyny» [Moving right: V. Soloviev and his “The Meaning of War”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 3(63), pp. 32–58.
16. Solov'ev, Vl. Ekonomicheskiy vopros s нравstvennoy tochki zreniya [The Economic Question from a Moral Point of View], in *Vestnik Evropy*, 1896, no. 12, December, pp. 536–569.

УДК 82-1:1(47)

ББК 83.3(2)5:87.2(2)522

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры истории русской литературы; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьёва. Часть 3¹

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University, Professor of Department of History of Russian Literature; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Leading Researcher, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

V. Solovyov's aesthetic assessments of K.F. Fofanov's lyrics. Part 3

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.023-039

12 марта 1897 года, вскоре после похорон А.Н. Майкова, скончавшегося 8 марта 1897 года, Вл. Соловьёв в письме К.Ф. Головину спрашивал своего корреспондента: «Дошло ли до вас невероятное стихотворение Фофанова на могиле Майкова? Я усмотрел в нем даже нечто провиденциальное: Немезиду, или искупление для Майкова, сочинившего некогда хвalebный гимн “У гробницы Грозного”». Речь шла о стихотворении Фофанова «Памяти А.Н. Майкова», спровоцировавшего Соловьёва на идею написать пародию «По поводу стихов Майкова “У гробницы Грозного” и стихов Фофанова “На могиле Майкова”»:

Когда лукавыми словами
Ты злую силу воспевал,
Не мнил ты, Майков, что меж нами
Уже отмститель, восставал!

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800). Первая и вторая части опубликованы в журнале «Соловьёвские исследования» (2023. Вып. 2(78). С. 55–73 и 2023. Вып. 3(79). С. 6–23).

И он пришел к твоей могиле,
И дикий вой раздался вдруг,
И стало тошно адской силе,
И содрогнулся горный круг.

А там в Архангельском соборе
Прошел какой-то странный гул,
И, несказанным виршам вторя,
Сам Грозный крикнул: «Караул!» [1, с. 9].

Приведем и текст Фофанова, вызвавший к жизни эту соловьевскую сатиру:

Колыбель твоей славы могила твоя!
Воссиял над тобой новый свет бытия,
И обрел в тайне смерти ты новый венец,
В смысле жизни обрел величавый конец.

Ближе новой ступенью ты стал к Божеству
И не будет конца твоему торжеству, –
Где горит незакатно заря – и куда
Не заглянет людская борьба и вражда.

И в нетленном чертоге сияющих сил
Ты, бессмертный, в бессмертие ныне вступил –
И воссел на Олимпе в созвездьи богинь.
Мир и славе тебе; мир и небо! Аминь! [2, с. 176]

Что же было такого невероятного в «несказанных виршах» Фофанова, что заставило Соловьева взяться за перо? С одной стороны, перед нами жанр, традиционный для русской поэзии XIX столетия, – «стихотворение на смерть поэта», очень отдаленная и очень слабая вариация идей, выраженных в знаменитом стихотворении Е.А. Боратынского «На смерть Гёте», прежде всего таких его строк, как «Творца оправдает могила его» и «К предвечному легкой душой возлетит». Здесь мы не будем обсуждать, имел ли в виду Фофанов текст Боратынского, когда сочинял эту поэтическую эпитафию, но вряд ли Соловьева эти наивные и поэтически слабые рассуждения о могиле как колыбели славы, о загробном венце, вечном торжестве в краю, где горит незакатно звезда и где происходит восхождение к Божеству, заключенные в два первые четверостишия, так бы раззадорили. «Невероятное», он, скорее всего, обнаружил именно в финальной, третьей строфе, которая могла ему видаться своего рода «смесью французского с нижегородским», вернее – христианства с язычеством. Главная тема всего майковского творчества – борьба «двух миров», язычества и христианства, – оборачивалась у Фофанова их нелепым «синтезом»: христианин Майков становится бессмертным, но не в Царствии Небесном – он «воссел на

Олимпе в созвездьи богинь», да еще эти «богини» рифмуются с церковным «Аминь!». Подобный несуразный «синтез» провоцировал Соловьева на соответствующую реакцию. Да и сам сюжетный ход этого «хвалебного гимна» – «размышления у гроба» – не мог не вызвать ассоциаций со столь нелюбимым им майковским стихотворением о Грозном.

Тут уместно было бы вспомнить данное самим Соловьевым определение комедии как «типичного изображения анти-идеальной действительности в ее самодовольстве», причем под «самодовольством» Соловьев имеет в виду «общее довольство целым данным строем жизни»². Даже трагические события могут производить комический эффект, когда «преступление не было личным намеренным действием», тогда как «сознательный преступник, довольный самим собою и своими делами, не трагичен, но отвратителен, а никак не комичен»³. Именно таким «бессознательным преступником» и оказывается Фофанов в рисуемой Соловьевым комической фантазмагорической сценке, пародирующей одновременно и классическую кладбищенскую элегию вкупе с излюбленным Соловьевым-пародистом жанрами баллады и эпитафии.

Однако «надгробная похвала “декадента” Фофанова» не только «возмездие за прижизненные грехи» «для “классика” Майкова», как остроумно заметила З.Г. Минц в комментариях к соловьевской пародии⁴. Конечно, такая трактовка вполне уместна, так как А.Н. Майков как «классик» явно отрицательно воспринял русских декадентов, появившихся на литературной сцене в конце его жизни, о чем свидетельствуют его собственные эпиграммы середины 1890-х годов – «Декаденты» («В степи поет заря. Река мечтает кровью...»), «У декадента всё, что там ни говори...». В свое время даже выдвигалась гипотеза, что эти эпиграммы, особенно последняя, связаны (или вдохновлены) именно с соловьевскими пародиями на первые выступления русских символистов⁵. Однако, с нашей точки зрения, в пародии Соловьева не просто противопоставление «декадента» и «классика». Против декадентов выступал и Фофанов (к этому мы еще вернемся ниже), в том числе в стихотворении «Декадентам» (1900 г.). Если уж что и вменяется Соловьевым А.Н. Майкову как «классику», так это его измена классическому пониманию идеала добра и красоты, его собственное впадение в духовное, нравственное, историческое и, наконец, национальное «декадентство», когда, соблазненный «бесом политической агитации», он взялся за похвалу злу и неправде «лукавыми словами».

Фофанов с его стихотворением «Памяти А.Н. Майкова» оказался подходящим поводом к появлению соловьевской сатиры, в которой выразилась

² См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 87 [3].

³ Там же.

⁴ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. С. 322–323 [4].

⁵ См.: Майков А.Н. Избранные произведения / вступ. ст. Ф.Я. Приймы, сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Гейро. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 866 («Библиотека поэта. Большая серия») [5].

вся накопившаяся ирония по поводу А.Н. Майкова и его апофеоза Ивану Грозному. Но, конечно, не только «поводом». Судя по всему, стихотворение Фофанова, да и вся его лирика, представлялось Соловьёву типичным для эпохи образцом подмены понятий: Христа – сверхчеловеком, идеи монархии – тиранией, русской идеи – византизмом, самосознания – самолюбованием, высшего смысла – претенциозной бессмыслицей, борьбы язычества с христианством – их псевдосинтезом. Такой «диагноз» в отношении Фофанова в определенной мере оказывается верным, если мы учтем, чьим поэтическим кумиром он будет в дальнейшем.

После кончины Фофанова, в чьей поэзии исследователь русского футуризма В.М. Марков видел почему-то исключительно «некое старомодное очарование»⁶, его имя стало знаменем питерских эгофутуристов, возглавляемых первоначально сыном Фофанова Константином, писавшим под псевдонимом Константин Олимпов, в союзе с его более успешным соперником – Игорем Лотаревым, вошедшим в историю литературы как Игорь Северянин. Константин Олимпов убеждал читателей, что для того, чтобы «жить и плакать душою младенца», надо быть безумным («Я хочу быть душевно-большим...»)⁷ и что подобные ему поэты жонглируют мирами («Мы – поэты, пророки, хирурги / Молньеносно играем богами»⁸). Он объяснял происхождение своего «Вселенского Эго-Футуризма» следующим образом: «Бессмертие в Вечности плюс “Alter Ego” Фофанова плюс Футуризм и – обобщение – “Вселенский Эго-Футуризм”» [7, с. 3]. Правда, по воспоминаниям Игоря Северянина, это он (а вовсе не Олимпов), «в отличие от школы Маринетти», к слову футуризм «прибавил приставку “ego” и в скобках: “вселенский”»⁹. В начале 1910-х годов лозунгами северянинского «Эго-Футуризма» были: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со “стереотипами” и “заставками”. 7. Разнообразие метров¹⁰. Будучи горячим почитателем творчества Фофанова с 1900-х годов и адресатом его благосклонного внимания, в том числе различных стихотворных посвящений, Игорь Северянин также объявляет Фофанова предтечей эгофутуризма. И тут мы сталкиваемся с чрезвычайно любопытными метаморфозами уже знакомых нам жанров, поэтических сюжетов и критических высказываний.

В 1912 году основанная И.В. Игнатьевым футуристическая газета «Петербургский глашатай» издает «Оранжевую урну: Альманах памяти К.М. Фо-

⁶ См.: Марков В.Ф. История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2017. С. 58 [6].

⁷ См.: Константин Олимпов. Жонглеры-нервы. СПб.: Петербургский глашатай И.В. Игнатьева, 1913. С. 2 [7].

⁸ Там же. С. 1.

⁹ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / сост., авт. предисл. и коммент. Е. Филькина. М.: Республика, 1999. С. 461 [8].

¹⁰ Там же.

фанова». Весь сборник – это четыре страницы текста, обрамленные, в соответствии с заглавием, конечно, оранжевой обложкой. Содержание его достаточно разнообразно. Открывается он двумя стихотворениями В. Брюсова («Итак, это – сон...» и «Весеннее»), далее стихотворения Игоря Северянина «На смерть Фофанова», Дмитрия Крючкова «К.М. Фофанову», Ивана Оредежа (И.С. Лукаша) «Я славлю», прозаическая миниатюра об отце «Царственный соловей» Константина Олимпова, прозаическая «Миньютюра И.В. Игнатьева». Есть в сборнике и манифесты группы. В первом – «Эгопозэзия в поэзии» Г.А. (Грааль-Арельского) – утверждается, что именно «эгоизм объединяет всех, потому что все эгоисты», а «цель Эгопозэзии, – восславление эгоизма как единственной правдивой и жизненной интуиции»¹¹. Во втором – «Эгоизм», написанном П.М. Фофановым (дядюшкой Константина Олимпова), – декларируется: «Мы говорим о жизни, о бытии и для живущих или имеющих быть на свете, а не для тех, для кого мир не существует, как не существуют они сами, там – nihil, там – Небытие, Нирвана, там – Ничто, а жизнь мира вечно продолжает идти своим темпом и развивать и дополнять Вечную свою сущность – “Я” – Эгоизм»¹².

В стихотворении «На смерть Фофанова» (1911 г.) Игорь Северянин направлял свои инвективы против всех «детей злого века», всех «приличных мерзавцев», всех прозаичных «трезвых умов», которые поносили и «бежали, как чумы», поэта, пока он был жив, которые не понимали его «мудрого опьянения», не признавали, «Что пьяным гением зажженные идеи – / Прекрасней вашей трезвой лжи»¹³. Фофанов рисуется им как страдалец и мученик, чуть ли не как Христос, чье сердце готово было разорваться, ибо «весь мир любить готовый, / И видя только зло, – в отчаянии, светло / Он жаждал опьянеть, дабы венец терновый, / Как лавр, овил его чело!...»¹⁴.

Стихотворение «На смерть Фофанова» Игорь Северянин включил в свой самый шумевший первый сборник «Громокипящий кубок» (1913 г.), куда поместил и стихотворение «Над гробом Фофанова» (1911 г.). Этот текст был уже иного, идиллического тона, здесь создавался образ милого и доброго человека, застенчивого, ласкового, с веселым и молодым сердцем, певшего «почти безразумно, – до самозабвения», тосковавшего «по своей принцессе лазоревой – по Мечте своей», невыносимо страдавшего «от вдохновения» и измученного «от вечного одиночества, от одиночного холода»¹⁵. Сам автор определил жанр стихотворения как «интуитта», в том числе и потому, что стоящий у гроба поэт-наследник видит улыбку почившего, «сквозь гроб меня озаряющую», и слышит, как душу умершего приветствуют на небесах Божьи ангелы¹⁶.

¹¹ См.: Оранжевая урна: Альманах памяти К.М. Фофанова. СПб.: Петербургский глашатай, 1912. С. 3 [9].

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. М.: Гриф, 1914. С. 110 [10].

¹⁶ Там же. С. 110.

Однако в контексте нашей темы невозможно не обратить внимания на то, что в итоге в «Громокипящем кубке» имя Фофанова вновь объединяет два жанра: «стихотворение на смерть поэта» и «размышления у гроба». Удивительно ли, что в том же сборнике появляется и еще один встречавшийся нам уже сюжет – восхваление тирана? Правда, тиран – это не Иван Грозный, но фигурировавший параллельно с ним в дискуссиях 1890-х годов Соловьева и С.М. Волконского император Нерон¹⁷. В одноименном стихотворении 1911 года Нерон – «мучитель-мученик», «поэт-убийца», мечтатель, жаждущий попасть в Эдем (снова, как у Фофанова, странный «синтез» языческого и христианского!), которого «мучают бездарные люди, опозорив / Облик императора общим сходством с ним»¹⁸. Для толпы Нерон – «урод рыжий», но на самом деле он – «лазорева», его душа – «радостный Парис»¹⁹, тогда как вокруг него люди «озабочены пошлым и земным»²⁰. Указывая на это стихотворение как на образец «эстетики безобразного» в духе символизма, исследователи пишут, что «эффектность произведения обусловлена в первую очередь именно этой нестандартной эстетической трактовкой»²¹, но, как мы видим, трактовка-то оказывается вполне предсказуемой и чуть ли не «стандартной» – именно против нее и выступал Соловьев, обнаружив ее исходную вариацию у такого служителя «искусства для искусства», как Майков.

Поднимается в «Громокипящем кубке» и вопрос о пушкинской традиции. Для Игоря Северянина несомненно, что после смерти Фофанова «на опушке / Олимпа грезовых лесов»²² стало пустынно, что Пушкин для нового поколения оказался уже Державиным, что молодым «надо новых голосов»²³. Кто займет это олимпийско-державинско-пушкинско-фофановское место? Пожалуй, читателю «Громокипящего кубка» автор не оставляет права на какие-либо сомнения, когда из стихотворения в стихотворение сообщает: «светозарно-ореолочно / Согреет всех мое бессмертье»²⁴, «Я прогремел на всю Россию»²⁵, «Я покорию Литературу! / Взорлил, гремящий, на престол»²⁶, «Я выполнил свою задачу, / Литературу покорив»²⁷. При этом перед читателем не просто какой-нибудь «оскандаленный герой», но «литературный Мессия»²⁸,

¹⁷ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. С. 95–96.

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Матвеева Е. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина) [Электронный ресурс]. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. Режим доступа: <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii6.html> [11].

²² См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. С. 119.

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Там же. С. 122.

²⁶ Там же. С. 125.

²⁷ Там же. С. 126.

²⁸ Там же. С. 122.

новый апостол, который отрясает обувь от пыли старой, прогнившей, «как рокфор», культуры²⁹ и приносит новое учение: дарит «толпе холопов / Значенье собственного “я”»³⁰. Это «значение собственного “я”» позволяет поэту утверждать свою почти богоравность: «В ненастный день взойдет, как солнце, / Моя вселенская душа!»³¹. Но ему уже мало учения об «Эго», его путь устремлен дальше и выше, и он предельно четко обозначает собственную траекторию: «Душа влечется в Примитив. / Я вижу росные туманы! / Я слышу липовый мотив!»³². А пока «В морях Дисгармонии – маяк Унисон» позволяет ему одинаково славить «восторженно Христа и Антихриста», «кокотку и схимника»³³. В «Поэзе не для печати» (1913 г.), посвященной Федору Сологубу, Северянин скажет еще более дерзко о том, что в эпоху модерна «Голгофа измельчала: / Не три креста, а миллиард», что двойственных изначально людей современности мучит один лишь вопрос: «“Антихрист, у Христа опальный, – / Не псевдонимный ли Христос?”»³⁴

После «Громокипящего кубка» в Игоре Северяnine, как некогда Д.С. Мережковский в Фофанове, увидят, как это сделал В.Ф. Ходасевич, «истинного обитателя города»³⁵. Правда, В.Ф. Ходасевич в статье «Игорь Северянин» (1912 г.) приветствует «в лице его не пророка, не основателя новой школы, а просто талантливого и во многом самостоятельного поэта»³⁶, чья «грусть по настоящей, а не по “изысканной” культуре» явно отличает его от того, что «принято называть футуризмом»³⁷, почему В.Ф. Ходасевич и предлагает «называть эго-футуризмом стихи Игора Северянина – и никого больше»³⁸. В том, что «Игорь Северянин, действительно и несомненно, истинный поэт»³⁹, не сомневался и С.П. Бобров, ссылаясь на его мастерское владение техникой стиха. Для М.А. Волошина, однако, это техническое мастерство вовсе не представляется признаком истинного таланта. Парадоксальный параллелизм: как в начале 1890-х годов Н.Н. Страхов сетовал на избыток стихотворцев и на

²⁹ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. С. 120.

³⁰ Там же. 126.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 31.

³⁴ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 280.

³⁵ См.: Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин и футуризм // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 434 [12].

³⁶ См.: Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 399 [13].

³⁷ См.: Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин и футуризм. С. 435.

³⁸ Там же. С. 437.

³⁹ См.: Бобров С. Северянин и русская критика // Критика о творчестве Игора Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 39 [14].

падение качества их поэтической продукции, так в начале 1910-х М.А. Волошин с горькой иронией констатирует, что «образцы разрешения различных трудных версификационных задач, данные за истекшее десятилетие Бальмонтом, Брюсовым, В. Ивановым и пр., вульгаризировали тайны стихосложения до такой степени, что теперь всякий может писать формально хорошие стихи»⁴⁰ и что остается добиться того, чтобы «любой телеграфист или парикмахер могли писать в приступах влюбленности стихи формально не хуже бальмонтовских и брюсовских»⁴¹. Если для С.П. Боброва Игорь Северянин «нов в том смысле, что дал нам некий синтез Фету и Тютчеву подобного модернизма с более простыми поэтами, как Случевский, Фофанов, Лохвицкая и даже (в этом нет ничего страшного, с точки зрения историко-литературной) Апухтин и Надсон»⁴², то Н.С. Гумилев, как когда-то третьестепенный критик Н.М. Соколов, возмущавшийся заемностью поэтических, в том числе и фофановских, идей из газетных передовиц, будет доказывать, что вся новизна Игоря Северянина «в праве поэта быть искренним до вульгарности»⁴³, но что эта вульгарность поражает только «людей книги», вдруг увидевших в стихах язык «людей газеты», тогда как «люди газеты не видят в этом ничего неестественного»⁴⁴. Если Н.М. Соколов, к возмущению Соловьева, зачислял в предшественники Фофанова А.К. Толстого, то Н.С. Гумилев указывает на созданного при участии А.К. Толстого Козьму Пруtkова, утверждая, что «за всеми “новаторскими” мнениями Игоря Северянина слышен твердый голос Козьмы Пруtkова», который «для людей газеты» на самом деле «нисколько не комичен»⁴⁵. Если Н.М. Соколов неуклюже пытался выявить «шаблоны», которые Фофанов или Минский позаимствовали у А.К. Толстого и А.А. Фета, то в 1911 году М.А. Волошин берет за образец на «трафареты чувств, образов и идей»⁴⁶, позаимствованные новейшими поэтами из бальмонтовских и брюсовских стихов. Оглядываясь на четверть столетия назад, он полагал, что, «когда в восьмидесятых и девяностых годах многочисленными безвестными поэтами той эпохи писали стихи, они употребляли трафареты настолько истертые и захватанные, что никаких черт их происхождения на них не оставалось», ибо уже истекло «семь десятилетий, прошедших после пушкинской эпохи»⁴⁷. С его точки зрения, «минувшее десятилетие подновило и трафареты стихотворного содержания», новейшие трафареты еще сохраняют «на себе фабричное клеймо своего происхождения»⁴⁸. Правда, в «поэтических трафаретах», которыми пользуется Игорь Северянин, М.А. Волошин ощущает

⁴⁰ См.: Волошин М.А. «О модных позах и трафаретах». Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер // Утро России. 1911, 5 февр., № 28. С. 2 [15].

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Бобров С. Северянин и русская критика. С. 39.

⁴³ См.: Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 123 [16].

⁴⁴ Там же. С. 124.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Волошин М.А. «О модных позах и трафаретах». С. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

явное влияние отнюдь не Фофанова, а Бальмонта: «Бальмонт в некоторых своих уклонах дал слова и речь, приготовил русло этому голосу внутренней духовной пошлости, и вот плоды его неосмотрительности» [15, с. 2].

Обратив внимание на литературный шумиху, поднятую в кружке эгофутуристов, З.Н. Гиппиус с присущей ей пронизательностью в статье «О “Я” и “что-то”» (1913 г.) точнее расставила точки над «и», указав на схожесть ситуации конца 1880-х и начала 1910-х годов, когда эгофутуристы попытались «занять по отношению к современной литературе позицию, которую когда-то заняли “декаденты”»: «Так же принялись они выдумывать “новые слова”, точь-в-точь с тем же задором и той же напускной самоуверенностью. Все то же, только помельче: “декаденты” повели себя от Фета, а нынешние – от Фофанова, т.е. от Фетовского... племянника, что ли» [17, с. 60]. Но З.Н. Гиппиус не ограничилась язвительным замечанием, что ее особенно удивила «эта “старость” нового»⁴⁹. Она обозначила более существенный диагноз, справедливость которого станет понятна спустя полтора десятилетия с приходом соцреализма: по ее мнению, «желание найти “себя”», которое двигало эгофутуристами, свидетельствует о том, что «современная литература потеряла или теряет “Я”; в ней тонет писатель, тонет человек»⁵⁰. И хотя она готова признать, что Игорь Северянин «еди[нствен]ный талантливый эго-футурист», но подлинное его, с ее точки зрения, в его стихах «и не ночевало»⁵¹. И в этом З.Н. Гиппиус оказывается прозорливее Д.С. Мережковского, который сначала считал, что тут речь может идти, так сказать, о «степени» индивидуализма. Недаром по поводу культивируемого В.В. Розановым собственного «одиночества» он замечал в 1913 году, что это одиночество «обыкновеннее», чем думает В.В. Розанов, потому что «в современной европейской культуре все дела, чувства и мысли кончаются острием – острием личности»⁵². И «отличается Розанов от своих современников» лишь «качеством» индивидуализма: «Розанов углубляет свое одиночество до сознания религиозного, до религиозной трагедии», а у других индивидуализм «стихийный, бессознательный и безрелигиозный, разрешающийся в эстетизм, футуризм, акмеизм и прочие пошлости» [18, с. 228].

Сравнивая северянинский эгофутуризм с «новым вторжением варваров, сильных своею талантливостью и ужасных своею небрежливостью»⁵³, Н.С. Гумилев в «Письме о русской поэзии» (1914 г.) не берет да давать прогнозы, надеясь, что будущее само прояснит, «“германцы” ли это или... гунны, от

⁴⁹ См.: Антон Крайний. О «Я» и «что-то» // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 60 [17]. (Первоначально напечатано: Новая жизнь. 1913. № 2, Февраль.)

⁵⁰ Там же. С. 61.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: Мережковский Д.С. Розанов // Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник. 1910–1914. Петроград: Т-во И.Д. Сытина, 1915. С. 227 [18].

⁵³ См.: Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 124.

которых не останется и следа»⁵⁴. Д.С. Мережковский, напротив, теперь с пророческой горячностью начинает утверждать, что футуризм – это очевидное предвестие грядущего Хама. В статье «Еще шаг грядущего Хама», опубликованной впервые в том же 1914 году, он не делает различия между «московским» кубофутуризмом и «петербургским» эгофутуризмом, они одинаковы для него «дикари или сумасшедшие», которые превратили русский язык «в нечленораздельный рев звериный»⁵⁵. Но их «дикарство» или «сумасшествие» для него симптом большего: «Сущность подлинных культур – единомыслие, единомушие: все – одно; одно – во всех; сущность культур одичалых – разведение, уединение: каждый один; индивидуализм торжествующий»⁵⁶. Для Д.С. Мережковского, «футуризм – позитивизм, слегка подновленный, подкрашенный, перелицованный», потому что «душа футуризма: обесценить все религиозные ценности»⁵⁷. Видя в футуризме «казнь за позитивизм ближайшего прошлого»⁵⁸, Д.С. Мережковский с пафосом обращается к П.Б. Струве и В.Я. Брюсову, с его точки зрения безответственно потворствовавшим футуризму: «Футуризм – еще шаг грядущего Хама. Встречайте же его, господа эстеты, академики, культурники! Вам от него не уйти никуда. Вы сами родили его: он вышел из вас, как Ева из ребра Адамова»⁵⁹. То, что он сам, пусть и невольно, внес свой вклад в будущий футуризм, когда в начале 1890-х годов страстно отстаивал поэзию Фофанова, как поэзию противоположную позитивизму, ему не приходит на ум. Да и к середине 1910-х годов его воззрения значительно эволюционировали, что подтверждает и его речь, произнесенная 14 ноября 1916 года на Вечере памяти Владимира Соловьёва. Теперь, определяя суть религиозно-общественной деятельности Соловьёва, он видит в ней не что иное, как «борьбу с национализмом»⁶⁰. На фоне идущей Первой мировой войны для Д.С. Мережковского, задумавшегося о религиозной лжи национализма, становится предельно ясно, что эгоизм – будь он индивидуальный, национальный или религиозный – грозит катастрофой и совсем не только эстетической. «Вопрос о национализме, о нечестивом утверждении своего народа как абсолюта, как Бога, есть вопрос не только о том, быть или не быть России, но и о том, быть или не быть всей Европе, всему человечеству», – восклицает он [20, с.141]. Он не может не признать, что «сейчас идея нации самая живая, огненная, нужная и понятная всем, а идея человечества – самая отвлеченная, холодная, мертвая, никому ненужная и непонятная», что «ни одна из идей так сейчас не поругана, не растоптана, не задавлена, не убита, как идея

⁵⁴ См.: Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 124.

⁵⁵ См.: Мережковский Д.С. Еще шаг грядущего Хама // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. Невоенный дневник: 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. С. 82 [19].

⁵⁶ Там же. С. 85.

⁵⁷ Там же. С. 83.

⁵⁸ Там же. С. 89.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Мережковский Д.С. В.С. Соловьёв (Речь, сказанная 14 ноября 1916 года на Вечере в память В.С. Соловьёва) // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. С. 141 [20].

человечества»⁶¹. Но именно поэтому для него так актуализируется религиозно-общественная деятельность Соловьева: он напоминает, что Соловьев учил, что «абсолютного национализма нельзя преодолеть ничем, кроме абсолютного человечества», «Абсолютного Человека» – Богочеловека Христа и богочеловечества⁶². Именно «в преодолении национальности, в достижении всечеловечности» Д.С. Мережковский видит, вслед за Соловьевым, «национальное призвание России», потому что «если Христа не было, то не будет конца абсолютному национализму, абсолютной войне, – и мир погиб, и мы уже видим начало этой гибели»⁶³.

А что же объявлявший себя наследником Фофанова Игорь Северянин?

Расставшись с бывшими соратниками по эгофутуризму, он в годы Первой мировой войны прошел искус «беса политической агитации» с искусством почти канатоходца, ловко балансирующего над «падучей стремниной». Достаточно вспомнить его стихотворение «Мою страну зовут Россией...», где поэт, с одной стороны, отказывался декларировать, «Что край мой лучше всех краев»⁶⁴, вроде бы памятовал как раз о той идее всемирности и абсолютной человечности, о которой напоминал в своей речи о Соловьеве Д.С. Мережковский, когда писал:

Ах, роднозём, как заусенец,
Докучен, иногда кровав.
Кто мыслит глубже, тот вселенец:
Тогда, как я, мой недруг прав [8, с. 143].

Но, с другой стороны, тут же признавался: «...жажду русскому оружию / Побед затем, что русский – я»⁶⁵. Спустя годы эта национальная тема найдет свое развитие в стихотворении 1923 года «Колыбель культуры новой», где высказывается надежда, что Россия не только восстанет от всех пережитых потрясений, но и «Мир преклонится тогда перед ней!»⁶⁶. Правда, этому преклонению будет содействовать уже не оружие, а иная сила – религиозная, духовная, которой Россия и будет отличаться от западной «цивилизации дутой»:

Встанет Россия – все споры рассудит...
Встанет Россия – народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Братъ от негодной культуры росток.

⁶¹ См.: Мережковский Д.С. В.С. Соловьев (Речь, сказанная 14 ноября 1916 года на Вечере в память В.С. Соловьева) // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. С. 142.

⁶² Там же. С. 143.

⁶³ Там же. С. 144.

⁶⁴ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 142.

⁶⁵ Там же. С. 143.

⁶⁶ Там же. С. 330.

А вдохновенно и религиозно,
 Пламенно веря и мысля серьезно,
 В недрах своих непреложностью грозный
 Станет выращивать новый цветок... [8, с. 330]

Вспомнить о религиозных началах Игоря Северянина заставили тяготы революционной поры, когда вокруг бушевали «разнузданный мятеж», «тиф и черный голод» и поневоле пришлось задуматься:

Грядет Антихрист? не Христос ли?
 Иль оба вместе? раньше – кто?
 Сначала тьма? не свет ли после?
 Иль погрузимся мы в ничто? [8, с. 229]

Именно в это время в стихах Игоря Северянина зазвучали молитвенные ноты:

Я в Тебя, Господь Мой, верил. Я всегда Тебя любил
 Я – певец Твоей природы, сохрани меня, Христос!
 <...>
 Помни: я, Твой рыцарь верный, Твой воспевец, гений Твой –
 Человеческой породы, – сохрани меня, Христос! [8, с. 230]

Когда в родной стране начались «разбои и мятеж ... холера, тиф и голод», «пир хамов», «притеснение солнечных умов», тогда пришло осознание, что «Все бедствия, притом не без причины: / От деяний, от мыслей и от слов»⁶⁷. Появились покаянные мотивы: «Мы тьме сиянье предпочли, / Погрязли в злобной тине и пыли, / О том, кем быть могли, мы позабыли»⁶⁸. Возникло упование, что спасенье настанет, когда обновится само человечество и придут иные поколения, «новые, кто предан Чистоте», и, служа добру и красоте, «Зло победят единодушно»:

И будут жить в священной простоте,
 Служа не зверской, дерзкой, мерзкой силе;
 А духу своему, петь о Христе,
 О том, как мы Иисуса поносили
 В своей бесчеловечной пустоте <...>
 Возгрянут гимн добру и красоте
 И забожат, как деды не божили.
 И будут жить в священной простоте,
 Петь о Христовом подвижном кресте,
 О том, кем быть могли, мы позабыли [8, с. 235]⁶⁹.

⁶⁷ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 233.

⁶⁸ Там же. С. 235.

⁶⁹ Там же.

Но декларация нового мироощущения в поэтических сборниках 1920-х годов вовсе не означает, что Игорь Северянин заодно отказывается и от всех своих прежних эстетических установок – культ Фофанова остается для него непоколебимым и в 1920–1930-е годы, хотя и претерпевает некоторые корректировки. Не вдаваясь подробно в обширную тему «Фофанов – Игорь Северянин», отметим только отдельные моменты. Так, в поздний сборник «Медальоны: Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (1934 г.), в эту авторскую историю мировой культуры, он включает и сонет о Фофанове, где гибель поэта-пророка объясняет уже не злобой окружавших поэта гонителей, как это было в стихотворении «На смерть К.М. Фофанова» (1911 г.), а до этого в стихотворении «Она критикует» (1908 г.), где изображалось презрение публики к поэту-пьянице, но более объективно – собственным его пороком:

Большой талант дала ему судьба,
В нем совместив поэта и пророка.
Но властью виноградного порока
Царь превращен в безвольного раба [8, с. 392].

Вопросы, которые были столь животрепещущими для 1880–1890-х годов XIX века, – о принадлежности Фофанова к декадентству или к пушкинской традиции, о Фофанове как поэте-пророке, Игорь Северянин вновь поднимает не только в стихах, но и в своих посвященных Фофанову заметках: «Из воспоминаний о К.М. Фофанове» (1923 г.), «О творчестве и жизни Фофанова» (1923 г.), «Цветы неувядные (Лирика Фофанова)» (1924 г.), «“Цветы розовой окраски...” (О лирике Фофанова)» (1924 г.). В них Фофанов предстает «поэтом-пушкинианцем», молящимся на Пушкина, любящим «простоту и ясность, хотя сам не был чужд свежих образов, смелых эпитетов»⁷⁰. Дерзновенность его образности Игорь Северянин объясняет тем, что «в творчестве своем, как истинно художественном, он часто бывал подсознателен»⁷¹. Хотя Фофанов «принадлежал к плеяде поэтов пушкинской школы и декадентство сильно недолюбливал»⁷², Игорь Северянин соглашается с теми, кто видел в Фофанове «первого русского декадента», но тут же свидетельствует о ненависти самого поэта к «декадентам», «как называла критика того времени – Брюсова, Блока, Сологуба», и, несмотря на интерес к его персоне Бальмонта и Брюсова, которые «даже ездили знакомиться с ним в Гатчину»⁷³, «называл вышеназванных поэтов... бездарностями (!) и предостерегал ... от подражания им...»⁷⁴. По воспоминаниям Игоря Северянина, Фофанов призывал его писать «просто и ясно», забыть «все декадентские исхищрения, они тебе не к лицу», и

⁷⁰ Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 450.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 453.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 450.

тогда – «ты будешь всенародным русским поэтом»⁷⁵. Неприятие Фофанова критикой Игорь Северянин объясняет тем, что «у Фофанова не было тенденции, обязательной для русского поэта той эпохи»⁷⁶. Одновременно он уже более трезво, чем в молодые годы, оценивает творчество своего кумира, видя в нем совмещение «таланта, граничащего с гением», и «жалкой посредственности»⁷⁷. Он находит в его наследии «много изумительных строк, строф, а иногда – но это значительно реже – и стихотворений целиком», восхищается их «замечательной плавностью», «редкой вдохновенностью»⁷⁸, но не может не признать, что эти блестящие рассыпаны «среди массы раздражающих своим убогим шаблоном и ходячими клише стихов, мало говорящих об истинной индивидуальности автора»⁷⁹, которые могут быть приписаны любому стихотворцу прошлого века. Правда, для спасения репутации своего кумира сразу добавляет эпитет, смягчающий резкость оценки: «любому выдающемуся стихотворцу»⁸⁰. О «шаблонах» Фофанова Игорь Северянин говорил еще в 1913 году в «Поэзе о Фофанове»:

Пропев неряшливые строки,
Где упоителен шаблон,
Поймете сумерек намеки
И все, чем так чарует он [8, с. 58].

То, что Игоря Северянина в 1920-е годы удручает «шаблонность» и «банальность» поэзии Фофанова, достаточно парадоксально. Ведь не только «свежие образы, смелые эпитеты» делали Фофанова причастным к декадентству, но и «шаблонность», вменявшаяся ему в вину еще Н.М. Соколовым. От фофановских «банальностей» оставалось сделать как раз тот шаг, который и сделал сам Игорь Северянин, когда писал: «Душа влечется в Примитив. / Я вижу росные туманы! / Я слышу липовый мотив!»⁸¹, то есть к вполне авангардному «эстетическому созерцанию тривиальности», стиравшему грань между «утонченно-рафинированным и пошлым, истинным и фальшивым»⁸². Но когда М.А. Волошин корил его за «трафаретность», а Н.С. Гумилев – за газетную «вульгарность», то их суд был чисто эстетическим, не претендующим на вскрытие ни философских, ни тем более религиозных корней этой литературной тенденции. Чтобы вскрыть корни, нужно было вернуться к соловьевской религиозной фи-

⁷⁵ Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 451.

⁷⁶ Там же. С. 454.

⁷⁷ Там же. С. 452.

⁷⁸ Там же. С. 456.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. С. 126.

⁸² См.: Тарланов Е.З. Поэзия К.М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1999. С. 313 [21].

лософско-эстетической диагностике, что в определенной мере и попытался сделать когда-то активный соловьевский антагонист Д.С. Мережковский.

Для нынешнего читателя и даже для исследователя Соловьев и Фофанов – современники, поэты-предсимволисты, разрабатывающие схожие, пусть и типологически, сюжеты и мотивы. Однако, включая их в общее литературное течение, все-таки нужно учитывать и их религиозно-философскую несхожесть. Как минимум, это позволит избежать таких историко-культурных нестыковок, как завершение тома, посвященного Соловьеву, стихами столь нелюбимого им Фофанова⁸³. А как максимум реконструкция соловьевского восприятия поэзии Фофанова позволяет лучше понять причины соловьевского неприятия фофановской лирики, от чего он предостерегал поэтов-современников, чем руководствовался в эстетических построениях и суждениях о русской лирике XIX столетия в целом, подходя к ней не отвлеченно эстетически, но с вполне определенных историсофских и этико-религиозных позиций.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Письма / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 3. СПб.: Тип. Тв-ва «Общественная польза», 1911. С. 9.
2. Фофанов К.М. Иллюзии. Стихотворения. СПб.: Издание А.С. Суворина. Типография А.С. Суворина, 1900. 480 с.
3. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т., Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 75–90.
4. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. 3.Г. Минц. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. С. 322–323.
5. Майков А.Н. Избранные произведения / вступ. ст. Ф.Я. Приймы, сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Гейро. Л.: Сов. писатель, 1977. 910 с. («Библиотека поэта. Большая серия»).
6. Марков В.Ф. История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя. 2017. 432 с.
7. Константин Олимпов. Жонглеры-нервы. СПб.: Петербургский глашатай И.В. Игнатьева, 1913. 8 с.
8. Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / сост., предисл. и коммент. Е. Филькина. М.: Республика, 1999. 543 с.
9. Оранжевая урна: Альманах памяти К.М. Фофанова. СПб.: Петербургский глашатай, 1912. 4 с.
10. Игорь-Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. М.: Гриф, 1914. 133 с.
11. Матвеева Е. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина): дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. Барнаул, 2009. Режим доступа: <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii6.html>
12. Ходасевич В. Игорь Северянин и футуризм // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 425–437.
13. Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова. Коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 398–399.

⁸³ См.: Владимир Соловьев: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002. С. 1009 [22].

14. Бобров С. Северянин и русская критика // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 27–41.
15. Волошин М.А. О модных позах и трафаретах Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер // Утро России, 1911, 5 февр. № 28. С. 2.
16. Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 122–130.
17. Антон Крайний. О «Я» и «что-то» // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 60–61.
18. Мережковский Д.С. Розанов // Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник. 1910–1914. Петроград: Т-во И.Д. Сытина, 1915. С. 221–236.
19. Мережковский Д.С. Еще шаг грядущего Хама // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник: 1914–1917. Невоенный дневник: 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. С. 79–90.
20. Мережковский Д.С. В.С. Соловьев (Речь, сказанная 14 ноября 1916 года на Вечере в память В.С. Соловьева) // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. Невоенный дневник: 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. С. 139–146.
21. Тарланов Е.З. Поэзия К.М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1999. 330 с.
22. Владимир Соловьев: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002, 1072 с.

References

Sources

Collected Works

1. Khodasevich, V. Igor' Severyanin i futurizm [Igor Severyanin and futurism], in Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Literaturnaya kritika 1906–1922* [Collected works in 4 vols., vol. 1: Poems. Literary criticism 1906–1922]. Moscow: Soglasie, 1996, pp. 425–437.
2. Khodasevich, V.F. Igor' Severyanin [Igor Severyanin], in Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Literaturnaya kritika 1906–1922* [Collected works in 4 vols., vol. 1: Poems. Literary criticism 1906–1922]. Moscow: Soglasie, 1996, pp. 398–399.
3. Solov'ev, V.S. *Pis'ma. T. 3* [Letters. Vol. 3]. Saint-Petersburg: Tipografiya Tvovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1911, p. 9.
4. Solov'ev, V.S. *Obshchii smysl iskusstva* [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vols., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 75–90.

Individual Works

5. Bobrov, S. Severyanin i russkaya kritika [Severyanin and Russian criticism], in *Kritika o tvorchestve Igorya Severyanina: Stat'i: prof. R.F. Brandta, V.Ya. Bryusova, S. Bobrova. Retsenzii: A. Izmaylova, A. Krainego, Ivanova-Razumnika, S.Ya. Rubanovicha, V. Shmidta, V. Gippiusa, A. Amfiteatrova i dr.* [Criticism of the work of Igor Severyanin: Articles: Prof. R.F. Brandt, V.Ya. Bryusov, S. Bobrov. Reviews: A. Izmailova, A. Krainyi, Ivanov-Razumnik, S.Ya. Rubanovich, V. Schmidt, V. Gippius, A. Amfiteatrov, et al]. Moscow: V.V. Pashukanis, 1916, pp. 27–41.
6. Fofanov, K.M. *Illuzii. Stikhotvoreniya* [Illusions. Poems.]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina. Tipografiya A.S. Suvorina, 1900. 480 p.
7. Gumilev, N.S. *Pis'mo o russkoy poezii* [Letter about Russian poetry], in *Apollon*, 1914, no. 1–2, pp. 122–130.
8. Krainiy, Anton. О «Я» и «что-то» [About “I” and “something”], in *Kritika o tvorchestve Igorya Severyanina: Stat'i: prof. R.F. Brandta, V.Ya. Bryusova, S. Bobrova. Retsenzii: A. Izmaylova, A. Krainego, Ivanova-Razumnika, S.Ya. Rubanovicha, V. Shmidta, V. Gippiusa, A. Amfiteatrova i dr.*

[Criticism about the work of Igor Severyanin: Articles: Prof. R.F. Brandt, V.Ya. Bryusov, S. Bobrov. Reviews: A. Izmailov, A. Krainiy, Ivanov-Razumnik, S.Ya. Rubanovich, V. Schmidt, V. Gippius, A. Amfiteatrov, et al.]. Moscow: V.V. Pashukanis, 1916, pp. 60–61.

9. Maykov, A.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977. 910 p.

10. Merezhkovskiy, D.S. Rozanov [Rozanov], in Merezhkovskiy, D.S. *Bylo i budet: Dnevnik. 1910–1914* [It was and will be: Diary. 1910–1914]. Petrograd: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1915, pp. 221–236.

11. Merezhkovskiy, D.S. Eshche shag gryadushchego Khama [Another step of the coming Boor], in Merezhkovskiy, D.S. *Ot vojny k revolyutsii: Dnevnik: 1914–1917. Nevoennyi dnevnik: 1914–1916* [From war to revolution: Diary: 1914–1917. Non-military diary: 1914–1916]. Petrograd: Ogni, 1917, pp. 79–90.

12. Merezhkovskiy, D.S. V.S. Solov'ev (Rech', skazannaya 14 noyabrya 1916 goda na Vechere v pamyat' V.S. Solov'eva) [V.S. Solovyov (Speech delivered on November 14, 1916 at an Evening in memory of V.S. Solovyov)], in Merezhkovskiy, D.S. *Ot vojny k revolyutsii: Dnevnik 1914–1917. Nevoennyi dnevnik: 1914–1916* [From war to revolution: Diary: 1914–1917. Non-military diary: 1914–1916]. Petrograd: Ogni, 1917, pp. 139–146.

13. Olimpov, Konstantin. *Zhonglery-nervy* [Jugglers-nerves]. Saint-Petersburg: Peterburgskiy glashatay I.V. Ignat'eva, 1913. 8 p.

14. *Oranzhevaya urna: Al'manakh pamyati K.M. Fofanova* [Orange urn: Almanac in memory of K.M. Fofanov]. Saint-Petersburg: Peterburgskiy glashatay, 1912. 4 p.

15. Severyanin, Igor'. *Gromokipyashchiy kubok* [A thundering cup]. Moscow: Grif, 1914. 133 p.

16. Severyanin, Igor'. *Tost bezotvetnyy: Stikhotvoreniya. Poemy. Proza* [Toast unrequited: Poems. Poems. Prose]. Moscow: Respublika, 1999. 543 p.

17. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1974, pp. 322–323.

18. *Vladimir Solov'ev: pro et contra. Vol. 2*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2002. 1072 p.

19. Voloshin, M.A. O modnykh pozakh i trafaretakh Stikhi g. Igorya-Severyanina i g-zhi Marii Paper [About fashionable poses and stencils Poems by G. Igor-Severyanin and Ms. Maria Paper], in *Utro Rossii*, 1911, 5 february, no. 28, p. 2.

Monographs

20. Markov, V.F. *Istoriya russkogo futurizma* [The history of Russian Futurism]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2017. 432 p.

Thesis and Thesis Abstracts

21. Matveeva, E. *Kommunikativno obuslovlennoe esteticheskoe znachenie slova v poezii (na materiale poezii Igorya Severyanina)*. Diss. ... kand. filol. nauk [Communicatively conditioned aesthetic meaning of the word in poetry (based on the poetry of Igor Severyanin)]. Cand. phil. sci. diss.]. Barnaul, 2009. Available at: <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii6.html>

22. Tarlanov, E.Z. *Poeziya K.M. Fofanova i tendentsii v russkoy lirike kontsa XIX veka*. Diss. ... d-ra filol. nauk [K.M. Fofanov's poetry and trends in Russian lyrics of the late XIX century: Dr. phil. sci. diss.]. Petrozavodsk, 1999. 330 p.

УДК 7.01

ББК 87.8

Ангелина Сергеевна Балабаева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; младший научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: angelinabalabaeva@gmail.com

Философско-эстетические воззрения Г.В.Ф. Гегеля и В.С. Соловьёва: к вопросу о влиянии¹

Аннотация. Дан компаративный анализ эстетических взглядов Г.В.Ф. Гегеля (на материале «Лекций по эстетике», подготовленных к изданию Г.-Г. Гото) и В.С.Соловьёва. Представленная история вопроса влияния гегелевской философии на творчество Соловьёва демонстрирует перспективность и продуктивность исследований, связанных с вопросами эстетики Соловьёва и Гегеля. В связи с этим возникает необходимость обобщить исследовательские разыскания по данной теме, сделав ряд важных уточнений и раскрыв ранее намеченные точки сближения и расхождения двух философов. Рассматриваются как общеэстетические проблемы (значение красоты в природе, связь красоты и абсолютной идеи), так и прикладные вопросы искусствоведческого и литературоведческого характера (обоснование иерархии искусств, особенности лирической поэзии). Выявляется прямая и скрытая полемика Соловьёва с Гегелем по вопросам субъективности восприятия красоты в природе и необходимости одухотворения материи под воздействием красоты, понимания роли искусства. Делается акцент на то, что, выступая не только как философ, но и как поэт, Соловьёв критикует положение Гегеля о лирической поэзии как выражении индивидуального субъективного сознания художника. Рассматривается, каким образом гегелевский диалектический метод реализуется Соловьёвым при характеристике этапов развития русской поэзии XIX века. Высказывается предположение о том, что диалектика свободы и необходимости была использована Соловьёвым при изложении теории судьбы как Провидения Божьего.

Ключевые слова: философия Г.В.Ф. Гегеля, эстетика В.С. Соловьёва, иерархия искусств, лирическая поэзия, теургия, миссия художника, эволюция русской поэзии XIX века, диалектика

Angelina Sergeevna Balabaeva

A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Junior Researcher, Russia, Moscow, e-mail: angelinabalabaeva@gmail.com

Philosophical and aesthetic views of G.V.F. Hegel and V.S. Solovyov: on the question of influence

Abstract. The article provides a comparative analysis of the aesthetic views of G.W.F. Hegel (based on the material of “Lectures on Aesthetics” prepared for publication by H.-G. Goto) and V.S. Solovyov.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

The presented history of the question of the influence of Hegelian philosophy on Solovyov's work demonstrates the prospects and productivity of research related to the issues of aesthetics of Solovyov and Hegel. In this regard, there is a need to summarize the results of the investigations on this topic, making a number of important clarifications and revealing previously intended points of convergence and divergence of the two philosophers. Both general aesthetic problems (the meaning of beauty in nature, the connection between beauty and the absolute idea) and applied issues of an art and literary nature (justification of the hierarchy of arts, features of lyrical poetry) are considered. A direct and hidden polemic of Solovyov with Hegel's ideas is revealed: the objection to the subjectivity of the perception of beauty in nature, the emphasis on the need to spiritualize substance under the influence of beauty. Clarifying the understanding of the role of art in history by Hegel and Solovyov makes it possible to more clearly trace the grandiose prospects for the development of art in the Russian philosopher, whose concept of theurgic creativity will later be adopted by younger symbolists. Speaking not only as a philosopher, but also as a poet, Solovyov criticizes Hegel's position on lyrical poetry as an expression of the individual subjective consciousness of the artist. It is demonstrated how the Hegelian dialectical method is implemented by Solovyov in characterizing the stages of development of Russian poetry of the XIX century. It is suggested that the dialectic of freedom and necessity was interpreted by Solovyov when presenting the theory of fate as the Providence of God.

Key words: philosophy of G.W.F. Hegel, aesthetics of V.S. Solovyov, beauty in nature, hierarchy of arts, lyrical poetry, theurgy, creative genius, artist's mission, evolution of Russian poetry of the XIX century, dialectics

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.040-055

Спустя месяц после защиты Владимиром Соловьевым его магистерской диссертации (24 ноября 1974 года) «Кризис западной философии (против позитивистов)» Н.Н. Страхов напишет Л.Н. Толстому: «Ваше мнение о Соловьеве я разделяю; хоть он явно и отрицается от Гегеля, но втайне ему следует. Вся критика Шопенгауэра основана на этом. Но дело, кажется, еще хуже. Обрадовавшись, что нашел метафизическую сущность, Соловьев уже готов видеть ее повсюду лицом к лицу и расположен к вере в спиритизм» [1, с. 56]. И хотя позднее К.В. Мочульский акцентировал внимание в этом высказывании в первую очередь на характеристике Соловьева как будущего мистика и спирита, совершенно ясно, что для его современников ориентация на некоторые идеи Гегеля была очевидна при рассмотрении уже раннего этапа соловьевского творчества.

Один из первых исследователей философии Соловьева, Е.Н. Трубецкой, указывал на влияние гегелевской диалектики в учении Соловьева о троичности Божества, видя в этом слабую сторону рассуждений философа, так как в случае диалектического выведения мира ангелов из Творца теряется автономность последнего. Если Бог связан логической необходимостью с сотворенным им миром, то этим в акте творения исключается свобода².

² См.: Трубецкой, Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1913. С. 372 [2].

Известный своим критическим отношением к Соловьёву³, Л.И. Шестов указывал на то, что, несмотря на пафос «Кризиса западной философии» (1874 г.) и «Критики отвлеченных начал» (1877–1880 гг.), Соловьёв продолжает традицию западной философии, в том числе гегелевской: «Соловьёв выставил на своем знамени философию откровения, но создавал, подобно Гегелю, диалектическую философию» [4, с. 38]

К.В. Мочульский отмечал, что, несмотря на критику рационализма и Гегеля как апофеоза рационалистического познания («Он (Соловьёв – примеч. А.Б.) несправедливо осудил гегельянство как самоубийство разума»⁴), Соловьёв пользуется трихотомической системой при изложении самой истории гносеологии и космического процесса: «Гегель научил диалектическому методу – и мировой процесс вместился в трехчленную схему: первоначальное единство, отпадение мировой души и окончательное воссоединение. Ритм космической и исторической жизни был найден» [5, с. 118].

А.Ф. Лосев продолжил мысль об историзме философии Соловьёва, в которой как абстрактно-логические понятия, так и конкретные явления в своем диалектическом развитии требуют завершенности и перехода на новую ступень. Указывая на расхождения между немецким идеалистом и русским мистиком (критика Соловьёвым панлогизма, конца истории, обнаруживаемого в прусской монархии), Лосев тем не менее признавал, что вопрос влияния гегелевской философии на Соловьёва «весьма запутан»⁵.

К настоящему моменту эта проблема получила достаточно широкое освещение в литературе. Подробный литературный обзор содержится в диссертации В.В. Сидорина⁶. Однако среди работ, в которых рассматривается гегелевское влияние в области эстетики, Сидориным названа всего одна статья Д.А. Цыплакова⁷. Мы со своей стороны можем указать на монографию Н.А. Кормина⁸, в которой также отмечается связь Соловьёва с Гегелем. Среди зарубежных работ стоит назвать диссертацию *L'esthétique de Vladimir Soloviev* (1923 г.)⁹ Винцаса Миколайтиса, литовского писателя и литературоведа, и монографию Т. Немета *The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia* (2019 г.)¹⁰.

³ См., например: Оппо А. Шестов и Соловьёв: антиподы русской религиозной философии // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 79–90 [3].

⁴ См.: Мочульский К.В. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение. Париж: YMCA-press, 1936. С. 54 [5].

⁵ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Мол. гвардия, 2000. С. 174 [6].

⁶ Сидорин В.В. Интерпретация гегелевской диалектики в философии В.С. Соловьёва: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 22 с. [7].

⁷ Цыплаков Д.А. Влияние эстетики Гегеля на онтологические и гносеологические основания эстетики В.С. Соловьёва и Н.О. Лосского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Новосибирск, 2006. С. 258–277 [8].

⁸ Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьёва. В 2 ч. М.: Ин-т философии РАН, 2001–2004 [9].

⁹ Micolaitis V. *L'esthétique de Vladimir Soloviev* [thèse]. Würzburg: Druck von C.J. Becker, 1923. 77 p. [10].

¹⁰ Nemeth Th. *The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. 314 p. [11].

В статье Цыплакова проводится мысль о том, что русская философия (в лице В.С. Соловьева и Н.О. Лосского) во многом основывается на мысли Гегеля, но творчески перерабатывает ее. Два основных пункта, которые рассматривает Цыплаков, – это роль красоты как воплощенной идеи и соотношение красоты природы и красоты искусства. Круг работ Соловьева, привлекаемых при анализе, кажется нам неполон (используются две статьи: «Красота в природе» (1889 г.) и «Общий смысл искусства» (1890 г.)). За рамками исследования оказались литературно-критические работы философа, в которых, хоть и фрагментарно, высказываются суждения о характере творческого процесса, о значении художника, об отдельных родах и жанрах искусства.

Нашей задачей стало обобщить предшествующие суждения о сходстве и различиях взглядов двух философов, представив их в виде последовательных сопоставлений по отдельным вопросам, в результате сделать вывод о степени близости эстетических программ Соловьева и Гегеля. Кроме того, мы задались целью уточнить и раскрыть отдельные замечания о влиянии Гегеля на Соловьева (например, сравнение Л. Шестовым «Судьбы Пушкина» Соловьева и «Судьбы Сократа» Гегеля) и продемонстрировать, как диалектическая методология рассуждения используется Соловьевым в контексте русской литературы XIX века.

Перу Соловьева принадлежит энциклопедическая статья о Гегеле для словаря Брокгауза и Ефрона, в которой, помимо биографического очерка, содержится краткое изложение гегелевской философии. В отдельный фрагмент вынесены замечания Соловьева об эстетике Гегеля: автор приводит гегелевское определение красоты, объясняет причины превосходства красоты в искусстве над красотой в природе и дает определения трем формам искусства (символическая, классическая и романтическая). Основные пункты несогласия Соловьева с немецким философом – критика панлогизма и отсутствия исторической перспективы. Критика Соловьева в адрес предшественника-философа не касается эстетики, зато отдельные замечания обнаруживаются в литературно-критических статьях, что будет рассмотрено нами в дальнейшем. В библиографии Соловьев отсылает читателя не только к немецкому оригиналу «Лекций по эстетике» (под редакцией Г.-Г. Гото, первое издание – 1835–1838 гг.¹¹), но и к их русскому переводу с французского языка (В. Модестова «Курс эстетики или наука изящного», 1859–1860 гг.).

Гегель исключает из области эстетики прекрасное в природе, ибо оно «только рефлекс красоты, принадлежащей духу»¹². Природа сама по себе прекрасна, и ее красота проявляется в первую очередь в формах одушевленности. Расчлененные элементы организма объединяются посредством идеального единства, и этой объединяющей способностью обладает душа. Таким образом,

¹¹ Обоснование датировки редакции Гото см.: Татаренко Н.А. Понятия искусства и идеала в гегелевской эстетике в свете новых источников // История философии. 2017. Т. 22, № 1. С. 28 [12].

¹² См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. С. 9 [13].

отдельные части получают свой смысл и завершение только в контексте целого – эта идея кажется весьма созвучной идее всеединства Соловьева, согласно которому всеединство пронизывает весь мир, от неорганической природы к высшим явлениям духа. Но, во-первых, по мнению Гегеля, красота в природе прекрасна лишь для воспринимающего красоту субъекта, для человека, а не существа ей как таковой. Во-вторых, в отличие от человека, обладающего духовным единством *для себя*, животное обладает им только *в себе*, то есть оно внутренне несвободно, не сознает себя как душевное существо. Вследствие этого при созерцании явлений природы мы можем лишь предчувствовать «внутреннюю необходимость»¹³ их существования, сам же мир природы ограничен внешней необходимостью, из-за чего дух не может свободно наслаждаться ею. Эта потребность в свободе удовлетворяется через творения искусства.

Соловьев возражает Гегелю, прежде всего, в связи с утверждением субъективности восприятия красоты в природе. Выступив с благожелательной статьей по поводу переиздания сочинений Н.Г. Чернышевского, Соловьев выводит из его диссертации тезис, который, по его мнению, не может быть оспариваем, а именно: «красота в природе имеет объективную реальность»¹⁴. Ранее это положение раскрывалось им в статье «Красота в природе», где доказывалось не только объективность красоты, но и ее самоценность, отсутствие в ней утилитарного смысла, в том числе и в природном мире. В соответствии с теорией Дарвина, Соловьев рассматривает различные виды животных, чей окрас способствует привлечению особей противоположного пола (иногда в ущерб их собственной безопасности). Из чего делается вывод о том, что прекрасное в природе существует вне зависимости от воспринимающего его человека.

Как уже было сказано, утверждение Гегеля о том, что в животном организме отдельные части объединяются в более высокоорганизованное единство, оказывается близко представлению Соловьева о том, что воплощает собой красота: красота есть воплощенная идея, а идея, или достойное бытие, есть «полная свобода составных частей в совершенном единстве целого»¹⁵. Чем более сложноорганизованным оказывается объект/существо, тем выше его потенция к прекрасному. Но (и в этом Соловьев, на наш взгляд, отходит от гегелевских концепций) тем больше риск торжества хаотического начала, которое развивается соответственно общему развитию объекта. Вообще, хаотическому началу, слепым темным силам бытия Соловьев отводит значительную активную роль – неслучайны в этой связи обильные цитаты из поэзии Тютчева¹⁶, которыми философ иллюстри-

¹³ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. С. 139.

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 98 [14].

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 42 [15].

¹⁶ О том, как в поэзии Тютчева отразился «темный корень мирового бытия», философ напишет в статье «Поэзия Тютчева» (1895 г.).

рует свои теоретические положения: материя не есть только субстрат, она активно противостоит разумным организующим началам, более того, эти силы сами могут являться источником красоты: «...эстетическая ценность таких явлений, как бурное море, зависит именно от того, что под ними хаос шевелится»¹⁷.

Роль материального в эстетике Соловьева кажется выше, нежели у Гегеля. У обоих красота есть воплощение идеи. Но русский философ полемизирует с Гегелем, согласно которому (по Соловьеву), «красота есть воплощение универсальной и вечной идеи в частных и преходящих явлениях»¹⁸, следовательно обреченных навсегда исчезнуть и перестать играть роль чувственного воплощения идеи. В понимании Соловьева материя не есть преходящий материал, она взаимодействует с духовным началом и через него приобщается к бессмертию. Эта мысль фигурирует и в диссертации В. Миколайтиса. Замечая, что, несмотря на внутреннее родство Соловьева и Гегеля, русский философ стремится выявить различия между собой и своим немецким предшественником, Миколайтис пишет: «...у Гегеля мы видим полное безразличие духовного элемента по отношению к материальным явлениям. Для Соловьева, напротив, абсолютная и объективная красота реально воздействует на материальный мир, идеальный элемент все больше овладевает материальным Хаосом – благодаря чему эволюция и прогресс Вселенной неуклонно движется к своей цели, к всеобщему воплощению Идеи» (перевод наш. – А.Б.) [10, р. 64–65].

Как уже было отмечено, прекрасное в определениях обоих философов понимается как воплощение идеи. При этом нужно сделать важную оговорку. Определяя красоту как воплощенную идею, Соловьев тем самым желает устранить ошибочные представления тех, кто «находит в красоте не действительное осуществление, а только видимость или призрак (Schein) идеи»¹⁹. Указанный в скобках немецкий эквивалент наводит на мысль о том, что «видимость» в данном случае – философский термин, а не оборот речи. «Современный философский словарь» дает определение видимости как философской категории, введенной именно Гегелем: «В “Науке логики” эта категория сближается с понятием взаимоотражения противоположностей (“рефлексией”) и становится одним из аналогов “отражения”» [18, с. 81]. Здесь уместно вновь вспомнить о гегелевском определении красоты в природе как о «рефлексе красоты» и привести еще одно определение прекрасного, данное в «Лекциях по эстетике»: «...чувственное явление, чувственная видимость идеи»²⁰. Очевидно, что обращение к понятию Schein у Соловьева является непосредственной отсылкой к

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Красота в природе. С. 49.

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 81 [16].

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Красота в природе. С. 41.

²⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Т. 1. С. 119.

тексту гегелевских лекций (более того, на языке оригинала²¹), а «ошибочное представление» есть оценка суждений в духе эстетики Гегеля.

Красота в природе оказывается неудовлетворительной для Гегеля. Свободный акт творения возможен только в искусстве. Гегель рассматривает искусство, наряду с религией и философией, как способ выявления божественного в доступной для сознания форме. Но искусство занимает при этом низшую ступень из-за значительной роли чувственного элемента: «искусство имеет отношение к минутам внутреннего облегчения, расслабленности духа»²², в то время как постижение истины требует духовной сосредоточенности. При этом искусство имеет уникальный характер, так как позволяет воплощать самые высокие идеи в чувственной форме, следовательно, делает их «видимыми», осязаемыми. Искусство становится проводником между внешним миром и чистой мыслью, примиря «природу и конечную действительность с бесконечной свободой постигающего мышления»²³.

Искусство для Соловьева, скорее, наследует делу природы, а не противопоставлено ему. В «Философских началах цельного знания» (1877 г.) искусство мыслится как одна из основных форм общечеловеческой деятельности, не уступающая рационалистичным формам познания. В своей высшей форме – теургии – оно служит преобразению действительности на пути к всеединству: «цель, не достигнутая пока средствами природы, должна быть реализована на путях человеческого творчества»²⁴. Примечательно, что история существования искусства представляется им в диалектическом развитии: от некогда бывшего слитного состояния искусства и религии к современному отчуждению искусства и к будущему их «свободному синтезу»²⁵. Для Соловьева значение художественного творчества также содержится в чувственной передаче духовного содержания, но его позиция в какой-то степени эсхатологична. Если, по Гегелю, искусство есть завершенная ступень в познании абсолютного духа, то Соловьев рассматривает современное состояние искусства как предварение его истинной сущности. Само содержание искусства есть прозрение будущей абсолютной красоты, когда предметы и явления отображаются «в свете будущего мира»²⁶.

²¹ Отдельно стоит заметить, что современные исследователи трактуют понятие *Schein* как явленность идеи и потому критикуют перевод «видимость» как коннотативно связанный с чем-то нереальным, иллюзорным (см.: Татаренко Н.А. Понятия искусства и идеала в гегелевской эстетике в свете новых источников // История философии. 2017. Т. 22, № 1 С. 31). Кажется, что такое искаженное понимание разделяет и Соловьев.

²² См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Т. 1. С. 10.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ См.: Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. М., 1999. № 4. С. 29 [17].

²⁵ См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства. С. 83.

²⁶ Там же.

Т. Немет указывает на еще одно различие между познанием прекрасного у Гегеля и Соловьева. Если для Соловьева мы прозреваем красоту с помощью «интеллектуальной интуиции», то для Гегеля таким инструментом становится «интуиция чувственная»²⁷.

Фигура субъекта творческой деятельности, художника, представляется Гегелем с точки зрения трех основных, связанных с ним феноменов: фантазии, гения и вдохновения. Художник должен обладать богатым внутренним миром, знанием и пониманием внутренней жизни человека, должен быть наделен гением, который является «всеобщей способностью к созданию художественных произведений»²⁸, и способностью глубоко погружаться в изображаемый предмет, чтобы установить его истинную сущность. Из всего сказанного выше о прекрасном как о воплощенной идее вытекает убежденность философа в том, что подлинное достоинство и оригинальность художественного произведения выражается в соответствии с полнотой раскрытия истины в предмете изображения, в степени раскрытия духа в нем. Гегель не отменяет субъективной индивидуальности художника, но выступает против манерности и творческого произвола: постигнув истинное содержание предмета, художник оказывается способен воспроизвести себя «в своей истинной субъективности»²⁹.

Наиболее полно представления Соловьева о роли творца раскрываются, на наш взгляд, в его литературно-критических статьях о Пушкине. Одна из главных «аксиом», устанавливаемых Соловьевым, звучит следующим образом: «Поэт не волен в своем творчестве»³⁰. Аксиома применима не только к поэтическому искусству. Она означает, что невозможно вызвать вдохновение сознательным намерением творить, оно приходит свыше, из «надсознательной области». Стихотворение «Пророк», по мнению Соловьева, иллюстрирует пассивную роль автора, который служит своего рода проводником божественного вдохновения. Разум исключается из творческого процесса – «невдохновенные» (Соловьев называет их «придуманными») произведения получают негативную оценку философа³¹.

Однако пассивность ума и воли в творческом процессе не умаляет значение творца. Об этом свидетельствует вторая соловьевская «аксиома» «гений обязывает»³², указывающая на важность для гения этической категории. Наряду с нравственностью, в тесной связи с искусством, по мнению Соловьева,

²⁷ См.: Nemeth Th. *The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 143.

²⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. *Лекции по эстетике*. Т. 1. С. 294.

²⁹ Там же. С. 309.

³⁰ См.: Соловьев В.С. *Значение поэзии в стихотворениях Пушкина* // Соловьев В.С. *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 328 [19].

³¹ Так, например, неудачными стихотворениями Я.П. Полонского признаются Соловьевым те, что написаны «от рассудка» («О лирической поэзии»). «Надуманым», а потому «безжизненным» считает он образ Чацкого в комедии «Горе от ума» («Общий смысл искусства»).

³² См.: Соловьев В.С. *Судьба Пушкина* // Соловьев В.С. *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 276.

находится религия: «...для Соловьева красота никогда не является чуждой вере и не может сводиться только к предмету эстетики» (перевод наш. – А.Б.)³³. С этим связана, например, его высокая оценка личности и творчества Адама Мицкевича (В.С. Соловьев «Мицкевич», 1899 г.) и отрицательная критика Лермонтова (В.С. Соловьев «Лермонтов», 1901 г.). Истина, добро и красота составляют три ипостаси всемирной идеи – каждая из них реализует идею собственными путями, но во внутренней взаимосвязи друг с другом. Этим объясняется резко негативная реакция Соловьева на первые выступления ранних символистов: он усматривал в них декадентское любование «красотой», оторванной от понятий нравственности и добра, эстетизацию зла.

Высокий нравственный критерий, применимый по отношению к художнику (в первую очередь к поэту) необходим для достижения им сверхчеловеческого состояния. Выступая резко против нищенского видения «сверхчеловека», Соловьев считал, что настоящий прорыв в человеческом существовании возможен, если человечество окажется способно преодолеть смерть. О том, что такое возможно силами подлинного искусства, свидетельствует стихотворение Соловьева «Три подвига»: греческие герои демонстрируют силу творчества в деле преображения мира. Венчает их подвиг Орфей, которому удастся силой песни спасти Эвридику из царства мертвых. Такая теургическая мистика в миссии художника, безусловно, сильно отличает Соловьева от рационализма Гегеля.

В рассматриваемой Гегелем иерархии искусств поэзия занимает весьма высокое место. Ослабленность чувственного элемента в ней, широта охватываемого содержания делает ее предварением религии и философии, «где поэзия переходит к более свободному от чувственности постижению абсолютно-го»³⁴. Поэзия освобождается от крайностей архитектуры и скульптуры, ограниченных материальной составляющей, и музыки, всецело уходящей в субъективность, лишённую определенного содержания. Главной категорией поэзии Гегель называет духовность: так, поэзия «высказывает дух ... непосредственно для духа»³⁵, проводником же служат не чувственные формы, а духовные – внутреннее представление и созерцание. Гегель рассматривает особенности поэтического языка в его отличии от прозаического, анализирует особенности эпической, драматической и лирической поэзии.

Соловьев классифицирует искусства по способу реализации высшей красоты. Эту классификацию лишь отчасти можно считать иерархически устроенной. Прямые (или магические) искусства передают трансцендентное содержание непосредственно в прекрасных словах и звуках: сюда относятся музыка и «чистая» лирика. Косвенные искусства очищают и усиливают изначально заложенную в частных и преходящих явлениях материального мира

³³ См.: Tenace M. La beauté sauve le monde // AISTHESIS. 1997. № 30. P. 29 [21].

³⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. С. 352 [22].

³⁵ Там же. С. 344.

красоту: Соловьев упоминает архитектуру, скульптуру, живопись и поэзию. Третий род также именуется косвенным, но его задача – подчеркнуть противоречие между идеалом и несоответствующей ему действительностью. Таков древний эпос, комедия и трагедия.

Нас, в связи с Соловьевым, будет интересовать в первую очередь поэзия лирическая. Содержанием лирической поэзии Гегель считал внутренний мир отдельного субъекта-художника, чьи индивидуальные созерцания и чувства, не теряя характер субъективности, имеют при этом универсальное, всеобщее значение. В лирике «человек в его субъективной внутренней жизни становится художественным произведением»³⁶, изображаемые предметы и явления же могут оказаться совершенно случайными – главную роль играет субъект восприятия.

Гегелевское определение лирики как «поэзии субъективности» критикует Соловьев: «это такое определение, от которого, по выражению Я.П. Полонского, “ничего не жди хорошего”»³⁷. Не каждое субъективное переживание достойно стать предметом изображения в поэзии, а достойное должно быть отрефлексировано, должно перестать быть только переживанием, а стать предметом поэтической мысли. Кроме того, поэт имеет возможность творчески воплотиться в чужую субъективность, пережить впечатления другого и выразить их в стихах. Характерной особенностью лирики является слитность содержания и словесного выражения. Будучи поэтом, Соловьев, в отличие от Гегеля, придает не меньшую роль словесному знаку как выражению внутреннего содержания. Эти замечания о лирической поэзии Соловьев высказывает в одноименной статье («О лирической поэзии», 1890 г.), приводя в пример двух современных «чистых» лириков – А.А. Фета и Я.П. Полонского. Основное содержание «чистой» лирической поэзии – природа и любовь в ее возвышенном, духовном смысле. Катарсические потенции лирики – ее способность вызывать к рефлексии над объективированным, вынутым из непосредственного переживания чувством – отмечают и Гегелем, и Соловьевым.

Теперь обратим внимание на практическую реализацию гегелевских методов и воззрений в литературно-критическом творчестве Соловьева. В первую очередь можно указать на роль диалектического метода и триадичность рассуждений философа. Говоря о влиянии Гегеля на Соловьева, А.Ф. Лосев писал: «Число “три” настолько оказалось привычным Вл. Соловьеву, что он его весьма часто употреблял даже и не в смысле диалектики, а в смысле просто обыкновенной системы рассуждения или рассказа» [6, с. 172]. Это видно и из сказанного выше: стихотворение «Три подвига», три ипостаси всемирной идеи и т.д. В статьях о поэтах и писателях такие триады встречаются достаточно часто: три истины выносит для себя Достоевский с каторги, три жизненных испытания претерпевает в своей судьбе Мицкевич, три демона одолевали Лермонтова на протяжении жизни.

³⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. С. 501.

³⁷ См.: Соловьев В.С. О лирической поэзии // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 399 [23].

Гораздо больший интерес представляет триада, отражающая диалектический процесс. Такова схема исторического развития русской поэзии, предложенная Соловьевым в статье «Поэзия А.К. Толстого» (1894 г.). В качестве тезиса полагается поэзия Пушкина с его «органическим» отношением к творчеству, когда творческий акт не рационализируется, а вдохновение принимается как данность свыше. Обнаруживаемый в творчестве Пушкина рассудочный элемент, по мысли Соловьева, незначительная частность, «пыль на чудесном алмазе», не характеризующая сущность его поэзии. Антитезисом выступает поэзия Лермонтова и Боратынского – поэзия рефлексирующая, доходящая до критики окружающего мира и пессимизма. Но это необходимый шаг, вызывающий работу мысли: недовольство требует пересмотра и активного действия. Действие является в поэзии «гармонической мысли», в творчестве Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого. В их творчестве красота осознает самое себя, для них поэзия уже представляет собой «выражение истины»³⁸. Примечательно, правда, что достоинства последних определяются, в первую очередь, в их наследовании пушкинской, а не лермонтовской традиции – гегелевская диалектика оказывается проведенной не до конца.

В статье «Судьба Пушкина» (1897 г.) Соловьев задается целью на примере жизненной истории поэта дать представление о судьбе вообще. Философ приходит к выводу, что понятие судьбы слагается из необходимости («преодолевающей силы разумно-нравственного порядка»³⁹) и нашей собственной воли. В случае с Пушкиным под необходимостью подразумевается стремление к духовному перерождению, которое реализовалось тернистым и трагическим путем в результате сознательного решения поэта поддаться на искушения света и отправиться на дуэль. Соловьев возлагает часть ответственности за случившееся на самого Пушкина: «Он сознательно принял свою личную страсть за основание своих действий, сознательно решил довести свою вражду до конца, до дна исчерпать свой гнев» [20, с. 296]. Нам важно само представление Соловьева о судьбе как явлении, связанном с личной волей и определяемом необходимостью, которое, кажется, возникло под влиянием гегелевской диалектики о свободе и необходимости. По Гегелю, эти понятия не являются противоположными: необходимость есть не до конца осознанная свобода, она уже содержит внутри себя понятие свободы, которое разворачивается в мировом процессе. Раскрываемый в первую очередь в философии истории этот диалектический процесс представляет историю раскрытия духа как «необходимое», действия же отдельных индивидов кажутся им самим свободными⁴⁰. Схожее мы наблюдаем и у Соловьева: разумная сила, направляющая действия индивида, реализуется посредством его личного интенцио-

³⁸ См.: Соловьев В.С. Поэзия А.К. Толстого // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 489 [24].

³⁹ См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина. С. 300.

⁴⁰ См.: Асмус В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 67–68 [25].

нального устремления. В таком случае высшая необходимость представляет собой тезис, личная воля, противоположная ей, – антитезис, а их взаимодействие, воплощение необходимости посредством воли, – синтез, он же – судьба, или, по Соловьеву, Провидение Божье.

Л.И. Шестов в работе «Умозрение и Апокалипсис» (1927 г.), посвященной религиозной философии Соловьева, делает замечание по поводу статьи «Судьба Пушкина»: «<...> его “Судьба Пушкина” составлена по образцу одной из глав гегелевской истории философии, которая носит и соответствующее заглавие: „Судьба Сократа”» [4, с. 31]. Проводя параллель между двумя биографиями великих людей, Л.И. Шестов отдает предпочтение Гегелю за то, что он, характеризуя судьбу Сократа, возвеличивает философа. Соловьев же, напротив, осуждает и наказывает Пушкина исходя из оценки нравственных качеств последнего. В немецком оригинале лекций заключительная глава о Сократе действительно носит такое название *Shicksal des Sokrates*, где Гегелем выстраивается биографический очерк греческого философа. И в статье «Судьба Пушкина» действительно можно найти схожие мотивы с «Судьбой Сократа». Так, например, попытка вывести из судьбы Пушкина представление о судьбе вообще, то есть индуктивное движение от индивидуального факта к общим положениям, соотносится с тем, как представляет судьбу Сократа Гегель: как иллюстрацию общих законов истории, момента столкновения двух общественных порядков, старого и нового. Гибель Сократа и посмертное его оправдание афинскими гражданами лишь подтверждает факт этого столкновения и смену нравственных ориентиров, торжество «субъективной свободы»⁴¹.

Не менее интересно две «судьбы» философа и поэта соотносятся в вопросе вины. Сократ, по мнению Гегеля, своим отказом выбрать себе наказание пошел против воли афинского народа и против судебной власти, чем навлек на себя смертный приговор. Важно подчеркнуть сознательность и решимость этого акта: коллективному сознанию Сократ противопоставляет индивидуальное, свою собственную совесть, перед лицом которой он оказывается оправдан. В этом торжество и вместе с тем вина Сократа. Гегель пишет: «... когда в трагедиях выступают тираны и невинные, то это плоско и в высшей степени бессодержательно, так как это простая случайность. Великий человек хочет быть виновным и принимает на себя великую коллизию. <...> Несчастье лишь тогда разумно, когда оно порождено волей субъекта, которая должна быть бесконечно правомерной и нравственной, равно как и сила, против которой она выступает» [26, с. 192].

Последнее предложение кажется нам исчерпывающим заключением к соловьевской статье. Действительно, изначальная предпосылка Соловьева к анализу дуэльных событий заключалась в том, что смерть поэта интерпрети-

⁴¹ См.: Гегель Г.В.Ф. <Из лекций по истории философии> // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1973. С. 193 [26].

руется как «вопиющая неправда, нестерпимая обида»⁴², а судьба – как иррациональный и слепой рок. Найденное философом разрешение вопроса («Провидение Божье») в некоторой степени примиряет почитателей таланта Пушкина с фактом его гибели, но напрасно видеть в этом, как видели некоторые критики, пассивное принятие высшей воли. Признание за несчастьем его рациональности не отменяет несчастье как таковое, но освещает его светом разума. Можно ли говорить о правомерности и нравственности противостоящей Пушкину воли? Вероятно, можно, если уйти от буквальной фигуры пушкинского оппонента, Дантеса, и обратиться к более широкому плану – той части петербургского света, которая находилась с Пушкиным во вражде. Признавая тот факт, что и в нравственных характеристиках эти люди уступают поэту («Враги Пушкина не имеют оправдания; но тем более его вина в том, что он спустился до их уровня»⁴³), Соловьев тем не менее указывает на необоснованность, например, эпиграмм в адрес С.С. Уварова⁴⁴. Впрочем, в целом Соловьев уходит от противопоставления поэта-мученика «завистливому и душному» свету, представленного в знаменитом стихотворении «На смерть поэта», возможно, именно потому, что ситуация гибели Пушкина соотносилась бы с лермонтовской поэтической аналогией.

Таким образом, можно отметить явное влияние Гегеля на соловьевскую концепцию судьбы Пушкина в нескольких аспектах. В первую очередь, оно реализуется в структуре рассуждений относительно понятия «судьбы»: Соловьев перенимает диалектический метод Гегеля и его представление о необходимости, включающей в себя постепенно развертывающуюся идею свободы. Подобно тому как для Гегеля прогресс в познании свободы определяется степенью уяснения человечеством закономерности господствующего над ним мирового духа, так и для Соловьева «правильное» понимание судьбы «есть также одно из условий ее действия через нас»⁴⁵. Статьи о Сократе и Пушкине объединены общим мотивом столкновения сильной личности с обществом, при этом обе стороны конфликта являются носителями собственной правды, что приводит к трагичной развязке. Примечательно, что английский исследователь Дэвид Лэмб указывает на трагический пафос сократовской коллизии с афинским обществом, буквально выстраивая ее по законам трагического жанра: он вводит третью сторону конфликта – примирительную, которая приводит читателя к ощущению справедливого и благого исхода конфликта⁴⁶. В случае Соловьева такой примиряющей составляющей выступает Провидение Божие. Наконец, пример двух значимых исторических личностей (Сократ

⁴² См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина. С. 275.

⁴³ Там же. С. 293.

⁴⁴ Там же. С. 292.

⁴⁵ Там же. С. 272.

⁴⁶ Lamb D. The Trial and Death of Socrates in Hegel's History of Philosophy // Hegel—From Foundation to System. Martinus Nijhoff Philosophy Library. Vol. 1. Springer, Dordrecht. 1980. P. 70 [27].

и Пушкин) ведет обоих философов к рассмотрению общефилософских вопросов: для Гегеля это законы развития духа, для Соловьева – нравственный модус существования человека в мире.

Проведенный нами анализ эстетических концепций Гегеля и Соловьева может быть обобщен в следующих выводах. Во-первых, во многих из пунктов своей эстетики Соловьев опирается на идеи гегелевских «Лекций по эстетике», творчески переосмысляя многие из них: понимание красоты природы, прекрасное как идея, значение искусства, специфика поэзии. Близость позиций двух философов по этим конкретным вопросам, однако, высвечивает существенные расхождения в философских основаниях. Эстетика Гегеля основывается на логическом развертывании абсолютной идеи, Соловьев же исходит из концепции Всеединства, триединства Истины, Добра и Красоты. Соловьев заимствует у Гегеля диалектический метод, но оригинальным образом интерпретирует с его помощью представление об эволюции русской поэзии XIX века. Гегелевская идея о взаимосвязи свободы и необходимости оказала значительное влияние на соловьевскую теорию судьбы поэта.

Список литературы

1. Страхов Н.Н. Письмо к Л.Н. Толстому, 1 января 1875 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб.: типография Б.М. Вольфа, 1913. С. 55–58.
2. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 1. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1913. 652 с.
3. Оппо А. Шестов и Соловьев: антиподы русской религиозной философии // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 79–90.
4. Шестов Л.И. Умозрение и Апокалипсис // Умозрение и откровение. Париж: YMCA-press, 1964. 343 с.
5. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. Париж: YMCA-press, 1936. 264 с.
6. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Мол. гвардия, 2000. 613 с.
7. Сидорин В.В. Интерпретация гегелевской диалектики в философии В.С. Соловьева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 22 с.
8. Цыплаков Д.А. Влияние эстетики Гегеля на онтологические и гносеологические основания эстетики В.С. Соловьёва и Н.О. Лосского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Новосибирск, 2006. С. 258–277.
9. Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьева. В 2 ч. Т. 1–2. М.: Ин-т философии РАН, 2001–2004.
10. Micolaitis V. L'esthétique de Vladimir Soloviev [thèse]. Würzburg: Druck von C.J. Becker, 1923. 77 p.
11. Nemeth Th. The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia. Springer Nature Switzerland AG, 2019. 314 p.
12. Татаренко Н.А. Понятия искусства и идеала в гегелевской эстетике в свете новых источников // История философии. 2017. Т. 22, № 1. С. 27–37.
13. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.
14. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 90–98.
15. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 30–73.

16. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 73–89.
17. Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. 1999. № 4. С. 3–43.
18. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова. М.: Академический проект, 2015. 823 с.
19. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 316–370.
20. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 271–300.
21. Tenace M. La beauté sauve le monde // AISTHESIS. 1997. № 30. P. 24–30.
22. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 621 с.
23. Соловьев В.С. О лирической поэзии // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 399–425.
24. Соловьев В.С. Поэзия А.К. Толстого // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 483–506.
25. Асмус В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 52–69.
26. Гегель Г.В.Ф. <Из лекций по истории философии> // Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1973. С. 175–214.
27. Lamb D. The Trial and Death of Socrates in Hegel's History of Philosophy // Hegel—From Foundation to System. Martinus Nijhoff Philosophy Library. Vol. 1. Springer Dordrecht. 1980. P. 45–71.

References

(Sources)

Collected Works

1. Gegel', G.W.F. Leksii po estetike [Lectures on aesthetics], in Gegel', G.W.F. *Estetika v 4 t., t. 1* [Aesthetics. In 4 vols., vol. 1]. Moscow, 1968. 312 p.
2. Gegel', G.W.F. Leksii po estetike [Lectures on aesthetics], in Gegel', G.W.F. *Estetika v 4 t., t. 3* [Aesthetics in 4 vols., vol. 3]. Moscow, 1971. 621 p.
3. Gegel', G.W.F. <Iz leksiy po istorii filosofii> [<From lectures on the history of philosophy>], in Gegel', G.W.F. *Estetika v 4 t., t. 4* [Aesthetics in 4 vols., vol. 4]. Moscow, 1973, pp. 175–214.
4. Solov'ev, V.S. Pervyy shag k polozhitel'noy estetike [The first step to positive aesthetics], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 90–98.
5. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 30–73.
6. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 73–89.
7. Solov'ev, V.S. Znachenie poezii v stikhotvoreniiakh Pushkina [The meaning of poetry in Pushkin's Poems], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 316–370.
8. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina [The fate of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 271–300.
9. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii [About lyrical poetry], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 399–425.
10. Solov'ev, V.S. Poeziya A.K. Tolstogo [Poetry of A.K. Tolstoy], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991, pp. 483–506.

11. Strakhov, N.N. Pis'mo k L.N. Tolstomu, 1 yanvarya 1875 g. [Letter to L.N. Tolstoy, January 1, 1875], in *Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym* [Correspondence of L.N. Tolstoy with N.N. Strakhov]. Saint-Petersburg, 1913, pp. 55–58.

(Articles from Scientific Journals)

12. Asmus, V.F. Dialektika neobkhodimosti i svobody v filosofii istorii Gegelya [Dialectics of Necessity and Freedom in Hegel's Philosophy of History], in *Voprosy filosofii*, 1995, no. 1, pp. 52–69.

13. Bychkov, V.V. Estetika Vladimira Solov'eva kak aktual'naya paradigma [Aesthetics of Vladimir Solovyov as an actual paradigm], in *Istoriya filosofii*, 1999, no. 4, pp. 3–43.

14. Lamb, D. The Trial and Death of Socrates in Hegel's History of Philosophy, in *Hegel—From Foundation to System. Martinus Nijhoff Philosophy Library*, 1980, vol. 1 (Springer Dordrecht), pp. 45–71.

15. Oppo, A. Shestov i Solov'ev: antipody russkoy religioznoy filosofii [Shestov and Solovyov: antipodes of Russian religious philosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 1(65), pp. 79–90.

16. Tatarenko, N.A. Ponyatiya iskusstva i ideala v gegelevskoy estetike v svete novykh istochnikov [The concepts of art and the ideal in Hegelian aesthetics in the light of new sources], in *Istoriya filosofii*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 27–37.

17. Tenace, M. La beauté sauve le monde. *AISTHESIS*, 1997, no. 30, pp. 24–30.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

18. Kemerov, V.E., Kerimov, T.Kh. (ed.) *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Moscow, 2015. 823 p.

19. Tsyplakov, D.A. Vliyaniye estetiki Gegelya na ontologicheskie i gnoseologicheskie osnovaniya estetiki V.S. Solov'eva i N.O. Losskogo [The influence of Hegel's aesthetics on the ontological and epistemological foundations of the aesthetics of V.S. Solovyov and N.O. Lossky], in *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya* [Spiritual and moral foundations of Russian culture and education]. Novosibirsk, 2006, pp. 258–277.

(Monographs)

20. Kormin, N.A. *Filosofskaya estetika Vladimira Solov'eva. V 2 ch., t. 1–2* [Vladimir Solovyov's Philosophical Aesthetics. In 2 part, vol. 1–2]. Moscow, 2001–2004.

21. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow, 2000. 613 p.

22. Mochul'skiy, K.V. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [Vladimir Solovyov. Life and teaching]. Paris, 1936. 264 p.

23. Nemeth, Th. *The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. 314 p.

24. Shestov, L.I. *Umozrenie i Apokalipsis* [Speculation and the Apocalypse], in *Umozrenie i otkrovenie* [Speculation and revelation]. Paris, 1964. 343 p.

25. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva. T. 1* [The worldview of V.S. Solovyov. Vol. 1]. Moscow, 1913. 652 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

26. Micolaitis, V. *L'esthétique de Vladimir Soloviev* [thèse]. Würzburg: Druck von C.J. Becker, 1923. 77 p.

27. Sidorin, V.V. *Interpretatsiya gegelevskoy dialektiki v filosofii V.S. Solov'eva*. Avtoref. diss. ...kand. filos. nauk [Interpretation of Hegelian Dialectics in V.S. Solovyov's Philosophy. Abstr. cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2013. 22 p.

УДК 1:82-1
ББК 87.3(2)522-685:83.3

Светлана Алексеевна Ипатова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный сотрудник Отдела новой русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: ipatovas@rambler.ru

**Об издании заключительного тома «Писем» Вл.С. Соловьёва
(Т. 4. Пб.; Изд-во «Время», 1923): по материалам
писем Г.П. Блока Э.Л. Радлову (1920–1923 гг.).
К 100-летию юбилею издания**

Аннотация. Излагается история издания заключительного 4-го тома собрания «Писем» Вл.С. Соловьёва, вышедшего в 1923 г., в советское время, через 15 лет после начала издания и через 12 лет после выпуска предыдущего тома, которым, как известно, планировалось завершить публикацию имеющегося на тот момент свода писем философа. Обретение новых писем побудило историка философии Эрнеста Львовича Радлова (1854–1928), друга и единомышленника Соловьёва, бессменного составителя и редактора вышедших томов писем философа, приступить в 1919–1920 гг., в иных идеологических и культурно-исторических условиях, к подготовке 4-го тома. Вышедшая в мае 1923 г. книга «Писем» Соловьёва завершила собрание эпистолярия философа, собранного Радловым. Непростая история издания заключительного тома до сих пор не получила достаточного освещения в литературе о Соловьёве. Публикация сохранившихся писем Радлову главного редактора петроградского кооперативного товарищества «Время» Георгия Петровича Блока (1888–1962), работавшего над этим томом на протяжении 1920–1923 гг., в какой-то мере раскрывает непростой издательский процесс и возникшие в ходе подготовки трудности. Несмотря на то, что ответные письма Радлова Блоку пока не выявлены, детали, сообщаемые в письмах, позволяют восстановить общую картину как научной, так и технической, издательской работы над томом.

Ключевые слова: эпистолярный Вл. Соловьёва, издательство З.И. Гржебина, издательство «Время», письма Г.П. Блока Э.Л. Радлову

Svetlana Alekseevna Ipatova

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, Scientist Researcher of the Department of the New Russian Literature, St. Petersburg, Russia, e-mail: ipatovas@rambler.ru

**About the Publication of the Final Volume
of the “Letters” of V.S. Solovyov (Vol. 4. Pb., publishing house
“Vremya”, 1923): Based on the Materials
of G.P. Blok’s Letters to E.L. Radlov (1920–1923)
To the 100th anniversary of the publication**

Abstract. The article describes the history of the publication of the final 4 volume of the collection of “Letters” by V.S. Solovyov, published in 1923, in Soviet time, 15 years after the publication began (vol. 1) and 12 years after the release of the previous one (vol. 3), which, as is known, planned to

complete the publication of the available at that moment of the philosopher's letters. The acquisition of new letters prompted the historian of philosophy Ernest Lvovich Radlov (1854–1928), a friend and like-minded Solovyov, the permanent compiler and editor of the published volumes of his letters, to begin in 1919–1920 in other cultural and historical conditions to prepare the 4th volume. The difficult history of the publication of the final volume has not yet received sufficient coverage in the literature about the philosopher. The publication of the surviving letters to Radlov the Editor-in-chief of the cooperative association "Vremya" G.P. Blok who worked on this volume during 1920–1923, to some extent illuminate the publishing process and the difficulties that arose during the preparation. Despite the fact that Radlov's response letters to the Block have not yet been revealed, the details reported in the letters allow us to restore the overall picture of both scientific and technical publishing work on the volume.

Key words: Solovyov's Epistolary, Z.I. Grzhebin Publishing House, Vremya Publishing House, G.P. Blok's letters to E.L. Radlov

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.056-080

Авторитетное издание «Писем» Вл.С. Соловьева в 4-х томах, подготовка и выпуск которого растянулись на долгие годы (1908–1923 гг.)¹, до сих пор не утратило свое базовое источниковедческое значение, несмотря на неполноту, осознаваемую его бессменным составителем и редактором Э.Л. Радловым. Изданный им корпус писем философа был повторно воспроизведен фототипическим способом в 1970 г. в брюссельском издании «Собрания сочинений» Вл.С. Соловьева². Вероятно, временной разрыв между первыми тремя дореволюционными томами и заключительным томом, вышедшим в советское время, стал причиной установившейся в литературе не вполне корректной библиографической отсылки на издание, а именно: указание на существующее собрание «Писем» Соловьева как на трехтомник, при этом отсылка на том «Писем», вышедший в 1923 г. и рассматриваемый Радловым как окончание публикации, фигурирует в библиографических списках как самостоятельное отдельное издание, что представляется не вполне правомерным.

Необходимо напомнить основные биографические сведения об ученом. Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) (1854–1928), видный философ, историк философии, переводчик, литературовед, публицист, один из основателей Философского общества в Петербурге (1897 г.), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1899–1917 гг.), директор Публичной библиотеки в Петрограде (1917–1924 гг.), член-корр. Академии наук (1920 г.); друг и единомышленник Соловьева, считавший себя его учеником и последователем, близкий ему по своим взглядам и религиозно-философским воззрениям, а так-

¹ Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб.: тип. «Общественная польза», 1908. 283 с.; Т. 2. СПб.: тип. «Общественная польза», 1909. 369 с.; Т. 3. СПб.: тип. «Общественная польза», 1911. 340 с.; Т. 4. СПб.: изд. «Время», 1923. 244 с. [1].

² См.: Соловьев В.С. Письма и приложение // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969–1970. [Дополнительный том]: Письма и приложение. Фототипическое издание. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 1–142 [2].

же тонкий исследователь философии Соловьева. Их знакомство, переросшее в дружбу, состоялось, вероятно, в 1880 г. После смерти философа Радлов сыграл значительную роль в деле распространения и популяризации его наследия. Речь идет не только о многочисленных научных трудах Радлова, перу которого принадлежит ряд концептуальных работ, посвященных анализу философской системы Соловьева («Гносеология Вл. Соловьева», «Учение Вл. Соловьева о свободе воли» и др.); большинство статей, опубликованных ранее в повременных изданиях, были собраны им в отдельную книгу³. Вместе с племянником философа С.М. Соловьевым ученый принял участие в подготовке второго издания собрания сочинений философа в 10 томах⁴. После октябрьской революции в стенах Публичной библиотеки Радлов вел семинар, посвященный философским взглядам Соловьева (1921–1922 гг.)⁵. Однако едва ли не самым значительным вкладом ученого в науку о философе стала его собирательская, составительская и комментаторская работа по подготовке и изданию четырех томов соловьевского эпистолярия (1908–1923 гг.), и эта редакционная деятельность, учитывая масштаб личности и авторитета ведущего соловьевоведа, стала одной из форм его исследовательской практики. Сопутствующие письмам примечания ученого разнородны – разъяснения, дополнительные сведения, уточнения, атрибуционные заметки, замечания, цитирования, библиографические ссылки, отметки об опечатках и неточностях; и хотя комментарии носят скорее описательный, нежели аналитический характер, это не уменьшает их безусловное достоинство.

Причины, побудившие Радлова обратиться к обнародованию частных писем, далеких от философских трудов Соловьева, редактор объяснял так: письма «не только не послужат во вред памяти философа, но привлекут к нему многие сердца, которым мечты и мысли философа недоступны или даже мало симпатичны»⁶; а в предисловии ко 2-му тому добавил: Соловьев, «несомненно принадлежит к числу классических русских писателей, и поэтому всякая строчка, им написанная, имеет известную ценность»⁷. Когда в 1907 г., через семь лет после смерти Соловьева, у Радлова возникла мысль об издании писем философа, «не все лица, – заметил он в предисловии к 1-му тому, – к которым я обратился с просьбой о содействии при собирании матерьялов, отнеслись оди-

³ Радлов Э. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1913. 270 с. [3].

⁴ См.: Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С тремя портретами и автографом / под ред. и с примечаниями С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 1–10. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914 [4].

⁵ О Э.Л. Радлове см.: Кукушкина Т.А. Радлов Э.Л. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая советская энциклопедия, 2007. С. 240–242 [5]; см. также: Грин Ц.И. Радлов Э.Л. // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биографический словарь: в 4 т. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917. СПб.: Изд-во Российской нац. б-ки, 1995. С. 433–439 [6].

⁶ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. С. III–IV.

⁷ Там же. Т. 2. с. VI.

наково сочувственно к этому делу; некоторые высказали сомнение относительно своевременности издания писем» [1, т. 1, с. III]. Понимая эти сомнения, Радлов высказал главное свое соображение, которым он руководствовался: «... *теперь* собрать письма Соловьева, когда многие из его друзей еще живы, представляется делом не особенно трудным; но с течением времени оно будет, конечно, становиться все более и более затруднительным, и это заставило меня поторопиться с делом собирания и издания писем» [1, т. 1, с. IV].

Итак, под редакцией ученого, занимавшегося перепиской с адресатами и владельцами писем, отбором, нередко датировкой и необходимым комментированием, три тома писем философа вышли соответственно в 1908, 1909 и 1911 гг. Издание 4-го, заключительного тома, как известно, не планировалось редактором. В предисловии ко 2-му тому, датированном августом 1909 г., Радлов писал: «Третий и последний том мы постараемся издать, если обстоятельства позволят, в следующем году: в него войдут некоторые письма, которые мы надеемся еще получить, так как некоторые лица не могли еще доставить нам принадлежащие им материалы по совершенно случайным обстоятельствам. Может быть, найдутся и такие письма, на которые мы первоначально вовсе не рассчитывали» [1, т. 2, с. VII]. В предисловии к 3-му тому, помеченном 7 февраля 1911 г., бессменный редактор подвел итог, осознавая вместе с тем, что точку в поиске новых писем, а стало быть, и в продолжении издания, ставить рано: «Настоящим томом заканчивается издание писем Вл. Соловьева. <...> Само собою разумеется, что в изданные три тома вошли далеко не все письма Вл. Соловьева – может быть, самые важные еще долго не увидят свет ... Если нам когда-либо придется вернуться к этому изданию, то мы постараемся дать указатель имен, встречающихся в письмах, и исправить опечатки и погрешности. <...> Заканчивая издание, мы считаем себя обязанными выразить глубокую благодарность тем лицам, которые оказали ему, в той или иной форме, содействие» [1, т. 3, с. III].

Последний 4-й том не без трудностей вышел в издательстве «Время» во второй половине мая 1923 г., в сложное время утвердившейся советской издательской политики, при планомерном внедрении которой публикация писем буржуазного религиозного философа едва ли отвечала насущным идеологическим запросам времени в деле просвещения народных масс, а сама книга могла бы снискать широкую читательскую востребованность и коммерческий успех. «В начале 1920-х гг., – эмоционально отмечали исследователи Н.В. Котрелев и Э. Гаретто, – по временной слабости узурпаторов увидели свет несколько публикаций соловьевских текстов, важнейшими из которых были четвертый том писем, собранных Э.Л. Радловым, и “Стихотворения” и “Шуточные пьесы” под редакцией С.М. Соловьева⁸. Позже во все десятилетия

⁸ Имелись в виду: Стихотворения. Изд. 7 (М., 1921) – под редакцией Сергея Михайловича Соловьева, сына Михаила Сергеевича Соловьева, брата философа (наиболее полными являются издания 6-е (М., 1915) и 7-е). В 1922 г. вышло в свет отдельное издание: «Шуточные пьесы Владими-

советского ига, до самого конца 1980-х гг. сколько-нибудь крупных публикаций Соловьёва уже не было» [7, с. 62].

Следует заметить, что в обстановке идеологической напряженности и непримиримого противостояния начала 1920-х гг. возникли трудности не только с изданием писем Соловьёва, но и с публикацией исследований о философе. К книгам, не вышедшим в эту «смутную пору», следует отнести заключительный том фундаментального труда первого и главного биографа Соловьёва Сергея Михайловича Лукьянова (1855–1935), известного ученого-эпидемиолога и литератора; последний том обширного исследования «О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы» так и не был издан при жизни ученого. Тома 1, 2 и 3 (вып. 1) вышли в Петрограде в 1916–1921 гг.; том 3 (вып. 2) вышел лишь в 1990 г. в составе полного репринтного издания⁹.

4-й том писем Соловьёва был выпущен частным кооперативным издательством «Время» во второй половине мая 1923 г. В предисловии, датированном 23 апреля 1923 г., Радлов, завершая свой многолетний труд, отметил: «Издаваемый ныне в свет том писем Соловьёва может быть рассматриваем как дополнение к трем томам писем, ранее мною изданным», – и добавил с облегчением: «Долг дружбы по отношению к покойному я выполнил. Само собой разумеется, что мне не удастся более получить писем, хранящихся у разных лиц, например у наследников братьев Сергея и Евгения Трубецких. Я желал бы только еще увидеть в печати приготовленный мною том статей Соловьёва, не вошедших в собрание сочинений или вовсе не появлявшихся в печати» [1, т. 4, с. III–IV].

История подготовки книги растянулась на четыре года (1919–1923 гг.). Не лишенная драматизма, она до сих пор не получила достаточного освещения в литературе о Соловьёве. В архиве Радлова в Пушкинском Доме нами выявлены ранее не публиковавшиеся письма ученому главного редактора литературной части издательства «Время» Георгия Петровича Блока (1888–1962), литератора, исследователя биографии и творчества А. Фета, двоюродного брата знаменитого поэта. Письма Блока-редактора, работавшего над томом писем Соловьёва, в какой-то мере отражают издательский процесс и возникавшие в процессе работы трудности (1920–1923 гг.). Несмотря на то, что ответные письма Радлова Блоку пока не найдены, детали, сообщаемые в письмах, позволяют восстановить общую картину как научной, так и технической работы над томом.

Следует привести краткую биографию Г.П. Блока: профессиональный редактор, писатель, литературовед, переводчик. Окончив имп. Александровский лицей и затем Петербургский университет, до октября 1917 г. исполнял обязанности секретаря канцелярии департамента Правительствующего Сената

ра Соловьёва», впервые собранные воедино С.М. Соловьёвым и с его предисловием (см.: Шуточные пьесы Владимира Соловьёва / предисл. С.М. Соловьёва. М.: Задруга, 1922. С. 5–11 [8]).

⁹ Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии: в 3 кн. Репринтное изд. М.: Книга, 1990. Кн. 1. 442 с.; Кн. 2. 192 с.; Кн. 3 (вып. 1). 367 с.; Кн. 3 (вып. 2). 382 с. [9].

и помощника редактора газеты «Сенатские ведомости». Председательствовал в Комитете по делам типографии Академии наук (1920–1922 гг.). В 1921–1923 гг. служил в петроградском отделении «Издательства З.И. Гржебина» (секретарь Гуманитарного отдела редакции, во главе которой стоял М. Горький). Занимал должность ученого хранителя рукописей в Пушкинском Доме (1921–1923 гг.). С 1922 по 1934 г. (с перерывами) Блок – соучредитель, пайщик и главный редактор кооперативного издательства «Время». В феврале 1925 г. был арестован как «участник контрреволюционной монархической организации» (по «делу лицейстов»), приговорен к трем годам и отправлен в Соловецкий лагерь, откуда был этапирован на Северный Урал¹⁰. Вернулся в Ленинград осенью 1928 г. Новый арест («социально опасный элемент») последовал в марте 1935 г. («чистки» в связи с убийством С.М. Кирова). Из ссылки (Казахстан, Саратов) Блок вернулся вначале в Москву (1945 г.), тогда же с него была снята судимость, а затем в Ленинград (1948 г.)¹¹. В 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию «Пушкин в работе над историческими источниками». Последние годы служил в архиве Академии наук. Г.П. Блок – автор исследования «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета: по неопубликованным материалам» (Пг., 1924. 112 с.), романа «Одиночество» (Л., 1929. 142 с.), повестей «Каменская управа» (Л., 1935) и «Московляне» (М.; Л., 1951. 351 с.). Умер в 1962 г., похоронен в Ленинграде¹².

Работа Радлова над книгой началась, вероятно, в 1919–1920 гг.; предполагалось, что «Письма» будут печататься в частном петроградском издательстве Зиновия Исаевича Гржебина (1869–1929), организованном им совместно с М. Горьким для выпуска художественной, научной и научно-популярной литературы¹³. В архиве Пушкинского дома (в фонде Радлова) нами выявлен документ «Список писем Соловьева, сданных в издательство Гржебина» (Приложение II) (автограф, без даты), составленный самим редактором. Предположительная датировка этого перечня, подписанного будущими «серапионами» М. Слонимским (секретарем Горького по «Всемирной литературе») и Л. Лунцем (секретарем отделов детской и справочной литературы при Гржебине; указано К.Ю. Бурмистровым), – 1919–1920 гг.¹⁴ Попутно отметим, что в том же

¹⁰ См.: Беленкова А.И. Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицейстов» // Пушкинский музей: альманах. Вып. 6 / под ред. С.М. Некрасова, Р.В. Иезуитовой. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2014. С. 174–190 [10].

¹¹ См.: Книга памяти (документы, хранящиеся в ГАРФ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pkk.memo.ru/page%20/KNIGA/Bo.html#bo.5> (дата обращения: 20.09.2023) [11].

¹² См.: Г.П. Блок <Некролог> // Временник Пушкинской комиссии. 1962 / ред. М.П. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 102–103 [12]; см. также: Аксененко Е.М. Материалы А.А. Фета в Пушкинском Доме // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 1. С. 472–515 [13].

¹³ См.: Динерштейн Е.А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 191–262 [14].

¹⁴ ИРЛИ, ф. 252 (Э.Л. Радлова), оп. 1, № 14, л. 1 [15].

фонде хранится составленный Радловым (без даты) «Список статей В.С. Соловьева, не вошедших в собрание его сочинений», а также библиографический список, озаглавленный «Материалы к статьям В.С. Соловьева. Моск<овские> вед<омости>. 1891»¹⁵.

Издательская подготовка тома «Писем» началась, как следует из письма Блока Радлову, осенью 1920 г. (см. Приложение I, письмо 1, от 30 октября 1920 г.). В 4-й том вошло одно письмо Соловьева Фету и тексты четырех приписок, сделанных философом на письмах Н.Н. Страхова Фету¹⁶. Радлов обратился к Блоку как к фетоведу с рядом вопросов, связанных с биографией поэта. Соловьев высоко ценил поэзию Фета, с которым его связывала не только многолетняя дружба, но и «римское» творческое содружество¹⁷. Ранее в 3-м томе «Писем» были воспроизведены практически без комментариев 19 писем Соловьева Фету¹⁸, эта подборка полностью повторяла публикацию альманаха «Северные цветы на 1901 год» (1901 г.). Блок, отвечая Радлову, дает «фетовские примечания» (см. Приложение I, письма 1, 2), более того, снабжает Радлова текстами обширных приписок философа на письмах Страхова к Фету, обнаруженных им в архиве поэта в Пушкинском доме (см. Приложение I, письмо 2, от 8 марта 1921 г.), и, наконец, сообщает неизвестную ранее запись, оставленную Соловьевым в «Альбоме признаний» дочери Л.Н. Толстого Т.Л. Сухотиной, о чем Радлов упомянул в подстрочном комментарии к публикации этой записи¹⁹.

В письме Блока от 8 марта 1921 г. зафиксирован следующий этап работы над книгой: «Очень временно посылаю Вам окончание писем Соловьева и биографии Диккенса в переписанном виде» (см. Приложение I, письмо 2). В конце 1920 г. «Издательство З.И. Гржебина» перенесло свою деятельность вначале в Стокгольм, а затем в Берлин. Петроградский филиал издательства продолжал свою работу над текущими трудами. Решение о печатании 4-го тома «Писем» в России, а не за рубежом было принято, согласно следующему письму Блока Радлову, в ноябре 1921 г.: «Письма Соловьева будут печататься *здесь* и притом в ближайшем времени. Сознаюсь, что я агитировал в пользу этого решения. Это и скорее, и вернее, и корректура будет Вам посылаться, и внешний вид будет приличнее, как это ни странно» (см. Приложение I, письмо 3, от 29 ноября 1921 г.). Говоря о «приличном» внешнем виде издания, Блок, вероятно, имел в виду, что при печати «Писем» в Петрограде сохранялась возможность контролировать типографскую работу: качество бумаги, художественное оформление книги, воспроизведение портрета Соловьева и пр. 18 декабря 1921 г. Блок вновь информирует Радлова: «Письма Соловьева уже набираются. Типография

¹⁵ ИРЛИ, ф. 252 (Э.Л. Радлова), оп. 1, № 5, л. 1–1 об.

¹⁶ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 4. С. 228–231.

¹⁷ См.: Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьева в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4. С. 119–135 [16].

¹⁸ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 3. С. 107–128.

¹⁹ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 4. С. 238–239.

обещает окончить набор в две недели. Бумага будет приличная, шрифт тоже» (см. Приложение I, письмо 4). И действительно, в конце января 1922 г. Блок посылает Радлову корректуру первых пяти листов (см. Приложение I, письмо 5, от 31 января 1922 г.), а через два дня пробные оттиски портретов Соловьева с просьбой «сделать на них соответствующие надписи» (см. Приложение I, письмо 6, от 2 февраля 1922 г.). 22 февраля Блок сообщает: «Набор Соловьева продолжается» (см. Приложение I, письмо 7). И далее, с конца февраля 1922 г. до конца апреля – начала мая 1923 г. работа над томом, очевидно, прерывается, что, безусловно, находит свое объяснение в начавшихся идеологических кампаниях правительства, включая цензурные, а также в масштабной акции по выдворению интеллигенции из страны и особенно в гонениях на философов прежней формации. По какой-то причине цензурный диктат не коснулся почти подготовленных «Писем» Соловьева. В следующем письме от 7 мая 1923 г. Блок сообщает Радлову о возобновлении работы: «Посылаю Вам, как заявлено, корректуру нечет» (см. Приложение I, письмо 8).

В период прекращения работы над томом, в феврале 1922 г., Блок вместе с И.В. Вольфсоном принимает деятельное участие в основании нового частного издательства «Время»; 8 февраля 1922 г. Блок, приглашая поэта и прозаика, фетоведа Б. Садовского к сотрудничеству, писал: «Некий Вольфсон ... вовлек меня в издательскую работу с ним вдвоем. <...> Разменивались мы с ним так: его деньги и все финансово-торговые заботы, моя редакция, привлечение авторов, надзор за печатанием. Помимо меня ничего не приобретается, и помимо меня других редакторов нет. <...> Издательство называется "Время"» [17, № 85, с. 94]. И следом, 19 февраля 1922 г., он сообщает Садовскому: «От Гржебина рвусь уйти, но все не пускают. Уж я там и скандал устраивал, и письменное заявление об уходе подавал, все не помогает. Видно до апреля придется еще терпеть» [17, № 85, с. 96]. Сам Гржебин и его издательство подвергались постоянным гонениям со стороны Наркомпроса и Гослитиздата²⁰. В апреле 1923 г. издание практически подготовленного тома писем Соловьева взяло на себя кооперативное товарищество «Время» (1922–1934 гг.) – частная «издательская артель работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела», основанная на паях и в коммерческих целях издающая научно-популярные книги. В ЦГАЛИ²¹ (г. Санкт-Петербург) сохранился следующий архивный документ: письмо Петрооблита (общества кооперативных издательств для взаимного кредитования. – С.И.) в Политконтроль ГПУ от 5 апреля 1923 г. издательству «Время», в котором разрешалось выпустить книгу, «начат<ую> печатанием в издательстве Гржебина, с правом воспользоваться имеющимся набором»²². 4-й том писем имел номер Петрооблита № 3193, ука-

²⁰ См.: Динерштейн Е.А. Синяя птица Зиновия Гржебин. С. 191–262.

²¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 3 [18].

²² Там же, л. 73; цит. по: Маликова М.Э. Шум времени: История ленинградского кооперативного издательства «Время» (1922–1934) [Электронный ресурс] // Институты культуры Ленинграда на

занный на обороте титула. Необходимо заметить, что научно-популярная биографическая работа Радлова «Чарльз Диккенс», подготовленная у Гржебина в 1922 г., вышла в Берлине [20].

Официальной датой открытия нового издательства считается дата регистрации его Устава (30 января 1923 г.), но фактически первые книги под маркой «Времени» начали выходить в 1922 г. Членами-пайщиками товарищества стали: филолог-востоковед, академик С.Ф. Ольденбург; знаменитый ученый-геохимик и минеролог, академик А.Е. Ферсман; профессор, математик Я.И. Перельман; библиотекарь Г.А. Дюперрон; переводчики М.Л. Лозинский, А.А. Франковский; художник Ю.Д. Скалдин и несколько литераторов: М.А. Кузмин, В. Зоргенфрей и др. Основной пай был в руках у создателя, владельца издательства и бессменного председателя правления Ильи Владимировича Вольфсона (1882–1950), им же был внесен основной начальный капитал²³. Вольфсон, как и его заместитель Г.П. Блок, был опытным издательским работником, ранее сотрудничавшим в «Издательстве З.И. Гржебина»²⁴. В письме М. Горькому от 24 ноября 1924 г. о планах издательства «Время» Блок напомнил ему об этом периоде: «Вероятно, Вы слышали о существовании нашего издательства и нас, его учредителей, – Илью Владимировича Вольфсона и Георгия Петровича Блока – помните, может быть, по совместной издательской работе в 1920–1921 году» [23, с. 23].

В начале своей деятельности «Время» не имело определенной программы, поэтому репертуар издаваемых книг, судя по каталогам, был весьма разнообразен: это и серия научно-популярных небольших монографий (брошюр), и книги по экономике и научной организации труда, и историческая, мемуарная, художественная, детская и, наконец, эпистолярная литература. 19 февраля 1922 г. Блок в письме к Садовскому охарактеризовал репертуарный план нового издательства как «порядочную», но благообразную «мешанину»: «Никакой определенной издательской программы нет. Будем выпускать мелкие научные книжечки (их уже несколько набралось) философического направления: о времени, о классификации науки, о вечности жизни и т.д. Теперь еще литература: тут я сугубо осторожен. Вот кончаем печатать Зоргенфрея Далее мной намечены Вы и Ахматова ... думаю пустить еще рисунки Пушкина в Лернеровской обработке, да еще московский мой знакомец, бывший тамошний почт-директор Миллер, почтенный старик, даст, может быть, маленькую штучку к юбилею Майкова И, наконец, последнее – воспоминания Овсяннико-Куликовского. Как видите, мешанина порядочная,

переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. С. 10. Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (дата обращения: 20.09.2023) [19].

²³ См.: Шомракова И.А. Издательство «Время» (1922–1934 гг.) // Книга: исследования и материалы. Сб. XVII. М.: Книга, 1968. С. 201 [21].

²⁴ См.: Маликова М.Э. «Время»: История ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 131 [22].

но благообразная, едва ли оскорбительная» [17, № 85, с. 96]. Кроме того, Блок собирался привлечь историка литературы В.Л. Комаровича, поэта и литературоведа В.Н. Княжнина, с которым его связывала общность интересов к творчеству А. Блока, М. Шагинян (участие ее во «Времени» не было осуществлено), А. Ахматовой, сотрудничество с которой также не состоялось; в 1925 г. был напечатан сборник О. Мандельштама «Шум времени».

Выпуски первых книг литературного отдела издательства «Время» выявили его символистскую направленность. В феврале 1922 г. вышел сборник стихотворений В. Зоргенфрея «Страстная суббота» с посвящением «Благословенной памяти Александра Александровича Блока». В начале августа того же года была издана книга рассказов в стихах и прозе «Морозные узоры» Б. Садовского. В серии научно-популярных монографий к 1923 г. вышли брошюры, пользовавшиеся особым коммерческим успехом: Вернадский В.И. Начало и вечность жизни (Пг.: Время, 1922), Ферсман А.Е. Время (Пг.: Время, 1922), Кольцов Н.К. Омоложение организма по методу Штейнаха (Пг.: Время, 1922) и др.

Представляется, что выбор издательства «Время» для передачи тома писем Соловьева, практически подготовленного в издательстве Гржебина, носил случайный характер и был обусловлен именами сотрудников Вольфсона и Блока, параллельно с работой у Гржебина основавшими собственное издательство, в научно-популярный, «облегченный», «благообразный», «неоскорбительный» издательский репертуар которого едва ли письма буржуазного философа-идеалиста вписались органично. Напомним, предисловие Радлова к 4-му тому писем датировано «23 апреля 1923 г.» [1, т. 4, с. IV]. Книга была отпечатана в «Российской государственной Академической типографии» (ныне издательство «Наука») в количестве 2000 экз.

Качество издания было высоко оценено М. Горьким: «Среди издательств, знакомых мне, – “Время” я нахожу наиболее интересным по подбору книг и по технике изданий. <...> Превосходно изданы и удивительно интересны “Письма” Соловьева», – писал он Вольфсону из Неаполя 26 февраля 1926 г. [23, с. 28]. «Я рад, – ответил тот 26 апреля 1926 г., – что Вам понравилось издание “Писем” Соловьева. Ведь это издание было подготовлено к изданию в изд<ательстве> Гржебина еще при Вас. Только, к сожалению, такие книги сейчас расходятся очень туго» [23, с. 30]. Что касается отзыва Горького, то его отношение к Соловьеву и опубликованным письмам философа не было однозначным. «Сейчас прочитал письма Соловьева Вл., изд<ательства> “Время”, – сообщал пролетарский писатель литератору С.Т. Григорьеву из Неаполя 15 марта 1926 г. – Вот нигилист! И – как он сух, какой плоский. Я всегда думал о нем не похвально, а после этих писем нахожу, что вся его “теология”, идея соединения церковей, апологетика и т.д. – мастеровое дело, т.е. – бездушное. Но – диалектик превосходный. Шахматист» [24, с. 136]. Мемуарный вариант этого признания, не лишенный пристрастности, оставила Нина Берберова, три года прожившая с Горьким под одной крышей в Германии: «...от имен Чаадаева и Вла-

димира Соловьева его дергало злобой и страстной ревностью» [25, с. 212]. Вместе с тем не следует исключать того, что идея издавать 4-й том писем философа могла исходить именно от Горького, единолично определявшего репертуарный план «Издательства З.И. Гржебина».

По выходе заключительного тома «Писем» из эмиграции откликнулся обширной рецензией, опубликованной лишь в 2015 г., Г.В. Флоровский: «В трудное время Э.Л. Радлову удалось все-таки выпустить четвертый и заключительный том своего собрания писем Соловьева. <...> Эпистолярное наследие Соловьева в издании Радлова, конечно, не исчерпано. Многое еще остается в неизвестности, а может быть, и утрачено». Далее, отметив «лакуны» – ранее опубликованные письма Соловьева, ускользнувшие «от внимания почтенного редактора», – Флоровский заметил, что собранные письма «представляют не только биографический интерес. Свободные и непринужденные изъяснения писем позволяют проявить и оформить неясные намеки и недосказанные речи Соловьева, который в печати далеко не всегда мог высказываться до конца и в таких выражениях. <...> При всех оговорках, однако, письма Соловьева помогают распознать тот внутренний процесс духовного борения и становления, который скрывается за его писательской деятельностью» [26, с. 352–353]. По мнению американского богослова П. Л. Гаврилюка, рецензия, оставшаяся незаконченной, была написана Флоровским, вероятно, в 1923–1925 гг. [см.: 26, с. 351].

Из немногих рецензий на книгу в России следует выделить небольшой благожелательный отклик журнала «Русский современник», издаваемого при ближайшем участии М. Горького, Евг. Замятина и др., принадлежащий перу приятеля Г.П. Блока, литературоведа В.Л. Комаровича. Отметив, что новое собрание писем является «ценным завершением предшествующих», а по своему содержанию «широко и разнообразно», рецензент вместе с тем указал на существенные недостатки: «Скупые подстрочные примечания редактора не всегда достаточно освещают его. Более подробный комментарий к тексту был бы уместен в конце книги. Несколько писем оставлено без дат, несмотря на то что восстановить их из содержания было бы нетрудно. С внешней стороны издание выполнено прекрасно» [27, с. 326–327].

В рецензии П. Преображенского, помещенной в советском литературно-критическом журнале «Печать и революция» (г. Москва), органе Госиздата, была дана соответствующая идеологической установке издания оценка философу и его «Письмам»: «Живая душа того, чем болел Соловьев и к чему он стремился, давно отлетела, цели, за осуществление которых он боролся, – мертвы и археологичны, но даже в том случайном подборе писем ... оживает и обстановка, в которой он действовал, и сам он – библейский пророк по наружности и неудачливый Дон Кихот всемирной теократии по деятельности» [28, с. 267].

Дальнейшая судьба Радлова сложилась ожидаемо трагически. В 1922 г. на третьем номере был закрыт журнал «Мысль», редактируемый Радловым вместе с Н.О. Лосским (высланным 16 ноября 1922 г. на втором «философском

пароходе»). Выход первых томов сочинений Платона был расценен как активизация идеалистической философии. Вскоре прекращает свое существование Философское общество, возглавляемое ученым (1923 г.); в этом же году Радлов лишается права преподавания в университете, а в 1924 г. он вынужденно слагает с себя обязанности директора Публичной библиотеки. На только что вышедшей книге «Писем» Вл.С. Соловьева Радлов оставил дарственную надпись, адресованную книговеду и издателю А.А. Кроленко: «Александру Александровичу Кроленко, меценату философии от простого ремесленника в опале. Э. Радлов 11.VI.23» [29].

О событиях в России в первой половине 1920-х гг. в эмигрантской газете «Дни» жестко высказался Ф.А. Степун в статье «Памяти Владимира Соловьева» (1925 г.), в которой философ приводит слова некоего автора из России и заключает: «Кое-какие остатки культурных убежищ ушли в подполье. “Изучаем Платона, Плотина, Гегеля и Соловьева с чувством, что готовимся к преступлению, начинаем бомбы”. <...> Для режима, поставившего свою последнюю карту на угашение духа, не может быть ничего страшнее факта его неугасимости. Да, Соловьев поистине страшен для коммунистического мрака, ибо его основною чертою была светоносность. Пусть многое изо дня в день улучшается во внешней жизни Советской России, в отношении самого главного доходящие до нас печатные и изустные вести звучат все страшнее и страшнее. *Угашение духа* дошло за последнее время до еще небывалых размеров» [30, с. 3].

Известны 17 писем Г.П. Блока к Э.Л. Радлову (ИРЛИ. Ф. 252 (арх. Э.Л. Радлова). Оп. 2. № 152. 20 лл. (15 июня 1920 – 7 мая 1923 и без даты)); в настоящем издании публикуются лишь те письма Блока или отдельные выдержки из них, в которых так или иначе говорится об издании писем Соловьева: таких писем оказалось 8 (30 октября 1920 – 7 мая 1923). Письма печатаются по автографам: л. 4, 6–6 об., 8–8 об., 9, 13, 14, 15, 18. Местонахождение ответных писем Радлова остается неизвестным. Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами.

Список литературы

1. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. 283 с.; Т. 2. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 369 с.; Т. 3. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. 340 с.; Т. 4. СПб.: Изд-во «Время», 1923. 244 с.
2. Соловьев В.С. Письма и приложение // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1969–1970. [Дополнительный том]: Письма и приложение. Фототипическое издание. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. С. 1–242.
3. Радлов Э. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1913. 270 с.
4. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С тремя портретами и автографом / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 1–10. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914.

5. Кукушкина Т.А. Радлов Э.Л. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая советская энциклопедия, 2007. С. 240–242.
6. Грин Ц.И. Радлов Э.Л. // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биографический словарь: в 4 т. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917. СПб.: Изд-во Российской науч. 6-ки, 1995. С. 433–439.
7. Гаретто Э., Котрелев Н.В. К атрибуции В.С. Соловьёву стихотворения М 200: Приписываемое: «Эпиграмма на В.В. Розанова» // De visu. 1994. № 1/2(14). С. 62–66.
8. Шуточные пьесы Владимира Соловьёва / предисл. С.М. Соловьёва. М.: Задруга, 1922. 88 с.
9. Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии: в 3 кн. Репринтное изд. М.: Книга, 1990. Кн. 1. 442 с.; Кн. 2. 192 с.; Кн. 3 (вып. 1). 367 с.; Кн. 3 (вып. 2). 382 с.
10. Беленкова А.И. Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицезистов») // Пушкинский музей: альманах. Вып. 6 / под ред. С.М. Некрасова, Р.В. Иезуитовой. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2014. С. 174–190.
11. Книга памяти (документы, хранящиеся в ГАРФ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pkk.memo.ru/page%20KNIGA/Bo.html#bo.5> (дата обращения: 20.09.2023).
12. Г.П. Блок <Некролог> // Временник Пушкинской комиссии. 1962 / ред. М.П. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 102–103.
13. Аксененко Е.М. Материалы А.А. Фета в Пушкинском Доме // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 1. С. 472–515.
14. Динерштейн Е.А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 432 с.
15. ИРЛИ, ф. 252 (Э.Л. Радлова), оп. 1, № 5, л. 1–1 об.; № 14, л. 1.
16. Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 119–135.
17. Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) / публ. С.В. Шумихина // Наше наследие. М., 2007. № 83/84. С. 84–111; 2008. № 85. С. 76–112.
18. ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 3, л. 73.
19. Маликова М.Э. Шум времени: История ленинградского кооперативного издательства «Время» (1922–1934) [Электронный ресурс] // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (дата обращения: 20.09.2023).
20. Радлов Э.Л. Чарльз Диккенс. Берлин; Пг.; М.: З.И. Гржебин, 1922. 246 с.
21. Шомракова И.А. Издательство «Время» (1922–1934 гг.) // Книга: исследования и материалы. Сб. XVII. М.: Книга, 1968. С. 199–214.
22. Маликова М.Э. «Время»: История ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 129–324.
23. Горький – издательство «Время» / подгот. И.В. Дистлера // Архив Горького. Т. 10: М. Горький и советская печать. Кн. 1. М.: Наука, 1964. 415 с.
24. Горький и советские писатели: Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 136.
25. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / предисл. А. Кузнецовой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 687 с.
26. Флоровский Г.В. [Рецензия]: В. Соловьёв. Письма / под ред. Э.Л. Радлова. Изд. «Время». Петербург. 1923 / публ. П.Л. Гаврилюка // Историко-философский ежегодник. 2015. М.: Аквилон, 2015. С. 350–361.
27. В.К. [Комарович В.Л.]. [Рецензия]: Вл. Соловьёв. Письма / под ред. Э.Л. Радлова. Изд-во «Время». Петроград. 1923 г. // Русский современник: Литературно-художественный журнал. 1924. Кн. 1. Л.; М.: Красная новь, 1924. С. 325–327.
28. Преображенский П., проф. [Рецензия]: Вл. Соловьёв. Письма / под ред. Э.Л. Радлова. Изд. «Время». Пг, 1923 // Печать и революция. 1924. Кн. 1. Январь-февраль. С. 266–267.
29. РНБ, ф 1120 (А.А. Кроленко), № 662.

30. Степун Ф.А. Памяти Владимира Соловьева // Дни. 1925. 15 ноября. № 854. С. 3.
31. Из переписки. Письмо Вл. Соловьева // Русское обозрение. 1901. № 1 / под ред. А. Филиппова. М.: Типо-лит. «Русского т-ва печатного и издательского дела», 1901.
32. Письма Владимира Соловьева к А.А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Изд. «Скорпион», 1901. С. 146–159.
33. Письма к графине С.А. Толстой Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ф. Достоевского, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я.П. Полонского и др. // Вестник Европы. 1908. № 1. Январь. С. 211–215.
34. Иванова Т.Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 447 с.
35. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2 (Литературное наследство. 103). М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1039 с.
36. Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427.
37. Асланова Г.Д. О смерти Фета // Российский архив. Вып. 5. История Отечества в свидетельствах и документах. М.: Студия «Тригэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 1994. С. 242–243.
38. Шкаровский М.В. Религиозные искания Юлии Николаевны Данзас // Русско-византийский вестник: научный журнал. СПб.: Изд-во Духовной академии, 2023. № 2(13). С. 104–115.

References

(Sources)

1. IRLI, f. 252 (E.L. Radlova), op. 1, № 5, list 1–1 ob.; № 14, list 1.
2. RNB, f. 1120 (A.A. Krolenko), № 662.
3. TsGALI SPb., f. 31, op. 2, № 3, list 73.

Collected Works

4. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. (*Literaturnoe nasledstvo; t. 103*) [A.A. Fet and his literary environment: in 2 book, book 2]. Moscow: IMLI RAN, 2011. 1039 p.
5. Gor'kiy – izdatel'stvo «Vremya» [Gorky – Vremya Publishing House], in *Arkhiv Gor'kogo. T. 10: M. Gor'kiy i sovetskaya pechat'. Kn. 1* [Gorky Archive. Vol. 10: M. Gorky and the Soviet Press. Book 1]. Moscow: Nauka, 1964. 415 p.
6. *Gor'kiy i sovetskie pisateli: Neizdannaya perepiska (Literaturnoe nasledstvo; t. 70)* [Gorky and Soviet writers: Unpublished correspondence (Literary Heritage. Vol. 70)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963, p. 136.
7. Green, Ts.I. Radlov E.L., in *Sotrudniki RNB – deyateli nauki i kultury: Biograficheskiy slovar' v 4 t., t. 1* [RNB employees – scientists and cultural figures: Bibliographic dictionary in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Rossiyskoy natsional'noy biblioteki, 1995, pp. 433–439.
8. Kukushkina, T.A. Radlov E.L., in *Russkie pisateli: 1800–1917: Biograficheskiy slovar'. T. 5* [Russian writers: 1800–1917. Biographical Dictionary. Vol. 5]. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, 2007, pp. 240–242.
9. *Perepiska Feta s Vl.S. Solov'evym (1881–1892)* [Fet's correspondence with V.S. Solovyov], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [Fet: materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–427.
10. Pis'ma k grafine S.A. Tolstoy Iv. Serg. Turgeneva, Vlad. Solov'eva, F. Dostoevskogo, Shenshina-Feta, gr. V. Solloguba, Ya.P. Polonskogo i dr. [Letters to Countess S.A. Tolstoy], in *Vestnik Evropy*, 1908, no. 1, January, pp. 211–215.

11. Pis'ma Vladimira Solov'eva k A.A. Fetu [Vladimir Solovyov's letters to A.A. Fet], in *Severnye tsvety na 1901 god, sobrannye knigoizdatel'stvom «Skorpion»* [Northern flowers for 1901, collected by the publishing house "Scorpion"]. Moscow: Izdatel'stvo «Skorpion», 1901, pp. 146–159.

12. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 4 t.* [Vladimir Sergeevich Solovyov's letters in 4 vols.]. T. 1. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908. 283 p.; T. 2. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1909. 369 p.; T. 3. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1911. 340 p.; T. 4. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Vremya», 1923. 244 p.

13. *Shutochnye p'esy Vladimira Solov'eva* [Comic songs by Vladimir Solovyov]. Moscow: Zadruga, 1922. 88 p.

14. Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t.* [The collected works in 12 vols.]. Bryussel': Izdatel'stvo «Zhizn' s Bogom», 1969–1970 [Dopolnitel'nyy tom]: Pis'ma i prilozhenie. Fototipicheskoe izdanie. Bryussel': Izdatel'stvo «Zhizn' s Bogom», 1970, pp. 1–242.

15. *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva. S tremya portretami i avtografom. T. 1–10* [The collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov. With three portraits and an autograph. Vol. 1–10]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarihschestvo «Prosveshchenie», 1911–1914.

(Article from Scientific Journals)

16. Aslanova, G.D. O smerti Feta [About Fet's death], in *Rossiyskiy arkhiv. Vyp. 5. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh* [The Russian Archive. Issue 5. The History of the Fatherland in certificates and documents]. Moscow: Studiya «Trite» Nikity Mikhalkova, «Rossiyskiy arkhiv», 1994, pp. 242–243.

17. Florovskiy, G.V. [Retsenziya]: V. Solov'ev. Pis'ma. Izd. «Vremya». Peterburg. 1923 [[Review]: V. Soloviev. Letters / Publ. house. "Time". Petersburg. 1923], in *Istorko-filosofskiy ezhegodnik. 2015*. Moscow: Akvilon, 2015, pp. 350–361.

18. Iz perepiski. Pis'mo Vl. Solov'eva [From correspondence. Letter of V. Solovyov], in *Russkoe obozrenie*, 1901, no. 1. Moscow: Tipo-lit. «Russkogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela», 1901, pp. 104–106.

19. Preobrazhenskiy, P., prof. [Retsenziya]: Vl. Solov'ev. Pis'ma. Izd. «Vremya». Petrograd, 1923 [V. Soloviev. Letters / Publ. house. "Time". Petersburg. 1923], in *Pechat' i revolyutsiya*, 1924, book 1, January-February, pp. 266–267.

20. Shkarovskiy, M.V. Religioznye iskaniya Yulii Nikolaevny Danzas [Religious searches of Yulia Nikolaevna Danzas], in *Russko-vizantiyskiy vestnik: nauchnyy zhurnal*, 2023, no. 2(13), pp. 104–115.

21. V.K. [Komarovich, V.L.]. [Retsenziya]: Vl. Solov'ev. Pis'ma. Izdatel'stvo «Vremya». Petrograd. 1923 [[Review]: Vl. Soloviev. Letters. Publishing house "Time". Petrograd. 1923], in *Russkiy sovremennik. Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal. 1924, book 1*. Leningrad; Moscow: Krasnaya nov', 1924, pp. 325–327.

22. Vlyublennye v Feta: Pis'ma G.P. Bloka k B.A. Sadovskomu (1921–1922) [Lovers of Fet: Letters of G.P. Blok to B.A. Sadovsky], in *Nashe nasledie*, 2007, no. 83/84, pp. 84–111; 2008, no. 85, pp. 76–112.

(Article from Proceeding and Collections Research Paper)

23. Aksenenko, E.M. Materialy A.A. Feta v Pushkinskom Dome [Materials of Fet in the Pushkin House], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 1* [Fet: materials and research. Issue 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010, pp. 472–515.

24. Belenkova, A.I. Chtoby svecha ne pogasla (o tragicheskikh sud'bakh byvshikh vospitannikov, prokhodivshikh po «delu litseistov») [So that the candle does not go out], in *Pushkinskiy Museum: al'manakh. Vyp. 6* [Pushkin Museum: almanac. Issue 6]. Saint-Petersburg: Vserossiyskiy muzey A.S. Pushkina, 2014, pp. 174–190.

25. G.P. Blok <Nekrolog> [Necrology], in *Vremennik Pushkinskoy komissii. 1962* [Temporary Pushkin Commission. 1962]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963, pp. 102–103.

26. Garetto, E., Kotrelev, N.V. K atributsii V.S. Solov'evu stikhotvoreniya M 200: Pripisyvaemoe: «Epigramma na V.V. Rozanova» [To the attribution to V.S. Solovyov of poem M 200], in *De visu*, 1994, no. 1/2(14), pp. 62–66.

27. Ipatova, S.A. Ob uchastii V.S. Solov'eva v fetovskom perevode «Eneidy» Vergiliya [About V.S. Solovyov's participation in the Fet's translation of Virgil's Aeneid], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 4(68), pp. 119–135.

28. Malikova, M.E. «Vremya»: Istoriya leningradskogo kooperativnogo izdatel'stva (1922–1934) [Vremya: The History of the Leningrad Cooperative Publishing House (1922–1934)], in *Konets institutsiy kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade: po arkhivnym materialam* [The end of the cultural institutions of the twenties in Leningrad: according to archival materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 129–324.

29. Shomrakova, I.A. Izdatel'stvo «Vremya» (1922–1934 gg.) [Vremya Publishing House (1922–1934)], in *Kniga: issledovaniya i materialy. Sb. XVII* [Book: research and materials. Sat. XVII]. Moscow: Kniga, 1968, pp. 199–214.

(Monographs)

30. Berberova, N.N. *Kursiv moy: Avtobiografiya* [My italics: Autobiography]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2015. 687 p.

31. Dinershteyn, E.A. *Sinyaya ptitsa Zinoviya Grzhebina* [The blue Bird of Zinoviy Grzhebin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 432 p.

32. Ivanova, T.G. *Rukopisnyy otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskiy ocherk* [The manuscript Department of the Pushkin House: A historical essay]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2006. 447 p.

33. Luk'yanov, S.M. *O V.I.S. Solov'eva v ego molodye gody. Materialy k biografii v 3 kn.* [About V.S. Solovyov in his younger years. Materials for the biography in 3 book]. Reprint edition. Moscow: Kniga, 1990. Book 1. 442 p.; Book 2. 192 p.; Book 3 (issue 1). 367 p.; Book 3 (issue 2). 382 p.

34. Radlov, E.L. *Charl'z Dikens* [Charles Dickens]. Berlin; Petrograd; Moscow: Z.I. Grzhebin, 1922. 246 p.

35. Radlov, E. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [Vladimir Solovyov. Life and teaching]. Saint-Petersburg: Obrazovanie, 1913. 270 p.

(Newspaper)

36. Stepun, F.A. Pamyati Vladimira Solov'eva [In memory of Vladimir Solovyov], in *Dni*, 1925, 15 November, no. 854, p. 3.

(Electronic Resources)

37. *Kniga pamyati (dokumenty, khranyashchiesya v GARF)* [Memory book (documents stored in the GARF)]. Available at: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Bo.html#bo.5>; (data obrashcheniya: 20.09.2023).

38. Malikova, M.E. Shum vremeni: Istoriya leningradskogo kooperativnogo izdatel'stva «Vremya» (1922–1934) [The Noise of Time: The History of the Leningrad Cooperative Publishing House "Time" (1922–1934)], in *Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam: Materialy proekta*. Available at: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (data obrashcheniya: 20.09.2023).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

**Письма Г.П. Блока Э.Л. Радлову
(30 октября 1920 – 7 мая 1923)**

Публикация, примечания и комментарии С.А. Ипатовой

1

30 октября 1920 г. Петроград

30 окт. 1920 г.

Глубокоуважаемый Эрнест Львович,

Посылаю Вам ту запись В. Соловьева, о которой Вам рассказывал²⁵. Библиографические же справки могу дать следующие:

«Русское обозрение». 1901. Вып. I. Москва, стр. 104. Письмо В. Соловьева А.А. Фету²⁶.

«Северные цветы». 1901. Книгоиздат<ельство> Скорпион. Москва, стр. 146. Письма В. Соловьева А.А. Фету²⁷.

«Вестник Европы». 1908, т. I. Письма В. Соловьева графине С.А. Толстой²⁸.

Если найду еще что-нибудь, непременно Вам сообщу.

Искренно Вас уважающий и всегда готовый к услугам

Г. Блок.

²⁵ Вероятнее всего, речь идет о записи, оставленной Соловьевым в «Альбоме признаний» дочери Л.Н. Толстого Т.Л. Сухотиной; Радлов, публикуя ее в 4-м томе писем Соловьева, снабдил следующим примечанием: «Сообщено Г.П. Блоком. Альбом хранится в Толстовском музее в Москве. Копия с записки В. Соловьева снята с разрешения хранителя музея В.Ф. Булгакова. Текст вопросов отпечатан в альбоме типографским способом, и имеется отметка: “Дозволено цензурой 29 ноября 1888 г.”. Следующая запись датирована 10 июля 1890 г. Этим определяется приблизительно время, когда внес свою запись В. Соловьев» [1, т. 4, с. 238–239].

²⁶ См.: Из переписки. Письмо Вл. Соловьева // Русское обозрение. 1901. № 1 / под ред. А. Филиппова. М.: Типо-лит. «Русского т-ва печатного и издательского дела», 1901. С. 104–106 [31].

²⁷ В 1901 г. впервые письма Фета к Соловьеву (18) были опубликованы в символистском альбоме «Северные цветы» (см.: Письма Владимира Соловьева к А.А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Изд-во «Скорпион», 1901. С. 146–159 [32].

²⁸ См.: Письма к графине С.А. Толстой Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ф. Достоевского, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я.П. Полонского и др. // Вестник Европы. 1908. № 1. Январь. С. 211–215 [33].

2

8 марта 1921 г. Петроград

8 марта 1921 г.

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович,

Разбирая только что найденный и привезенный мной из Москвы архив Фета²⁹, я обнаружил в письмах к нему Страхова несколько приписок Вл. Соловьева³⁰. Они, на мой взгляд, не столько значительны по содержанию, сколько характерны по тону. Может быть, они Вам пригодятся. На этот случай я их переписал и препровождаю Вам. Делаю это с тем большей охотой, что отношения Соловьева и Фета представляются мне крайне своеобразными и интересными³¹. По словам поэта Полонского, про них рассказывали, что они умеют беседовать молча – одними глазами³².

²⁹ Архив Фета был приобретен Пушкинским домом в Москве у Петра Дмитриевича Боткина (1865–1931), племянника жены Фета в конце декабря 1920 г. Переговоры с владельцем этого богатейшего материала велись Блоком через посредничество коллекционера, живописца и родственника поэта Ильи Семеновича Остроухова (1858–1829); получение архива было осуществлено сотрудником Пушкинского дома М.Л. Гофманом. В марте 1921 г. Блок приступил к описанию доставленных материалов (см.: Иванова Т.Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 99–100. 447 с. [34]). См. также: Аксененко Е.М. Материалы А.А. Фета в Пушкинском Доме. С. 472–515 [13].

³⁰ Приписки (4) Соловьева на письмах Страхова к Фету см.: Переписка <Фета> с Н.Н. Страховым (1877–1892) / вступит. статья, публ. и коммент. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. С. 400–402, 404, 503 (Литературное наследство; т. 103). М.: ИМЛИ РАН, 2011 [35, с. 233–550].

³¹ С Вл. Соловьевым, сыном своего университетского товарища, известного историка С.М. Соловьева Фет познакомился, как принято считать, в конце декабря 1880 г., до конца жизни был в дружеских отношениях и состоял в переписке (см.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427 [36]). Однако, согласно свидетельству, приведенному авторитетным биографом философа С.М. Лукьяновым, их знакомство состоялось значительно раньше, а именно: в январе 1875 г. Лукьянов с протокольной скрупулезностью описывает, как 16 января 1875 г. Соловьев, проживавший с родителями, собрал гостей на пирушку по случаю своего дня рождения: «В гостях у 22-летнего новорожденного были А.А. Соколов, Л.М. Лопатин, А.А. Шенишин-Фет. Н.И. Кареев высказался в том смысле, что если спиритизм – правда, то это очень интересная вещь: находясь в условиях загробного существования, можно будет материализовать себя, а затем наматериализовать омаров, шампанского и всякой всячины; когда же заболеешь от обжорства и такое житье надоест, можно будет все дематериализовать, упразднить. Соловьев много смеялся и заметил, что на том свете таких глупостей не захочется» (Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. I. Пг., 1921. С. 77–78 [9]). К сожалению, это свидетельство никак не подкреплено другими мемуарными источниками, включая воспоминания самого Фета, что однако никак не уменьшает их значимости.

³² 9 сентября 1890 г. Полонский писал Фету: «У тебя ли теперь пребывает Влад. Соловьев? – Правда ли, что когда он у тебя гостит, Вы друг с другом разговариваете больше глазами, чем языком? / Но как бы таким образом, молча, не спорили вы друг с другом, – передай ему мой поклон» (А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 (Литературное наследство. т. 103).

Позвольте к моим выпискам присоединить и кое-какие «фетовские» примечания, т. е. не фетовские, а мои, но почерпнутые из имеющихся у меня биографических сведений о Фете.

К 1 письму: Слова об «иссушителях» имеют, вероятно, связь со страшной жарой и засухой, удручавшей петербуржцев летом 1885 г.³³

В это лето Соловьёв (как видно из писем Страхова) много работал в Публ<ичной> библиотеке над святоотеческой литературой: – читал Афанасия Великого и др.³⁴

Марья Петровна – жена Фета, урожденная Боткина. 22 июля ежегодно с большим торжеством справлялись ее именины³⁵. При этом приходившие во множестве поздравительные телеграммы, требовавшие уплаты нарочному, неизменно огорчали Фета. Рассказывают, что однажды его сестра Любовь Афанасьевна Шеншина³⁶, сумасбродная женщина, прислала ему депешу такого содержания: «Афоня, мне грустно», а Фет ей ответил: «Мне еще грустнее – пришлось заплатить нарочному рубль».

К 2 письму. Летом 1885 г. Фет переживал особенно бурные шопенгауэровские восторги, печатая перевод «Четверного корня» и «Воли в природе». По случаю 100-летнего юбилея рождения Шопенгауэра шли толки о постановке ему памятника, и Фет относился к этому делу очень горячо³⁷.

М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 824). Отвечая Садовскому, Блок писал 4 мая 1921 г.: «Очень интересно то, что Вы пишете о Соловьёве. Полонский в одном из писем спрашивает Фета, правда ли, что они с Соловьёвым разговаривают молча, одними глазами. Фет ничего на это не ответил» (см.: Наше наследие. Т. 83/84. 2007. С. 99 [17]).

³³ На письме Страхова к Фету от 26–27 июля 1885 г. Соловьёв сделал приписку: «Тысячу раз собирался писать Вам, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и вот в тысячу первый приписываю Вам. Часто, соединившись с Вами в духе, ругал иссушителей нашей земли, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение среднеазиатских пустынь» [35, с. 400]. В исчерпывающих комментариях, составленных Н.П. Генераловой, говорится: «Позднее, в статье “Враг с Востока”, посвященной проблеме катастрофических изменений климата (Сев. вестник. 1892. № 7) Соловьёв отсылал читателя к своим прежним статьям на ту же тему (1884–1885 гг.) <...>. Имя Фета не упомянуто, однако данная приписка свидетельствует, что Соловьёв знал его брошюру “На распутьи”» (М., 1885), в которой Фет «касался причин истощения и обезвоживания земель» [35, с. 400–401].

³⁴ На письме Страхова к Фету Соловьёв приписал: «А я все сижу над пустыней византийского богословия». Летом 1885 г. Соловьёв работал в Публичной библиотеке, «изучал труды византийских theologов в связи с работой над книгой “История и будущее теократии”» (Загреб, 1887) [см.: 35, с. 401; коммент. Генераловой].

³⁵ 22 июля именины жены Фета Марии Петровны Шеншиной (урожд. Боткиной; 1828–1894).

³⁶ Любовь Афанасьевна Шеншина (урожд. Шеншина; 1824–1879), сестра Фета.

³⁷ Фет перевел три работы немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860): «Мир как воля и представление» М., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле и природе» (М., 1886). На письме Страхова к Фету от 21 августа 1885 г. Соловьёв сделал приписку по поводу создания Шопенгауэровского комитета для сбора средств на памятник Шопенгауэру и своего согласия принять участие «своим дырчавым карманом». Идея возведения памятника в России была связана «с предстоящим в 1888 г. 100-летием со дня рождения немецкого философа» [см.: 35, с. 401; 403 коммент. Генераловой].

Берг – редактор «Русского вестника»³⁸.

Что такое «бесы» – не знаю³⁹.

К 3 письму. «Дружественный кров на Плющихе» – дом Фета на этой улице, № 481⁴⁰.

К 4 письму. Воробьевка – имение Фета в Курской губернии, Щигровского уезда⁴¹.

Екатерина Владимировна – Федорова, в замужестве Кудрявцева, секретарша Фета. Ей он, по слабости глаз, диктовал свои воспоминания, переводы, письма и все вообще прозаические произведения. Стихи он писал собственноручно. Она была единственной свидетельницей его смерти⁴². Вот все, что вспомнилось.

Очень временно посылаю Вам окончание писем Соловьева и биографии Диккенса⁴³ в переписанном виде, а также работу Ю.Н. Данзас о Платоне⁴⁴. Не просмотрите ли Вы ее в ожидании возвращения Сергея Федоровича?⁴⁵ Я ее прочел и, говоря откровенно и строго конфиденциально, не очень-то ею остался удовлетворен.

Искренно Вас уважающий и всегда готовый к услугам.

Г. Блок

P.S. Ежедневно напоминаю Гржебину об уплате Вам за Диккенса, но пока тщетно: – обещает заплатить в ближайшие дни.

³⁸ Федор Николаевич Берг (1839–1909), литератор, публицист, редактор журнала «Нива» (1878–1887); в журнале за 1885 г. Соловьев опубликовал два стихотворения: «Вся в лазури сегодня явилась...» и «У царицы моей есть высокий дворец...» [35, с. 401; 403 коммент. Генераловой]. После смерти М.Н. Каткова Берг арендовал у наследников журнал «Русский вестник».

³⁹ В приписке к письму Страхова к Фету от 21 августа 1885 г. Соловьев спрашивает Фета: «Что же Вы меня не поблагодарили за “бесов”, которых Вы и знать не хотели?»; по мнению комментатора, речь идет о романе Достоевского «Бесы» (1871), прочитанный Фетом в 1885 г. по настоятельному совету Соловьева [см.: 35, с. 402; 403 коммент. Генераловой].

⁴⁰ Осенью 1881 г. Фет приобрел собственный дом в Москве на Плющихе, в котором проводил зимние месяцы.

⁴¹ Соловьев нередко гостил в имении Фета Воробьевка. «Жить у Фета приятно и очень спокойно», – писал он матери в 1887 г. [1, т. 2, с. 50].

⁴² Екатерина Владимировна Федорова (в замуж. Кудрявцева), секретарь Фета с 1886 по 1892 гг. Жила в доме Фета, после смерти поэта осталась с его женой. После кончины Марьи Петровны перешла на работу к коллекционеру П.И. Шукину для составления каталога его коллекции; оставила воспоминания о последних днях жизни и смерти Фета (см.: Асланова Г.Д. О смерти Фета // Российский архив. Вып. 5. История Отечества в свидетельствах и документах. М., 1994. С. 242–243 [37]).

⁴³ Речь идет о подготовке книги: Радлов Э.Л. Чарльз Диккенс. Берлин; Пг.; М.: З.И. Гржебин, 1922 [20].

⁴⁴ Юлия Николаевна Данзас (1879–1942), историк религии, публицист, католический теолог; до февральской революции 1917 г. статс-фрейлина императрицы, вольнослушательница в Сорбонне, где защитила диссертацию о гностике Василиде, кавалер Георгиевского креста, сотрудник Публичной библиотеки, монахиня доминиканской общины Иустина (1922), узница иркутской тюрьмы, а затем Соловков (1923–1932). С 1933 г. в эмиграции, сотрудник доминиканского центра «Истина». Автор подготовленной в 1922 г. монографии «Платон» (см.: Шкаровский М.В. Религиозные искания Юлии Николаевны Данзас // Русско-византийский вестник. 2023. № 2(13). С. 104–115 [38]).

⁴⁵ Речь идет о Сергее Федоровиче Ольденбурге (1863–1834), востоковеде, академике (1903), непреходящем секретаре Российской Академии наук (1904–1929); входил в редакционный совет «Издательства З.И. Гржебина».

3

29 ноября 1921 г. Петроград

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович,

<...> / Письма Соловьёва будут печататься *здесь* и притом в ближайшем времени. Сознаюсь, что я агитировал в пользу этого решения. Это и скорее, и вернее, и корректура будет Вам посылаться и внешний вид будет приличнее, как это ни странно⁴⁶.

Искренно Вас уважающий и всегда готовый к услугам.

Г. Блок

29/XI 1921.

4

18 декабря 1921 г. Петроград

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович,

18 дек. 1921.

<...> / Письма Соловьёва уже набираются. Типография обещает окончить набор в две недели⁴⁷. Бумага будет приличная, шрифт тоже.

Г. Б.

5

31 января 1922 г. Петроград

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович,

31/I 1922

Посылаю Вам корректуру первых пяти листов Соловьёва и очень прошу, если возможно, ее не задерживать⁴⁸.

Хорошо бы было получить ее от Вас в четверг, часам к 4-м. Не позволите ли послать к Вам за ней к этому времени? Вероятно, можно будет подписать к печати, что нам очень важно.

Искренно Вас уважающий и всегда готовый к услугам.

Г. Блок

⁴⁶ Вероятно, речь идет о том, что часть подготовленных в «Издательстве З.И. Гржебина» книг печатались в зарубежном филиале издательства, где имелась новейшая полиграфическая база и использовалась более дорогая бумага. Так, научно-популярная биография Диккенса, составленная Радловым у Гржебина, вышла в 1922 г. в Берлине (*Радлов Э.Л.* Чарльз Диккенс. Берлин; Пг.; М.: З.И. Гржебин, 1922) [20].

⁴⁷ Книга была отпечатана в середине мая 1923 г. в «Российской государственной Академической типографии» (ныне издательство «Наука») в количестве 2000 экз.

⁴⁸ Местонахождение корректурных листов неизвестно.

6

2 февраля 1922 г. Петроград

2/П 1922

Многоуважаемый
Эрнест Львович,

Посылаю Вам пробные оттиски портретов Соловьева. Будьте добры сделать на них соответствующие надписи или дать материал для таких надписей, а именно, чьей работы фотография, когда снята и где⁴⁹.

Искренно Вас уважаю<щий>

Г. Блок

7

21 февраля 1922 г. Петроград

21/П 1922

Многоуважаемый
Эрнест Львович,

<...> / Набор Соловьева продолжается. Печататься будет на бумаге Верже!⁵⁰

Искренно Вас уважающий и всегда готовый к услугам.

Г. Блок

8

7 мая 1923 г. Петроград

Бланк:
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ» ПЕТРОГРАД,
7-я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 4, кв. 1
ТЕЛЕГРАФНЫЙ АДРЕС:
ВРЕМЯ–ПЕТРОГРАД

7/V 1923

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович,

Посылаю Вам, как заявлено, корректуру нечет, и очень прошу, если возможно, передать моему посланному автографы Соловьева⁵¹.

Искренно Вас уважающий и всегда готовый к услугам.

Г. Блок

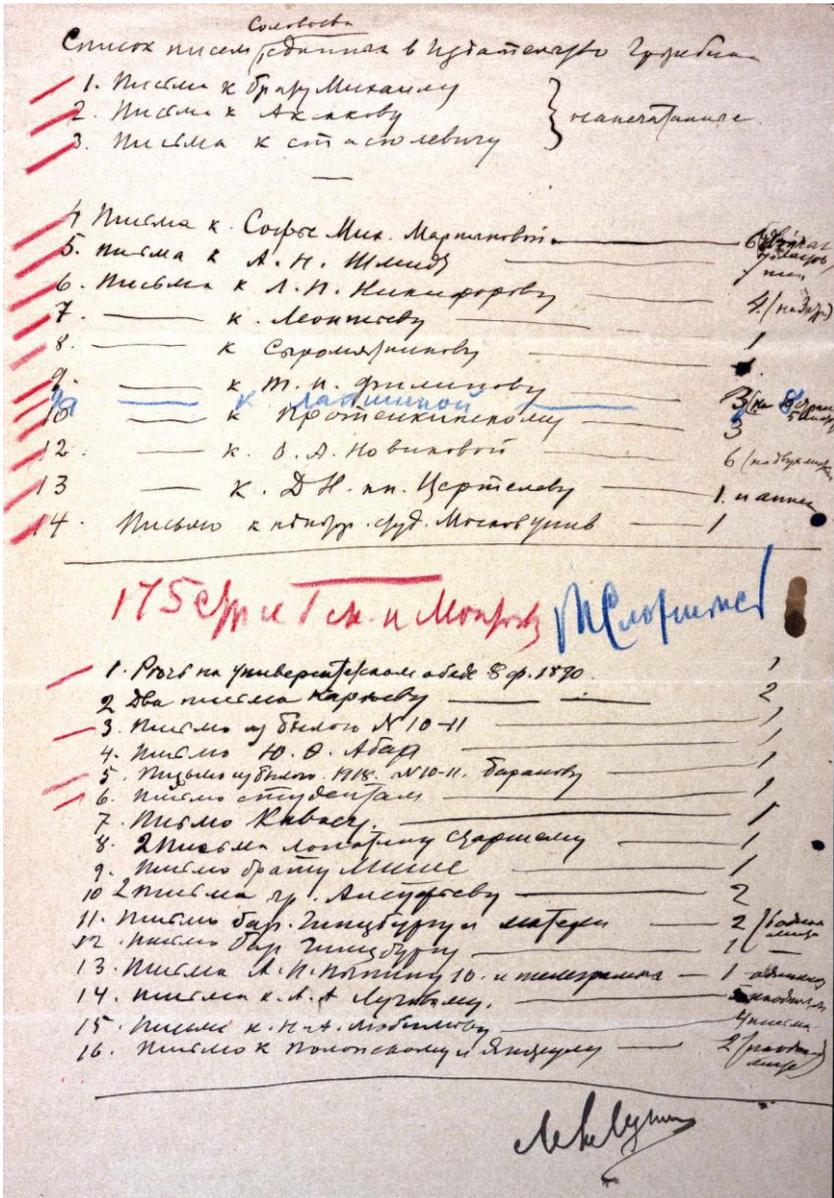
⁴⁹ Вероятно, предоставленных Радловым фотографических портретов Соловьева было несколько, о каких именно идет речь, неизвестно, как и местонахождение пробных оттисков и сопровождающих надписей к ним. На шмуцтитутле тома «Писем» помещена лишь фототипия с живописного портрета философа, выполненного в 1895 г. Н.А. Ярошенко (ГТГ).

⁵⁰ Бумага верже (франц. *verge* – полосатая) – белая или цветная бумага с ярко выраженной сеткой, состоящей из видимых на просвет частых полос (вержеров), перпендикулярно пересеченных под прямым углом более редкими полосами. След от полос рельефно виден на одной стороне бумаги. Изначально бумага верже изготовлялась из льняного и пенькового тряпья, отличалась высокой прочностью.

⁵¹ Трудно сказать, о каких именно автографах идет речь, никаких пояснений или уточняющих упоминаний в текстах других писем Блока нет. Не исключено, что имеются в виду приписки (4) Соловьева на письмах Страхова к поэту, опубликованные в 4-м томе [1, т. 4, с. 239–231], которые Блок предоставил Радлову (см. Приложение I, письмо 1).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Список писем Соловьева,
сданных в издательство Гржебина <1919–1920>

Составленный Э.Л. Радловым, возможно, в 1919–1920 гг. «Список писем Соловьева, сданных в издательство Гржебина», выявлен в архиве Радлова в Пушкинском доме (автограф, без даты). На списке имеются подписи М. Слонимского и Л. Лунца, вероятно, привлеченных к работе над книгой в качестве технических сотрудников (см. вступит. статью). Состав зафиксированных в «Списке» адресатов, их последовательность и количество имевшихся на тот момент писем философа, представляют безусловный интерес, поскольку отражают начальный этап работы над книгой. Этот предварительный список имеет некоторые расхождения с окончательным составом 4 тома «Писем» Соловьева, что нуждается в дополнительном осмыслении. Так, в списке отсутствует письмо и четыре приписки философа, адресованные Фету, а также запись, оставленной Соловьевым в «Альбоме признаний» Т.Л. Сухотиной. Эти материалы, как свидетельствует Блок, были сообщены им Радлову в процессе работы над томом.

Список печатается по автографу: *ИРЛИ*, ф. 252, оп. 1, № 14, л. 1. Орфография и пунктуация документа приведены в соответствие с современными нормами с максимальным сохранением особенностей подлинника.

Письма к брату Михаилу} напечатаны	
Письма к Аксакову} напечатаны	
Письма к Стасюлевичу} напечатаны	
Письма к Софье Мих. Мартыновой _____	6 <нрзб.> листов
А.Н. Шмидт _____	7 писем
Письма к Л.П. Никифорову _____	4 (на 3 стр.)
<Письмо> к Леонтьеву _____	1
<Письмо> к Сыромятникову _____	1
<Письма> к Т.И. Филиппову _____	3 (на 8 стран. 5 листов)
<Письмо> к Лапшиной _____	1
<Письма> к Протейкинскому _____	3
<Письма> к О. А. Новиковой _____	6 (на двух листках)
<Письма> к Д.Н. кн. Цертелеву _____	1 <нрзб.>
Письмо к некотор<ым> студ<ентам> Москов<ского> унив<ерситета> _____	1

175 стр. и 1 стр. к <нрзб.>. М. Слонимский.

Речь на университетском обеде 8 ф<евраля> 1890 _____	1
Два письма Карееву _____	2
Письмо из Былого № 10–11 <Александру III> _____	1
Письмо Ю.Ф. Абаза _____	1

Письмо из Былого 1918. № 10–11. Баранову _____	1
Письмо студентам _____	1
Письмо Кавосу _____	1
2 письма Лопатину старшему _____	1
Письмо брату Мише _____	1
2 письма гр. Олсуфьеву _____	2
Письмо бар. Гинцбургу и матери _____	2 (в одном листе)
Письмо бар. Гинцбургу _____	1
Письма А.Н. Пыпину 10 и телеграмма _____	1 одиннад<цать>
Письма к А.А. Луговому _____	5 <нрзб.>
Письма к Н.А. Любимову _____	4 письма
Письма к Полонскому и Янжулу _____	2 <нрзб.>

Лев Лунц.

УДК 7.01:27
ББК 87.3(2)522-685

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

**«Второй после Аквината...»: Ганс Урс фон Бальтазар
о философской эстетике Вл.С. Соловьева**

Аннотация. Представлен анализ книги швейцарского философа и богослова Г.У. фон Бальтазара «Владимир Соловьев», посвященной реконструкции и интерпретации эстетического учения В.С. Соловьева. Рассматриваются основные темы сочинения Бальтазара, определяющие его структуру в соответствии с видением автора основных этапов творчества Соловьева: «Визионерство и текстуальная форма», «Логика и метафизика», «Этика и экклесиология», «Эстетика и апокалиптика». Отмечается стройность и последовательность концепции Бальтазара, логика интерпретации важнейших положений эстетики Соловьева, опирающихся на корпус его сочинений, а также на исследовательскую российскую и зарубежную литературу. Выявляются существенные характеристики рассмотрения Бальтазаром эстетики русского философа: раскрытие ее онтологических, эсхатологических и богословских аспектов. Определяются историко-философские истоки идей Соловьева, параллели и созвучия концептуальных положений эстетики Соловьева и крупнейших представителей отечественной и зарубежной философии: Платона, Плотина, Максима Исповедника, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Э. фон Гартмана. Излагается позиция Бальтазара в отношении учения Соловьева о Софии в контексте христологического и тринитарного богословия. Дается оценка сопоставления метода всеединства Соловьева с методами исследования «форм духа» у Дильтея и «форм культуры» у Шпенглера. Отмечается внимание исследователя к проблемам творческого диалога Соловьева с выдающимися русскими мыслителями Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, К.Н. Леонтьевым. Формулируются выводы о значении философско-богословской реконструкции эстетики Соловьева, осуществленной Бальтазаром, для зарубежного и российского соловьеведения.

Ключевые слова: философско-богословская реконструкция эстетики Соловьева, историко-философский контекст эстетического учения Соловьева, христологическое богословие, тринитарное богословие

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

**“Second after Aquinas ...”: Hans Urs von Balthazar
on the Philosophical Aesthetics of V.S. Solovyov**

Abstract. The analysis of the book by the Swiss philosopher and theologian H.U. von Balthazar “Vladimir Solovyov”, dedicated to the reconstruction and interpretation of the aesthetic teachings of V.S. Solovyov,

is presented. The main themes of Balthazar's work are considered, defining its structure in accordance with the author's vision of the main stages of Solovyov's work: "Visionary and textual form", "Logic and Metaphysics", "Ethics and Ecclesiology", "Aesthetics and Apocalypticism". The author notes the harmony and consistency of Balthazar's concept, the logic of interpretation of the most important provisions of Solovyov's aesthetics, based on the corpus of his writings, as well as on research Russian and foreign literature. The essential characteristics of Balthazar's consideration of the aesthetics of the Russian philosopher are revealed: the disclosure of its ontological, eschatological and theological aspects. The historical and philosophical origins of Solovyov's ideas, parallels and consonances of the conceptual positions of Solovyov's aesthetics and the largest representatives of domestic and foreign philosophy: Plato, Plotinus, Maxim the Confessor, Schelling, Hegel, Schopenhauer, E. von Hartmann are determined. Balthazar's position on Solovyov's teaching about Sophia in the context of christological and trinitarian theology is presented. The assessment of the comparison of Solovyov's method of unity with the methods of studying Dilthey's "forms of spirit" and Spengler's "forms of culture" is given. The researcher's attention is noted to the problems of Solovyov's creative dialogue with outstanding Russian thinkers F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, K.N. Leontiev. The conclusions about the significance of the philosophical and theological reconstruction of Solovyov's aesthetics, carried out by Balthazar, for foreign and Russian Solovyov studies are formulated.

Key words: philosophical and theological reconstruction of Solovyov's aesthetics, historical and philosophical context of Solovyov's aesthetic teaching, christological theology, trinitarian theology

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.081-096

Заметным событием для исследователей наследия Вл.С. Соловьёва стала публикация в 2023 г. отдельной книгой в переводе на русский язык главы «Соловьёв» из второго тома обширного труда швейцарского католического теолога и религиозного философа Ганса Урса фон Бальтазара (1905–1988) *Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984*¹ («Слава Господа. Богословская эстетика. Том II: Сферы стилей»), посвященного богословской эстетике. Книга под названием «Владимир Соловьёв»² вышла в свет в издательстве Библейско-богословского института св. апостола Андрея, годом ранее полного перевода на русский язык указанного сочинения Г.У. фон Бальтазара³.

Внимание к сочинению крупнейшего мыслителя XX века, посвященного философско-богословскому учению Вл.С. Соловьёва, вполне оправданно: оно способствует введению в научный оборот трудов западных исследователей, внесших существенный вклад в осмысление наследия русского философа.

Можно согласиться с оценкой отношения Бальтазара к наследию

¹ Balthasar Hans Urs von. *Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile.* Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984. 888 s. [1].

² Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьёв: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2023. xviii + 143 с. [2]. (Далее в тексте статьи ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием только страниц.)

³ Бальтазар Ганс Урс фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II: Сферы стилей. Ч. 2: Мирянские стили: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2022. viii + 567 с. (гл. «Соловьёв», с. 303–380) [3].

Вл.С. Соловьева, данной профессором Олегом Давыдовым – автором «Предисловия к русскому изданию»: «Бальтазар высоко оценивал Соловьева, называя его вторым после Аквината систематическим христианским мыслителем. Соловьев стал своеобразной линзой, собравшей и преломившей все предшествующие идейные течения, а его интенсивное интеллектуальное излучение осенило всю последующую христианскую мысль» [4, с. VIII].

Труды Бальтазара хорошо известны в России, в том числе и читателям журнала «Соловьёвские исследования». Отличительную особенность восприятия Бальтазаром философского наследия Соловьева отмечает современная исследовательница О. Назарова (автор нашего журнала). В статье, посвященной анализу новейших рецепций творчества Вл.С. Соловьева в Германии, она пишет: «Бальтазар рассматривал изучение творчества Соловьева в качестве одной из задач современной католической философии, которую он понимал как философию интегративную, т.е. философию, которая должна не разделять, но интегрировать в себя все наиболее значительные явления духовной истории. К таким явлениям им был отнесен и Владимир Соловьев. Многотомное произведение Бальтазара ... было основано на методе диалога: автор вступал в диалог с теми мыслителями, которых он интегрировал в свою философию. <...> Бальтазар был одним из первых исследователей, кто начал проводить параллели между Соловьёвым и мыслителями как прошлого, так и современности. Указывая на то, что творческий гений Соловьева объединяет в себе различные аспекты, Бальтазар подчеркивает, что по глубине осуществленного синтеза Соловьев сопоставим с Фомой Аквинским» [5, с. 73].

Как «уникальное исследование христианской эстетики» характеризует сочинение Бальтазара авторитетный исследователь русской теургической эстетики В.В. Бычков, отмечая также, что оно «чем-то созвучно Соловьёву»⁴.

Чем же примечательны главы этого обширного сочинения Бальтазара, посвященные В.С. Соловьёву? Прежде всего отметим, что автор исследует богословскую эстетику в широком историко-философском и культурном контексте, обращаясь к наследию Данте, Хуана де ла Крус⁵, Паскаля⁶, И.Г. Гамана⁷, Ш.П. Пеги⁸ и других христианских мыслителей, в числе которых и Вл.С. Соловьев – «единственный русский писатель, оставивший нам эстетическую систему»⁹. Важной особенностью подхода Бальтазара к исследованию эстетики рус-

⁴ См.: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. с. 56 [6].

⁵ Хуан де ла Крус (также известен как Иоанн Креста (1542–1591)) – испанский католический священник, мистик и монах-кармелит, католический святой, писатель и поэт.

⁶ Паскаль Блез (1623–1662) – французский религиозный философ, ученый, писатель-моралист, создатель своеобразной «философии сердца» и философской антропологии.

⁷ Гаман Иоганн Георг (1730–1788) – немецкий писатель, метафизик, мыслитель-мистик.

⁸ Пеги Шарль Пьер (1873–1914) – христианский мыслитель, французский философ-мистик, поэт и публицист.

⁹ См.: Herman Maxime. Introduction. Vladimir Soloviev, sa vie et son oeuvre // Solov'ev V.S. Crise de la philosophie occidentale / trad. et introduction Maxime Herman. Paris: Aubier - Montaigne, 1947. С. 137 [7].

ского философа является также то, что он рассматривает ее в контексте всей его философской системы, учитывая влияния, испытанные Соловьевым, параллели и созвучия его учения с христианской мыслью XIX и XX вв.

Следуя соловьевской идее синтеза Истины, Добра и Красоты, соответствующих трем Ипостасям Божественной Троицы, Бальтазар выстраивает свою интерпретацию философско-богословского учения русского мыслителя, последовательно излагая ее в главах «Логика и метафизика», «Этика и экклезиология», «Эстетика и апокалиптика». Этим разделам книги предшествует обстоятельное историко-философское введение (первая глава сочинения – «Визионерство и текстуальная форма»), в котором дается характеристика специфики философствования Соловьева и анализируются философско-богословские источники и исследовательская литература, привлекавшиеся им в ходе построения своей системы. Уже в этой главе обнаруживается широчайшая эрудиция Бальтазара, отсылающего читателей к многочисленным источникам, а также к российским и западноевропейским исследованиям философии Соловьева.

С первых страниц своей книги Бальтазар подчеркивает укорененность мысли Вл.С. Соловьева в мировой философии: «Владимир Соловьев – преемник всех предшествующих ему веяний: французской революции, немецкого идеализма, гегелианской левизны с Фейербахом и Марксом, позитивизма Конта, эволюционизма Дарвина, сверхчеловечества Ницше, новомодного пессимизма Шопенгауэра в его законченной форме у Эдуарда фон Гартмана» (с. 3–4). В сочинениях русского мыслителя, утверждает Бальтазар, «конфессиональная дискуссия расширилась до вселенских масштабов и превратилась в диалог между Востоком и Западом, Византией-Москвой и Римом: великая схизма вновь приобретает непосредственную актуальность, ее богословский смысл подвергается переосмыслению» (с. 5–6). Этим новым масштабам проблемного поля соответствует высота теоретического анализа, в мировой философии «не достигавшаяся со времен Гегеля». Бальтазар характеризует построения Соловьева как наиболее универсальную интеллектуальную конструкцию Нового и Новейшего времени и всеохватывающую философию христианского универсализма¹⁰, включающего эстетику становления Бога в мире.

В построении эстетической системы Соловьев, по мнению Бальтазара, опирается на гегелевские принципы универсализма и развития. Они определяют содержание эстетики Соловьева, представляющей собой «эсхатологически-прогрессивное воплощение божественной идеи в мировой реальности» (с. 10). Однако, в отличие от Гегеля, акцентирующего внимание на диалектике, «трансцендирующей всякую конечную форму ради достижения абсолютного духа», Соловьев стремится к интеграции «всех частичных точек зрения и форм реализации в органической всеобщности» (с. 11). Эта специфическая особенность философского мышления Соловьева – «одного из величайших в истории мысли ма-

¹⁰ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 6.

стеров упорядочения и интеграции»¹¹, умевшего выявить положительное начало и в античном гнозисе, и в материализме Нового времени, дает блестящий результат, в котором «не остается ни следа компиляции или эклектики»¹². Такова высочайшая оценка оригинальности творчества Соловьева, отсылающая нас к известному сочинению С.Н. Булгакова «Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева?». В этой статье, опубликованной в 1903 г. в журнале «Вопросы философии и психологии», С.Н. Булгаков писал: «... нет ни одного великого философского и религиозного учения, которое не вошло бы как материал в эту многогранную систему: философия греков, находящая свое историческое завершение в Плотине и неоплатониках, буддизм и христианство, каббалистическая философия – всему отведено свое место. В этом смысле система Соловьева есть самый полновзвучный аккорд, какой только когда-либо раздавался в истории философии» [8, с. 53–54].

Очерчивая круг источников, питавших мысль Соловьева, Бальтазар называет индийскую философию, создавшую «первое учение о всеединстве», философские учения Платона, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана. Важным является его замечание об эволюции отношения Соловьева к учению Платона, который не смог разгадать, что же «собственно означает “рождение в красоте”»¹³. Бальтазар солидаризируется с утверждением Соловьева, что только в христианстве «силою богочеловеческой личности» «идеальный космос Платона превращается в живое и деятельное царство Божие»¹⁴.

Исключительно важным является указание Бальтазара на рецепцию в творчестве Вл.С. Соловьева философско-богословского наследия выдающегося представителя греческой патристики Максима Исповедника¹⁵, «который систематически основывает всю природную и сверхприродную реальность мира на халкидонском догмате, то есть на синтезе между Богом и человеком во Христе» (с. 18). Вырастающая из учения Максима Исповедника и усвоившая «динамический компонент немецкого идеализма» соловьевская концепция Богочеловечества образует фундамент философско-богословской эстетики русского мыслителя.

Метод всеединства Соловьева, как отмечает Бальтазар, «ушел далеко вперед», «по сравнению с методом эйдетической классификации Дильтея (формы духа)», Шпрангера (формы жизни) и Шпенглера (формы культуры). Его особенность в том, что «он анализирует отдельные формы только в рамках целого и только для того, чтобы они принесли плод внутри него» (с. 20). Ха-

¹¹ См.: Бальтазар Ханс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 11.

¹² Там же. С. 12.

¹³ См.: Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 9. С.-Петербург, 1913. С. 228 [9].

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Исторические дела философии // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 2. С.-Петербург, 1911. С. 408 [10].

¹⁵ О восприятии наследия Максима Исповедника В.С. Соловьевым см.: Максимов М.В. Владимир Соловьев и Максим Исповедник: метафизика и богословие любви. Статья первая // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 31–46 [11].

рактизуя место в мировой философской мысли и значение творчества Соловьева, Бальтазар подчеркивает, что русский философ «преодолеывает монадический идеализм системы» Гуссерля, помещая «всю теоретическую философию в контекст соотношения с этикой ... и свободой», обнаруживает «удивительное родство с Шелером», ... «приближается к Фрейдю», предвосхищает «систему Тейяра де Шардена» (с. 21).

Значительное внимание Бальтазар уделяет осмыслению софиологии Соловьева, становление которой явилось результатом очищающего усвоения «западной софиологии в ее метаморфозах от Валентина через Каббалу к ее барочным апологетам Бёме, Гихтелю, Пордеджу, Розенроту, Арнольду, Сведенборгу и Францу фон Баадеру» (с. 25). Итог этого усвоения – учение о Софии, вечно-женственном в мире, вечной возлюбленной Бога, сущности мира.

В целом, пишет Бальтазар, «достижение Соловьева для его современности состояло в том, что ему настолько, насколько это было возможно, удалось впитать каждый мировоззренческий путь и каждое направление мысли» (с. 22). Этот универсализм Соловьева не умалял его одиночества как в России, так и на Западе, хотя, как отмечает швейцарский католический теолог и философ, в России его связывали прочные отношения с самыми выдающимися современниками: Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, К.Н. Леонтьевым. Именно встреча с Леонтьевым – «разочарованным романтиком» (*Г.В. Флоровский*) – оказалась, как пишет Бальтазар, «судьбоносной: об эту скалу разбилась его решительная вера в прогресс» (с. 32). В оценке влияния Леонтьева на Соловьева Бальтазар солидарен с выводами немецкого исследователя Лудольфа Мюллера: Леонтьев подтолкнул Соловьева к выводу, «что исторические пути не ведут напрямую в Царство Божье», но проходят через последнее разоблачение антихриста, скрывающегося под масками добра и христианского благочестия¹⁶. Именно этот конфликт между прогрессом и апокалипсисом, подчеркивает Бальтазар, «накладывает свою печать на эстетику Соловьева» (с. 33). В итоге в эсхатологический огонь погружается вся его система, заключает Бальтазар, в сущности повторяя утверждение Л. Шестова, что «между “Тремя разговорами” и тем, что Соловьев писал раньше, лежит ничем не заполнимая пропасть»¹⁷. Вряд ли такое категоричное суждение отражает действительную эволюцию Соловьева, никогда не отказывавшегося от христианских идеалов. Эсхатология Соловьева скорее условная, на что обращали внимание исследователи его творчества¹⁸.

¹⁶ Muller Lüdolf. Wladimir Solowjew, Uebermensch und Antichrist: Uber das Ende der Weltgeschichte. Herder-Bücherei, 1958, 26, s. 148–149 [12].

¹⁷ См.: Шестов Л. Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // Современные записки. 1927. № 33. С. 285 [13].

¹⁸ См.: Гальцева Р. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы II Международного симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева», г. Москва, 23–24 сент. 1992 г. М., 1993. С. 61–67 [14]; Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. 342 с. [15]; Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82 [16].

Целостный характер философии Вл.С. Соловьева, сохранявшийся на протяжении всех периодов его творчества, отмечает С.И. Гессен: «...Соловьев сразу начинал с системы, с изображения целого своего мировоззрения. С течением времени и опыта первоначальная схема его обрастала плотью, конкретным материалом. Под тяжестью последнего она выгибалась впоследствии в разные направления, но в основе своей оставалась прежней» [17, с. 295]. В полной мере это относится и к эстетике Соловьева, у которого, как отмечает Н.А. Бердяев, на протяжении всех периодов творчества «было подлинное видение красоты всеединства» и он «всю жизнь жаждал преображения космоса в красоту»¹⁹. «Эстетическая система ... как бы растворена в онтологии», – замечает Н.В. Мотрошилова, говоря об эстетической системе Соловьева²⁰. Современный исследователь теургической эстетики Вл. Соловьева В.В. Бычков справедливо замечает, что «целостная эстетическая система» философа «хорошо вычитывается из корпуса его текстов»²¹.

Первая глава сочинения Бальтазара завершается утверждением, что «провал плана объединения церкви» заставляет Соловьева обратиться к нравственной философии – «последнему системному проекту», воплотившемуся в «Оправдании добра», и приводит мыслителя к осознанию того, что «все ведет к эстетике»²².

Эстетическая концепция Соловьева представлена уже в его ранних сочинениях. Как убедительно показал Б.В. Межуев в статье «К проблеме поздней “Эстетики” В.С. Соловьева»²³, этот проект является органической частью всей философской системы Соловьева и основы его заложены уже в ранних сочинениях философа. Эстетическое учение Вл.С. Соловьева укоренено в его метафизической системе философа: «... благо и красота суть то же самое, что и истина, но только в модусе воли и чувства, а не в модусе представления» [21, с. 287]. Это обстоятельство принималось в расчет уже Е.Н. Трубецким²⁴ и Э.Л. Радловым²⁵. И в современных исследованиях анализу онтологических предпосылок философской эстетики Вл. Соловьева уделяется первостепенное внимание. Так, Н.А. Кормин подчеркивает, что «всеединство ... задает единую этико-эстетическую ценность, в рамках которой пребывает и предельная красота, возможная в онтологии мира, –

¹⁹ См.: Бердяев Н. Владимир Соловьев и мы // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 63. С. 369–370 [18].

²⁰ См.: Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 95 [19].

²¹ См.: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. С. 58.

²² См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 37–38.

²³ См.: Межуев Б.В. К проблеме поздней «Эстетики» В.С. Соловьева // Исследования по истории русской мысли / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1998. С. 257–284 [20].

²⁴ См. гл. XXV «Эстетика» сочинения Е.Н. Трубецкого «Мирозерцание Вл.С. Соловьева»: Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 2. М.: Медимум, 1995. 622 с. [22].

²⁵ См.: Радлов Э.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и учение. С.-Петербург: Образование, 1913. С. 221 [23].

его божественное преображение»²⁶. «Мы должны, – пишет Соловьев, – определить красоту как *преображение материи через воплощение в ней другого, сверх-материального начала*» [25, с. 41]²⁷.

Метафизические основания эстетики Соловьева анализируются Бальтазаром во второй главе книги – «Логика и метафизика». Следуя традиции христианского гносиса, отмечает автор, Соловьев помещает в центр своей эстетической системы учение о Софии и согласовывает его с христологическим и тринитарным богословием. Подступы к этому учению Бальтазар обнаруживает уже в магистерской диссертации Соловьева «Кризис западной философии» (1874 г.). Критикуя эмпиризм и рационализм, отмечает автор, философ «черпает вдохновение» в учениях Лейбница, Шеллинга и Шопенгауэра, приходя в итоге к трем метафизическим постулатам: (1) «необходимо принимать достижения современной философии в понимании космического процесса в его двойной форме – космологической и исторической» как «вочеловечивание и обожение» (с. 50). Субъектом этого процесса на последовательных этапах являются «мировая душа, мировая воля, человечество и, наконец, “София”»; (2) значимость этого последнего обстоятельства состоит в том, что отделенность Бога от космического процесса оставляет место для отношений любви как благодати и откровения Бога в человеке; (3) что это является основанием полноты бытия (быть Богом) за пределами Бога²⁸.

В последующих работах – «Философские начала цельного знания» (1877 г.) и «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1880 гг.), отмечает Бальтазар, Соловьев развивает и дополняет эти основополагающие постулаты. Отталкиваясь от утверждения Соловьева, что «в выхождении за пределы самого себя Бог есть Добро, в познании самого себя он есть Истина, в ощущении самого себя он есть Красота» (с. 56), Бальтазар обращается к рассмотрению основ учения философа о Софии, являющейся, как отмечал А.Ф. Лосев, «художественным выражением философии всеединства»²⁹.

Во второй главе своего сочинения Бальтазар предпринимает попытку реконструкции метафизических оснований представлений Соловьева о человеке-художнике как проводнике божественной воли и свободном творце, что в действительности является «полной актуализацией Богом самого себя в другом»³⁰.

Реконструкция Бальтазаром метафизических оснований эстетики Соловьева включает интерпретацию ряда важнейших тем его философско-богословского

²⁶ См.: Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьева. Ч. II. Онтологические предпосылки. М.: ИФ РАН, 2004. С. 94 [24].

²⁷ Глубокое исследование по этой проблеме см.: Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter / Academic Studies Press. Boston, 2011. 308 p. [26]. См. рецензию на книгу Оливера Смита: Межуев Б.В. Рец. на: Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter / Academic Studies Press. Boston, 2011, 308 p // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 190–193.

²⁸ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 50–51.

²⁹ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. С. 259 [27].

³⁰ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев... С. 56.

учения: вопрос о красоте – «лежит ли красота с точки зрения стремящейся к ней реальности в области идеального бытия или же идеальное изначально включает в себя реальное»³¹; София как божественная субстанция, последовательно воплощающаяся в мире и приводящая его, достигая ступени идеального человечества, к все более совершенному единству; нераздельность комплекса «творение-самостоятельность-грехопадение», с одной стороны, и «мировая душа и космический процесс», с другой; свобода человека как результат вочеловечения мировой души; космический процесс как София в своем становлении; свобода хаоса; тема кенозиса – взаимного жертвенного акта Бога в человеке и человека в Боге. Эта последняя тема, с точки зрения Бальтазара, «имеет решающее значение для богословия и богословской эстетики Соловьева» (с. 86). В акте кенозиса, утверждает Бальтазар, «человек освобождается от всех форм своей греховной изоляции ради всеединства, которое присутствует в нем уже не как чисто абстрактная форма мысли ..., а как реальная полнота, которая, однако, возможна только как ответная любовная самоотдача предвечному Отцу» (с. 86).

Бальтазар интерпретирует указанные выше темы философско-богословского наследия Соловьева в сопоставлении с учениями Августина, Максима Исповедника, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, что, безусловно, является важным достоинством сочинения швейцарского философа.

Реконструкция Бальтазаром эстетики Соловьева последовательна и логична. Духовный человек, воспринявший божественно-космическое всеединство, пишет Бальтазар, становится проводником божественной воли и свободным творцом, посвящающим себя «делу спасения, царству Божьему в становлении, которое есть церковь» (с. 88). Третья глава книги («Этика и экклезиология») посвящена анализу представлений Соловьева о пути воплощения абсолютного идеала, Бога. Этот путь представляет собой путь нравственного совершенствования, достижения богочеловеческого единения, что возможно только в лоне Церкви.

Значительное внимание Бальтазар уделяет анализу нравственной философии Соловьева, изложенной в «Оправдании добра». Исследователь отмечает, что в этом сочинении «Соловьев, как обычно, выстраивает свою систему в оптике конечной интеграции всеединства» (с. 94).

В качестве важнейших Бальтазар выделяет вопросы о смысле жизни, о первичных данных нравственности, из которых «рождается космос добродетелей и обязанностей, всечеловеческое ... сообщество, церковь или царство Божье» (с. 94)³². «Этот процесс интеграции человечества в царство Божье с при-

³¹ См.: Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев...С. 57.

³² Бальтазар отмечает отличие трактовки samozаконности нравственности у Соловьева от позиции Канта: «Бог и душа суть не постулаты нравственного закона, – пишет Соловьев, – а прямые образующие силы нравственной действительности» (см.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 8. / под ред. С.М. Соловьева и

ходом Христа, – подчеркивает Бальтазар, – необходимо связан с реальностью церкви» (2, с. 97).

Учение Соловьева о церкви Бальтазар излагает, опираясь на его важнейшие сочинения: «Духовные основы жизни» (1882–1884 гг.), «Великий спор и христианская политика» (1883 г.), «История и будущее теократии» (1885–1887 гг.), *Saint Vladimir et l'Etat Chrétien* (1888 г.)³³, «Россия и Вселенская Церковь» (1889 г.).

Обосновывая представления русского философа о догматическом развитии церкви, Бальтазар особое внимание уделяет учению Соловьева «о необходимости отношений взаимного проникновения между неизменностью [церковных] структур и их живым развитием» (с. 104–105). Как «блестящую апологию» Рима и Вселенских соборов Бальтазар характеризует полемику Соловьева со славянофилами, относя ее по «ясности, выразительной силе и тонкости» к «шедеврам церковного богословия» (с. 106–107). В целом Бальтазар взвешенно относится к вопросу об известных католических симпатиях Соловьева. «Сам Соловьев, – пишет Бальтазар, – не воздерживается от критики Римской церкви, но только для того, ... чтобы утвердить принцип Петра во всей его чистоте и безусловности» (с. 110). Вместе с тем Бальтазар указывает на суровые обличения Соловьевым «вещественного господства» и «абстрактного клерикализма» Рима, который закономерно вел к протестантизму. Урок, который необходимо извлечь из двух «великих схизм» – восточно-христианской и протестантской, состоит в том, считает Бальтазар, чтобы воссоединить три ветви христианства – католичество, православие и протестантизм. Таким образом, швейцарский богослов солидаризируется с позицией Соловьева, обоснованной в указанных выше сочинениях. Бальтазар пишет: «Для ясного и структурированного ума Соловьева экуменическая задача примирения отчужденных и враждебно настроенных друг к другу церквей представлялась самоочевидной и требовавшей немедленного действия» (с. 114). С этим утверждением исследователя вполне можно согласиться: лично Соловьев принес исповедание веры перед Римской церковью, но Бальтазар явно преувеличивает, когда утверждает, что это было сделано Соловьевым «от всех русских».

Рассмотренная нами глава «Этика и экклесиология» сочинения Бальтазара является важным этапом на пути философско-богословской реконструкции эстетики Соловьева. По замыслу Бальтазара, человек-художник как проводник божественной воли и свободный творец формируется в лоне Церкви, ведущей человечество к царству Божьему. Так задается эсхатологическая перспектива эстетики русского философа. Этот аспект рассматривается Бальтазаром в главе «Эстетика и апокалиптика».

Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 187 [28].

³³ Пер. на рус. яз. «Владимир святой и христианское государство» (1913 г.).

Отмечая, что соловьевская эстетика, которая «должна была увенчать дело всей его жизни, так и осталась ненаписанной», Бальтазар тем не менее дает ее эскиз, фиксируя наиболее значимые черты: «это должна была быть эстетика, объединяющая в себе “реализацию добра” (оформление идеи) и полноту истины (актуализацию идеального, достойного быть), тем самым учение об апокалипсисе, об откровении царства Божьего, полном вочеловечивании и “обмирщении” Бога» (с. 121).

Интерпретацию содержания «универсальной эстетики» Соловьева Бальтазар предваряет замечанием о том, что «в эстетическую панораму Соловьева» в последние годы его жизни «вторгается сила, которая, всегда латентно присутствуя, никогда не воспринималась всерьез». Это – сила зла, которая «вместе с силами добра нога в ногу шагают по тропам истории» (с. 122). В связи с этим Бальтазар подчеркивает, что Соловьев даже в период интенсивной веры в прогресс «в своей эсхатологической эстетике никогда не терял из виду воскресение мертвых и что все эстетическое в природе и искусстве для него было только прообразом мира воскресшего» (с. 124).

Бальтазар, указывая на онтологический характер эстетики Соловьева, отмечает, что уже в черновиках к «Философским началам цельного знания» (1877 г.) и в «Критике отвлеченных начал» (1880 г.) философ утверждает, что «осуществление всеединства во внешней действительности, его реализация или воплощение в области чувствуемого, материального бытия есть абсолютная красота»³⁴, «она столь же мало “дана”, как и всеединство, но “задана” человечеству, и человеческое искусство есть средство для ее воплощения» (с. 125–126). Искусство как «создание пластических форм или материализация духовных сущностей», по Соловьеву, есть теургия³⁵, реализация идеала. Утверждая такое понимание искусства, пишет Бальтазар, «Соловьев становится ожесточенным противником классической идеалистической эстетики, согласно которой красота может быть “только” феноменом, а не реальностью» (с. 126). В связи с этим Бальтазар указывает на различие позиций Соловьева, с одной стороны, и Данте, Гёте, Гегеля, с другой. Как противник *l'art pour l'art*, «Соловьев приветствовал обращение к литературному реализму, даже в его материалистической форме, какую он принял у Чернышевского», пишет Бальтазар (с. 127–128).

По Соловьеву, отмечает Бальтазар, идея красоты, будучи реальной в самом Боге, должна быть воплощена во всеедином бытии, «когда, во-первых, частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою; когда, во-вторых, они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе; когда, наконец, в-

³⁴ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. в 15 т. Т. 3 / отв. ред. Н.В. Котрелев; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2001. С. 315 [29].

³⁵ См.: Соловьев В.С. Мистика. Мистицизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. С. 455.

третьих, эта всеединая основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе» [30, с. 79–80].

В сочинении Соловьева «Красота в природе» (1889 г.) Бальтазар выделяет «мысль о том, что идея процесса, позволяющая красоте постепенно и с драматическими неудачами ... совершенствоваться как свободному и живому организму, создает основу для эсхатологической надежды на славу для всего космоса в его внутреннем развитии» (с. 131–132). Указание на эсхатологический характер эстетики Соловьева Бальтазар обнаруживает и в сочинении «Общий смысл искусства» (1890 г.): подлинное художественное произведение есть не что иное, как *«всякое ощутительное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира»* [30, с. 85]. В этом контексте швейцарский философ интерпретирует и учение Соловьева о любви, в котором любовь между мужчиной и женщиной рассматривается как «центральное теургическое искусство»: любящий «видит идеал, который и есть подлинная реальность». В этом, по Соловьеву, начало «видимого восстановления образа Божия в материальном мире»³⁶. Так, отмечает Бальтазар, Соловьев «позволяет силе (платоновского) эроса влиться в силу агапе из Нагорной проповеди» ..., подчиняя модель андрогинного эроса двойной норме и прототипу взаимоотношений Бога с миром и с божественной Софией, с одной стороны, Христа с церковью и с воплощенной Софией, с другой» (с. 137–138).

Представленная в книге Бальтазара философско-богословская реконструкция эстетики Соловьева является важным вкладом в изучение эстетического учения Соловьёва. Эстетическая концепция русского философа рассматривается в контексте всей его философии – философии всеединства. К исследованию привлечена богатейшая литература – и важнейшие сочинения Соловьева, и исследования российских и зарубежных авторов. Как часть обширного сочинения Бальтазара, посвященного богословской эстетике, разрабатывавшейся христианскими мыслителями, книга о Соловьёве – «втором после Аквината» философе-систематизаторе – представляет значительную интеллектуальную ценность. Эта уникальность заключается, на наш взгляд, в том, что сочинение Бальтазара конгениально замыслу русского философа, разрабатывавшего религиозную теорию прекрасного. Теургическая эстетика Соловьева зовет к преображению жизни на религиозных началах. В этом он видит предназначение искусства, которое должно стать *«реальной силой, просветляющей и перерождающей весь человеческий мир»*³⁷.

³⁶ См.: Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 7. С.-Петербург, 1911. С. 27–60 [31].

³⁷ Соловьёв Вл. Три речи в память Достоевского. Первая речь // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 3. С.-Петербург: Просвещение, 1912. С. 189 [32].

Не менее значимо и то, что книга свидетельствует о высоком уровне освоения философии Соловьева в западном соловьевоведении, и, конечно же, она будет полезной всем исследователям наследия русского мыслителя.

Список литературы

1. Balthasar Hans Urs von. Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984. 888 s.
2. Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2023. xviii + 143 с.
3. Бальтазар Ганс Урс фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II: Сферы стилей. Часть 2: Мирянские стили: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2022. viii + 567 с.
4. Давыдов О. Предисловие к русскому изданию // Бальтазар Ганс Урс фон. Владимир Соловьев: пер. с нем. (Сер. «Современное богословие»). М.: Изд-во ББИ, 2023. С. VII–XVII.
5. Назарова О. Новейшие рецепции творчества Вл. Соловьева в Германии: Петер Элен // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 69–82.
6. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
7. Herman Maxime. Introduction. Vladimir Soloviev, sa vie et son oeuvre // Solov'ev V.S. Crise de la philosophie occidentale / trad. et introduction Maxime Herman. Paris: Aubier – Montaigne, 1947. P. 5–157.
8. Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. I (66). С. 52–96.
9. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 9. С.-Петербург, 1913. С. 194–241.
10. Соловьев В.С. Исторические дела философии // Соловьев В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 2. С.-Петербург, 1911. С. 399–413.
11. Максимов М.В. Владимир Соловьев и Максим Исповедник: метафизика и богословие любви. Статья первая // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 31–46.
12. Muller Lüdolf. Wladimir Solowjew, Übermensch und Antichrist: Über das Ende der Weltgeschichte. Herder-Bücherei, 1958. 160 s.
13. Шестов Л. Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // Современные записки. 1927. № 33. С. 270–312.
14. Гальцева Р. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы II Международного симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева». Москва, 23–24 сент. 1992 г. М., 1993. С. 61–67.
15. Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. 242 с.
16. Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82.
17. Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // Современные записки. 1931. Т. 45. С. 271–305.
18. Бердяев Н. Владимир Соловьев и мы // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 63. С. 368–373.
19. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2006. 477 с.
20. Межуев Б.В. К проблеме поздней «Эстетики» В.С. Соловьева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1998. С. 257–284.
21. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. в 15 т. Т. 2 / сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2000. С. 185–308.

22. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьёва. Т. 2. М.: Медиум, 1995. 622 с.
23. Радлов Э.Л. Владимир Соловьёв: Жизнь и учение. С.-Петербург: Образование, 1913. 266 с.
24. Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьёва. Ч. II. Онтологические предпосылки. М.: ИФ РАН, 2004. 213 с.
25. Соловьёв В.С. Красота в природе // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 6. С.-Петербург, 1911. С. 33–74.
26. Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter, Academic Studies Press. Boston, 2011. 308 p.
27. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
28. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Собрание сочинений. Т. 8 / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. VII – 722.
29. Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. в 15 т. Т. 3 / отв. ред. Н.В. Котрелев; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2001. С. 7–360.
30. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 6. С.-Петербург, 1911. С. 75–90.
31. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 7. С.-Петербург, 1911. С. 3–60.
32. Соловьёв Вл. Три речи в память Достоевского. Первая речь // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова; 2-е изд. Т. 3. С.-Петербург: Просвещение, 1912. С. 186–223.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Zhiznennaya drama Platona [Plato's Life drama], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 9 [Collection of works. Vol. 9]. Saint-Petersburg, 1913, pp. 194–241.
2. Solov'ev, V.S. Istoricheskie dela filosofii [Historical affairs of philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 2 [Collection of works. Vol. 2]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 399–413.
3. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 6 [Collection of works. Vol. 6]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 33–74.
4. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. Sochineniya v 15 t.*, t. 3 [Complete collection of works and letters in 20 vols. Works in 15 vols., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 7–360.
5. Solov'ev, V.S. Obschii smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 6 [Collection of works. Vol. 6]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 75–90.
6. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of goodness. Moral philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 8 [Collection of works. Vol. 8]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914, pp. VII – 722.
7. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [Sense of Love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 7 [Collection of works. Vol. 7]. Saint-Petersburg, 1911, pp. 3–60.
8. Solov'ev, Vl. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo. Pervaya rech' [Three speeches in memory of Dostoevsky. The first speech], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy*. T. 3 [Collection of works. Vol. 3]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1912, pp. 186–223.

9. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. Sochineniya v 15 t., t. 2* [Complete collection of works and letters in 20 vols. Works in 15 vols., vol. 2]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 185–308.

Individual Works

10. Bal'tazar, Gans Urs fon. *Vladimir Solov'ev (Ser. «Sovremennoe bogoslovie»)* [Vladimir Solovyov (Ser. "Modern theology")]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2023, xviii + 143 p.

11. Bal'tazar, Gans Urs fon. *Slava Gospoda. Bogoslovskaya estetika. T. II: Sfery stiley. Chast' 2: Miryanskie stili (Ser. «Sovremennoe bogoslovie»)* [Thank the Lord. Theological aesthetics. Vol. II: Spheres of styles. Part 2: Lay Styles: (Ser. "Modern theology")]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2022, viii + 567 p.

12. Davydov, O. Predislovie k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian edition], in Bal'tazar, Gans Urs fon. *Vladimir Solov'ev (Ser. «Sovremennoe bogoslovie»)* [Vladimir Solovyov: (Ser. "Modern Theology")]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2023, pp. VII–XVII.

13. Balthasar, Hans Urs von. Herrlichkeit: Eine theologische Ästhetik. Bd. 2. Fächer der Stile. Freiburg: Johannes-Verlag Einsiedeln, 1984. 888 p.

14. Herman, Maxime. Introduction. Vladimir Soloviev, sa vie et son oeuvre. Solov'ev, V.S. Crise de la philosophie occidentale. Paris: Aubier–Montaigne, 1947, pp. 5–157.

(Articles from Scientific Journals)

15. Berdyayev, N. Vladimir Solov'ev i my [Vladimir Solovyov and us], in *Sovremennye zapiski*, 1937, book 63, pp. 368–373.

16. Bulgakov, S.N. Chto daet sovremennomu soznaniyu filosofiya Vladimira Solov'eva? [What does Vladimir Solovyov's philosophy give to modern consciousness?], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1903, book I(66), pp. 52–96.

17. Gacheva, A.G. Filologiya na sluzhbe filosofii: Opyt analiza «Treh razgovorov» Vladimira Solov'eva [Philology in the service of philosophy: The experience of analyzing Vladimir Solovyov's "Three Conversations"], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 2(26), pp. 50–82.

18. Gessen, S.I. Bor'ba utopii i avtonomii dobra v mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo i V. Solov'eva [The struggle of utopia and autonomy of goodness in the worldview of F.M. Dostoevsky and V. Solovyov], in *Sovremennye zapiski*, 1931, vol. 45, pp. 271–305.

19. Maksimov, M.V. Vladimir Solov'ev i Maksim Ispovednik: metafizika i bogoslovie lyubvi. Stat'ya pervaya [Vladimir Solovyov and Maxim the Confessor: metaphysics and theology of love. The first article], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 1(65), pp. 31–46.

20. Nazarova, O. Noveychie retseptsii tvorchestva V. Solov'eva v Germanii: Peter Elen [The latest receptions of V. Solovyov's creativity in Germany: Peter Helen], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2016, issue 3(51), pp. 69–82.

21. Shestov, L. Umozrenie i apokalipsis (Religioznaya filosofiya V. Solov'eva) [Speculation and the apocalypse (Religious philosophy of V. Solovyov)], in *Sovremennye zapiski*, 1927, no. 33, pp. 270–312.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Gal'tseva, R. Uslovnaya eskhatologiya Vladimira Solov'eva [Conditional eschatology of Vladimir Solovyov], in *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma po tvorchestvu V. Solov'eva «Eskhatologiya V. Solov'eva». 23–24 sent. 1992 g., g. Moskva* [Proceedings of the II International Symposium on the work of V. Solovyov "Eschatology of V. Solovyov". September 23–24, 1992, Moscow]. Moscow, 1993, pp. 61–67.

23. Mezhuiev, B.V. K probleme pozdney «Estetiki» V.S. Solov'eva [On the problem of the late

“Aesthetics” of V.S. Solovyov], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 1998 god* [Research on the history of Russian thought. Yearbook for 1998]. Moscow: OGI, 1998, pp. 257–284.

(Monographs)

24. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgical aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.

25. Kormin, N.A. *Filosofskaya estetika Vladimira Solov'eva. Ch. II. Ontologicheskie predposylki* [Philosophical aesthetics of Vladimir Solovyov. Part II. Ontological prerequisites]. Moscow: IF RAN, 2004. 213 p.

26. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.

27. Maksimov, M.V. *Vladimir Solov'ev i Zapad: nevidimyy kontinent* [Vladimir Solovyov and the West: the Invisible continent]. Moscow: Prometey, 1998. 242 p.

28. Motroshilova, N.V. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada (V. Solov'ev, N. Berdyayev, S. Frank, L. Shestov)* [The thinkers of Russia and the philosophy of the West (V. Solovyov, N. Berdyayev, S. Frank, L. Shestov)]. Moscow: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 477 p.

29. Radlov, E.L. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i uchenie* [Vladimir Solovyov: Life and teaching]. Saint-Petersburg: Obrazovanie, 1913. 266 p.

30. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva. T. 2* [Worldview of V.S. Solovyov. Vol. 2]. Moscow: Medium, 1995. 622 p.

31. Muller Lüdolf, Wladimir Solowjew, *Übermensch und Antichrist: Über das Ende der Weltgeschichte*. Herder-Bücherei, 1958. 160 p.

32. Smith, O. *Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter*, Academic Studies Press. Boston, 2011. 308 p.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1:008(091); 930
ББК 60.033.145:63.3:81.41

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры; НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник лаборатории критической теории культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Заключительные «Исторические письма» В.И. Ламанского (предисловие к публикации)¹

Аннотация. Статья предвещает публикацию фрагментов шестого «Исторического письма об отношениях русского народа к его соплеменникам» и заключения, подготовленных славянофилом и профессором Петербургского университета Владимиром Ивановичем Ламанским. Указывается, что неоконченными остались и другие произведения ученого, над которыми он работал в последующие годы. Приводятся факты, позволяющие уточнить датировку написания «Исторических писем» (1859–1862 гг.), работа над которыми была прервана заграничной командировкой Ламанского (1862–1864 гг.). Высказывается предположение, что «Исторические письма» продолжили то направление исследований, которое было обозначено Ламанским в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859 г.), т.е. стали результатом его архивной и кабинетной работы. Поездка в славянские земли обогатила ученого реальным знанием славянских народов, их истории и современного положения, что сделало многие рассуждения из «Исторических писем» неактуальными. Отмечаются два сюжета, затронутых Ламанским в «последних» письмах, которые получили дальнейшее развитие в его исследованиях и деятельности. Во-первых, это работы в области отечественной этнографии: многолетнее руководство этнографическим отделением Русского географического общества, организация Славянского съезда и Этнографической выставки (1867 г.), издание этнографического журнала «Живая старина» (1890 г.), проект этнографического отдела Русского музея (1899 г.). Приводятся высказывания Ламанского об этнографии как отчуждении или народоведении, раскрывающие его понимание этнографической науки. Во-вторых, это историософская интерпретация восточного вопроса, рассматривающая его в качестве эпизода взаимодействия двух цивилизационных миров: греко-славянского и романо-германского. Указывается на незавершенность «Исторических писем», которая сказывается в лакунах при их публикации.

Ключевые слова: славянофильство, славяноведение, этнография, историософия, восточный вопрос

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023.

Aleksey Valeryevich Malinov

St. Petersburg State University, Doctor in Philosophy, Professor, Professor, Department of Russian Philosophy and Culture, National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher at the Laboratory of Critical Cultural Theory, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

**Final «Historical Letters» by V.I. Lamansky
(preface to the publication)**

Abstract. The article introduces the publication of the fragments of the sixth “Historical Letter on the Attitude of the Russian People to their Tribesmen” and the conclusion prepared by Vladimir Ivanovich Lamansky, a Slavophile and professor at St. Petersburg University. It is noted that other works of the scientist, on which he worked in the following years, remained unfinished. The facts allowing to indicate the date of writing the “Historical Letters” are given: 1859–1862, work interrupted by Lamansky's trip abroad (1862–1864). It is suggested that the “Historical Letters” were a continuation of the research direction outlined by Lamansky in his master's thesis “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain” (1859), i.e. they were the result of his archival and desk work. The trip to the Slavic lands enriched the scholar with real knowledge of the Slavic peoples, their history and current situation, which made many of the arguments in the “Historical Letters” irrelevant. There are two subjects that Lamansky touched upon in his “last” letters, and which were further developed in his research and work. Firstly, these are the works in the field of national ethnography: his long-term leadership of the ethnographic department of the Russian Geographical Society, the organisation of the Slavic Congress and the Ethnographic Exhibition in 1867, the publication of the ethnographic journal “Zhivaya starina” (1890), the project of the of the ethnographic department of the Russian Museum (1899). Lamansky's statements on ethnography as fatherland studies or ethnology are presented, revealing his understanding of ethnographic science. Secondly, this is a historiographical interpretation of the Oriental Question, considering it as an episode of interaction between two civilisations: the Greco-Slavic and the Romano-Germanic. The incompleteness of the “Historical Letters” is pointed out, which is reflected in the gaps in their publication.

Key words: slavophilism, Slavic studies, ethnography, historiosophy, Oriental issue

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.097-105

Рукописи В.И. Ламанского постигла судьба многих произведений славянофилов: они остались неоконченными. Как известно, А.С. Хомяков четверть века работал над «Семирамидой», но так и не завершил ее. Смерть прервала работу И.В. Киреевского над программной статьей «О необходимости и возможности новых начал для философии», которая была опубликована в первом номере «Русской беседы». Подобные примеры можно продолжить. Цензурные ограничения препятствовали изданию сочинений славянофилов. Не имея возможности обнародовать свои произведения, славянофилы, вероятно, и не спешили их завершать. Этот, казалось бы, случайный признак – незавершенность – стал одной из отличительных черт учения славянофилов. Они не выработали догматику, к которой, вероятно, и не стремились, оставили недосказанными многие свои мысли, недописанными произведения... В философии славянофильство представляет собой не законченную систему, а ряд интуиций, задумок, замыслов, которые можно развивать, подхватывать, доводить до ума. Не-

случайно так называемое позднее славянофильство столь не похоже по идейному содержанию на своих родоначальников, что некоторые исследователи полагают, что славянофильское направление ограничивается лишь «московским кружком». Полнее всего славянофильство, как известно, «высказалось» в дружеских беседах, кружковых спорах, салонных учтивых разговорах долгими зимними московскими вечерами. Конечно, незавершенность есть в известном смысле недостаток славянофильства. Однако он позволил продолжить их дело, развить славянофильское мировоззрение до полноценной доктрины, что выпало на долю следующего поколения их последователей, среди которых одним из наиболее плодотворных оказался профессор Петербургского университета Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), ставший основателем «исторической школы» в отечественной славистике².

За шесть десятилетий творческой активности Ламанский опубликовал более четырех сотен работ, в том числе четыре монографии. В незавершенном виде были изданы его исследования, по объему фактически составляющие книги: «Деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веках» (1875 г.), «Новейшие памятники древне-чешской литературы» (1879–1880 гг.), последняя монография «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник» (1903–1904 гг., отдельное издание, 1915 г.). Исследовательские очерки Ламанского из сборника архивных документов «Государственные тайны Венеции» (1884 г.) могли бы составить книгу по истории Венеции в несколько сотен страниц. Но, пожалуй, первым в этом ряду неоконченных и не опубликованных своевременно текстов Ламанского стали «Исторические письма об отношении русского народа к его соплеменникам». «Исторические письма» не датированы, но, как уже отмечалось, по свидетельству самого Ламанского, они писались для газеты «Парус»³. Вероятно, и после запрещения «Паруса» в 1859 г.⁴ Ламанский продолжил работу над ними, рассчитывая опубликовать в других славянофильских изданиях, скорее всего в аксаковской газете «День». Намерение это по неизвестным причинам не было осуществлено. Более того, в архивном фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН отложились только три первых письма, переписанных набело, фрагменты шестого письма и набросок заключения. Можно предположить, что шестое письмо завершает цикл «Исторических писем». Неизвестно, было ли само шестое письмо завершено. Недостающие письма могли сохраниться в бумагах И.С. Аксакова, поскольку Ламанский

² См.: Волкова Е.А. В.И. Ламанский и его ученики // Философский полилог. 2022. № 2. С. 61–72 [1].

³ См. об этом: Куприянов В.А., Малинов А.В. «Исторические письма об отношении русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского: контексты третьего письма (к публикации «Исторических писем об отношении русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Соловьевские исследования. 2022. № 4. С. 58 [2].

⁴ См. подробнее: Дмитриев А.П. Новое о цензурной истории славянофильских изданий – газет «Молва» и «Парус» и журнала «Русская беседа» (из неопубликованной переписки И. С. Аксакова и графини А. Д. Блудовой 1858–1859 гг.) // Цензура в России: история и современность. СПб.: Российская национальная библиотека, 2021. С. 152–178 [3].

упоминает о том, что обсуждал их с московским славянофилом, а значит, эти письма ему передавал. Также можно предположить, что работа над письмами была остановлена в связи с отъездом Ламанского в заграничную командировку 5 мая 1862 г. Опять же можно допустить, что он намеревался использовать новые сведения, полученные во время поездки по славянским землям, для дополнения текста «Исторических писем». Ламанский намеревался отправлять корреспонденцию в газету «День» и в письме министру народного просвещения А.В. Головнину выражал обеспокоенность ее закрытием. В шестом письме Ламанский указывает на господство австрийцев в Венеции. Это фактически единственное хронологическое уточнение, встречающееся в тексте: Венеция находилась под властью Австрии до 1866 г. Наиболее вероятная дата подготовки «Исторических писем» – 1859–1862 гг.

О причинах прекращения работы над «Историческими письмами» и отказа их опубликовать мы можем только гадать. В 1859 г. вышла первая книга Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которую в начале 1860 г. он защитил в Петербургском университете в качестве магистерской диссертации. Книга была написана на основе архивных и литературных источников, доступных Ламанскому в Петербурге, т. е. была плодом архивной и кабинетной работы, а не результатом непосредственного изучения славян. Обобщения, исторические аналогии и параллели с современностью, которые допускал Ламанский, сближали его, казалось бы, чисто историческое исследование с публицистикой. Эту линию он продолжил в «Исторических письмах». Первая командировка Ламанского в славянские земли (1862–1864 гг.) стала важнейшим фактом его научной биографии. Именно в эти годы под влиянием новых знаний и впечатлений, полученных во время поездки, он сформировался как ученый-славист. И хотя в последующие годы Владимир Иванович периодически откликался на «злобу дня», никогда строго не отделяя интересы своей науки (славяноведения) от реальной, в том числе политической, жизни славян, в основе его публицистики лежало знание реального положения славян, а не теоретические схемы или книжные фантазии. «Исторические письма» оказались лишены этого реального знания, что, возможно и предопределило отказ от их публикации.

Из сюжетов, которые затрагивает Ламанский в заключительных фрагментах «Исторических писем», стоит отметить два момента, которые впоследствии получили развитие в его учении. В частности, он воспроизводит аксиоматику западничества, согласно которой только европейское человечество способно к прогрессивному развитию, в то время как остальной мир прозябает в царстве застоя и коснения. Подобные утверждения с разной степенью открытости и открытости легли в основу формирующейся в то время антропологии и этнографии, выполняющих определенную политическую задачу, а именно оправдание рабства и господства белого человека в остальном мире. Изучение европейской науки показало Ламанскому, что таким же образом европейцы относятся и к славянам, приравнивая их к кельтам, неграм или даже женщинам. В этом же ряду стоит учение Ф. Духинского о «туранизме московитов», не

признающее русских славянами. Опровержению мнения европейцев о славянах Ламанский посвятил свою докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871 г.), в которой вскрывал политическую подоплеку европейской науки, оправдывающую господство романо-германцев в славянских землях. Ламанский остроумно реагировал на сближение славян с кельтами, неграми, туранцами или женщинами, не видя в этом объективного основания и не считая другие народы менее способными, чем европейцы. Более того, он показывал, что все крупные этносы сложились путем смешения, включения в свой состав различных народов. Русский народ в этом отношении не представляет исключения, как и народы европейские. Подчинение же славян европейцам привело к негативным последствиям – ассимиляции славян или даже уничтожению целых славянских племен. Подчинение и борьба со славянами стала одной из исторических задач германцев – соседей славян. Важнейшим средством онемечивания славян, т.е. лишения их своей народности (языка и культуры), выступала католическая церковь. Ламанский показывал пагубное влияние католицизма на примере истории Чехии, в частности подавления гуситского движения и чешской народности после Белогорской битвы. Об этом более подробно идет речь во втором «Историческом письме».

Критическое отношение к европейской науке, в том числе к этнографии и славистике, привело Ламанского к выработке собственного взгляда на этнографическую науку. С 1854 г. он сотрудничал с Императорским русским географическим обществом, в 1856–1862 гг. был секретарем этнографического отдела, а в 1864–1868 гг. и в 1887–1910 гг. – председателем этнографического отдела. По свидетельству одного из учеников Ламанского, К.Я. Грота, Русское географическое общество в 1850-е годы объединяло «тогда в своей среде все, что имелось в петроградской интеллигенции талантливого, живого и энергичного в области отечество- и народоведения»⁵. В речи, произнесенной при вступлении в должность секретаря отделения, Ламанский уточнял предмет этнографии: «определение, классификация человеческих племен по их физическим, лингвистическим и психическим, религиозно-бытовым [признакам] и описание человеческих племен и народностей в трех этих отношениях»⁶.

В 1867 г. Ламанский стал одним из организаторов Этнографической выставки в Москве и Славянского съезда. Судя по дошедшим сведениям, именно он предложил объединить эти два мероприятия, которые стали важной вехой в распространении знаний о славянах в России и о России в славянских землях, закрепили за Россией роль покровительницы славянских народов, способствовали возрождению славянофильского движения и консолидации его последователей (поздних славянофилов) вокруг организационного комитета Славянского съезда, после его завершения преобразованного в Славянский благотворительный комитет. В речи на торжественном обеде в честь славянских гостей Ламанский указывал, что перед отечественной этнографией стоит задача «полно-

⁵ См.: Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1915. С. 7 [4].

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 46. Л. 2 [5].

го и подробного этнографического описания России»⁷. С 1890 г. он издавал этнографический журнал «Живая старина», в первом номере которого поместил редакторскую статью, в которой высказал свое понимание русской этнографии как «отчизноведения», или на немецкий манер «народоведения» (*die Voilkskunde*). Он признавал, что полное, систематическое описание России требует планомерной работы, которая не под силу одному исследователю. Коллективный труд, или «полное обстоятельное народоведение России», должен включать в себя не только ныне живущие народы, но и изучение некогда обитавших на территории современной России племен. «В будущем громадном систематическом труде, посвященном полному географическому описанию России, – отмечал Ламанский, – необходимо должны найти место антропологические, археологические и историко-этнологические, лингвистические, этнографические изыскания как о некогда обитавших, так и о всех ныне обитающих в пределах нашей России народностях, с географическим описанием их областей, территорий, с историческим обзором их новейших судеб, их отношений к прочим инородцам и к русскому племени, с подробным изложением и характеристикой их внешних и внутренних свойств и особенностей, религиозных, бытовых и пр. и пр., с приложением результатов антропометрических измерений, изображений типов, костюмов, жилищ, утвари и пр. и пр.

В этой этнографии России не могут быть опущены и антропологические, исторические и этнографические сведения, изыскания о таких исчезнувших или поныне живущих в Азии и Европе, но вне России, племенах и народах, большая или меньшая часть коих входили или входят в состав нынешней России. Таким образом, в известной степени к более или менее подробному обзору должны быть привлечены разные народности Средней, Малой Азии, Китая, Персии, Турции Азиатской, а в Европе все племя славянское, разные ветви и отрасли Германского (Готы, Варяги, Скандинавы, Шведы, Немцы, по поводу Шведов Финляндии и островков балтийских, новейших немецких колонистов и стародавних и новейших отношений Немцев к Полякам и другим западным Славянам), древние Пруссы, Фракийцы и Иллиры, Румыны и Албанцы» [7, с. XXXVII]. В 1899 г. Ламанский подготовил проект, на основе которого в Петербурге был открыт Этнографический отдел Русского музея императора Александра III.

В заключительных фрагментах «Исторических писем» Ламанский касается так называемого восточного вопроса, политическая острота которого на протяжении нескольких десятилетий XIX в. волновала русскую публику. Изучение истории Восточной Европы и славянства привело Ламанского к выработке собственного оригинального взгляда на восточный вопрос, который существенно отличался от того, что понималось под восточным вопросом в его время. Владимир Иванович предложил историсософскую интерпретацию восточного вопроса, видя в нем вековое противостояние двух цивилизационных начал или миров: греко-славянского и романо-германского. Восточный вопрос,

⁷ См.: Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М.: Типогр. Катков и К^о, 1867. С. 85 [6].

согласно Ламанскому, – это вопрос о границе этих двух миров. Восточным он является, собственно, только для романо-германцев. Для греко-славянского или Среднего мира – это западный вопрос. Западная граница Среднего мира является неустойчивой, в отличие от других пределов греко-славянской цивилизации. Ее колебания и называют восточным вопросом⁸. Цивилизационная концепция Ламанского по ряду параметров сближалась с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Причем, некоторые ее положения сначала были предложены Ламанским, а потом уже вошли в учение Н.Я. Данилевского⁹. Со временем Ламанский усложнил параметры своего цивилизационного учения, рассматривая уже три основных цивилизационных центра, или три мира: Европу, Азию и Средний мир. Как замечает С.В. Селиверстов, замена Ламанским названия греко-славянского мира на Средний мир «свидетельствует о реализме мыслителя»¹⁰. Неслучайно современная историография зачисляет концепцию Ламанского в предысторию евразийства¹¹.

«Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам» Ламанского впервые были использованы в диссертационном исследовании О.В. Саприкиной¹², а в последующие годы частями публиковались в журналах *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (2016 г.) и «Соловьёвские исследования» (2022 г.). Публикация фрагментов шестого письма и заключения завершает издание труда Ламанского. В отличие от чистовой рукописи первых трех писем, шестое письмо и заключение представляют собой черновик, написанный рукой самого Ламанского, а не переписчика. Их рабочий характер объясняет лакуны в тексте, обозначенные квадратными скобками. Письма публикуются в соответствии с современными правилами орфографии на основе автографа, сохранившегося в фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 109. Л. 11–18).

⁸ См. подробнее: Малинов А.В. Восточный вопрос в политико-географическом учении В.И. Ламанского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 594–611 [8].

⁹ См.: К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. Материалы круглого стола / С.И. Бажов, А.Ю. Бердникова, К.В. Ворожихина и др. // Философский полилог. 2022. № 2. С. 116–124 [9].

¹⁰ См.: Селиверстов С.В. Две тенденции понимания «трех миров» в раннеевразийском дискурсе: В.И. Ламанский и И. Гаспринский (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 5. С. 166 [10].

¹¹ Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к востоку». Материалы круглого стола научного проекта издательства СПбДА «Византийский кабинет» / П.Н. Базанов, Р.Р. Вахитов, И.Б. Гаврилов и др. // Русско-византийский вестник. 2023. № 2. С. 12–52 [11].

¹² Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 [12].

Список литературы

1. Волкова Е.А. В.И. Ламанский и его ученики // *Философский полилог*. 2022. № 2. С. 61–72. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.178>
2. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского: контексты третьего письма (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // *Соловьёвские исследования*. 2022. Вып. 4. С. 49–64. DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.049-064.
3. Дмитриев А.П. Новое о цензурной истории славянофильских изданий – газет «Молва» и «Парус» и журнала «Русская беседа» (из неопубликованной переписки И.С. Аксакова и графини А.Д. Блудовой 1858–1859 гг.) // *Цензура в России: история и современность*. СПб.: Российская национальная библиотека, 2021. С. 152–178.
4. Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина, 1915. 25 с.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 3. Ед. кр. 46.
6. Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М.: ипогр. Катков и К°, 1867. 473 с.
7. Ламанский В.И. От редактора. Посвящается памяти дорогого товарища И.П. Минаева // *Живая старина*. 1890. Вып. I. С. XI–XLVI.
8. Малинов А.В. Восточный вопрос в политико-географическом учении В.И. Ламанского // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 594–611. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.413>
9. К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. Материалы круглого стола / С.И. Бажов, А.Ю. Бердникова, К.В. Ворожихина и др. // *Философский полилог*. 2022. № 2. С. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181>
10. Селиверстов С.В. Две тенденции понимания «трех миров» в ранневизантийском дискурсе: В.И. Ламанский и И. Гаспринский (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27, № 5. С. 160–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>
11. Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к востоку». Материалы круглого стола научного проекта издательства СПбДА «Византийский кабинет» / П.Н. Базанов, Р.Р. Вахитов, И.Б. Гаврилов и др. // *Русско-византийский вестник*. 2023. № 2. С. 12–52. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_2_12 EDN YXORII
12. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.

References

(Sources)

1. Lamanskiy, V.I. Ot redaktora. Posvyashchaetsya pamyati dorogogo tovarishcha I.P. Minaeva [From the Editor. Dedicated to the memory of dear comrade I.P. Minaeva], in *Zhivaya starina*, 1890, issue I, pp. XI–XLVI.
2. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF AРАН)* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF AРАН)], f. 35, op. 3, ed. khr. 46.
3. *Vserossiyskaya etnograficheskaya vystavka i slavyanskiy s"ezd v mae 1867 goda* [All-Russian ethnographic exhibition and Slavic congress in May 1867]. Moscow: Tipogr. Katkov i K°, 1867. 473 p.

Individual Works

4. Grot, K.Ya. *Vladimir Ivanovich Lamanskiy* [Vladimir Ivanovich Lamansky]. Petrograd: Tipografiya tovarishchestva A.S. Suvorina, 1915. 25 p.

(Articles from Scientific Journals)

5. Bazanov, P.N., Vakhitov, R.R., Gavrilov, I.B., Ermishina, K.B., Korol'kov, A.A., Malinov, A.V., Medovarov, M.V., Teslya, A.A., Fateev, V.A. Evraziystvo: pro et contra. K 100-letiyu vykhoda sbornika «Iskhod k vostoku». Materialy kruglogo stola nauchnogo proekta izdatel'stva SPbDA «Vizantiyskiy kabinet» [Eurasianism: pro et contra. To the 100th anniversary of the publication of the collection “Exodus to the East”. Materials of the roundtable discussion of the scientific project of the SPbDA Publishing House “Byzantine Study”], in *Russko-vizantiyskiy vestnik*, 2023, no. 2, pp. 12–52. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_2_12 EDN YXORII

6. Bazhov, S.I., Berdnikova, A.Yu., Vorozhikhina, K.V., Danilevskaya, O.N., Ermishina, K.B., Malinov, A.V., Sidorin, V.V., Smirnov, A.V., Teslya, A.A., Fetisenko, O.L. K 200-letiyu N.Ya. Danilevskogo. Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. Materialy kruglogo stola [To the 200th anniversary of N.Ya. Danilevsky. Creative heritage of N.Ya. Danilevsky: history and modernity. Materials of the round table], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2, pp. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181>

7. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. «Istoricheskie pis'ma ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego soplemennikam» V.I. Lamanskogo: konteksty tret'ego pis'ma (k publikatsii «Istoricheskikh pisem ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego soplemennikam» V.I. Lamanskogo) [V.I. Lamansky's “Historical Letters on the Relations of the Russian People to its Tribesmen”: Contexts of the Third Letter (to the publication of V.I. Lamansky's “Historical Letters on the Relations of the Russian People to its Tribesmen”)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 4, pp. 49–64. DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.049-064

8. Malinov, A.V. Vostochnyy vopros v politiko-geograficheskom uchenii V.I. Lamanskogo [The Eastern question in the political and geographical doctrine of V.I. Lamansky], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 594–611. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.413>

9. Seliverstov, S.V. Dve tendentsii ponimaniya «trekh mirov» v ranneevraziyskom dis-kurse: V.I. Lamanskiy i I. Gasprinskiy (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Two tendencies of understanding the “three worlds” in early Eurasian discourse: V.I. Lamansky and I. Gasprinsky (second half of the XIX – beginning of the XX)], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2022, vol. 27, no. 5, pp. 160–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

10. Volkova, E.A. V.I. Lamanskiy i ego ucheniki [V.I. Lamansky and his students], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2, pp. 61–72. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.178>

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

11. Dmitriev, A.P. Novoe o tsenzurnoy istorii slavyanofil'skikh izdaniy – gazet «Molva» i «Parus» i zhurnala «Russkaya beseda» (iz neopublikovannoy perepiski I.S. Aksakova i grafini A.D. Bludovoy 1858–1859 gg.) [New about the censorship history of Slavophile publications – newspapers “Molva” and “Parus” and the journal “Russkaya Beseda” (from unpublished correspondence of I.S. Aksakov and Countess A.D. Bludova 1858–1859)], in *Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Censorship in Russia: History and Modernity]. Saint-Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2021, pp. 152–178.

(Thesis and Thesis Abstracts)

12. Saprikina, O.V. *Akademik V.I. Lamanskiy (1833–1914): nauchnoe nasledie i obshchestvennaya deyatel'nost'*. Diss. ... kand. ist. nauk [Academician V.I. Lamansky (1833–1914): scientific heritage and public activity. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2004. 32 p.

УДК 1:008(091); 930
ББК 60.033.145:63.3:81.41

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры; НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник лаборатории критической теории культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

В.И. Ламанский

Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам. Письмо VI¹

Публикация и примечания А.В. Малинова

Aleksey Valeryevich Malinov

St. Petersburg State University, Doctor in Philosophy, Professor, Professor, Department of Russian Philosophy and Culture, National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher at the Laboratory of Critical Cultural Theory, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

V.I. Lamansky

Historical letters on the attitude of Russian people to their tribesmen. The letter VI

The publication and notes by A.V. Malinov

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.106-112

На земле нашей нет ни одного произведения Творца, которое бы отличалось такою сложностью своего состава и таким истинно изумительным внутри себя разнообразием, как царство животных и в особенности высший и благороднейший его отдел – род человеческий, получивший на свою долю не богатый запас сил физических, а великую мощь духа, крепкий разум, свободную волю, а с тем вместе и сообразно с такими особенностями и самый стройный и

¹ Публикация и примечания подготовлены А.В. Малиновым в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023.

совершенный на нашей планете организм. Истинный венец творения, существо по-видимому ничтожное и слабое, в силу этих даров, человек постепенно торжествует над грубыми, бессознательными стихиями, над всеми бессловесными тварями. С чем не вступит он в бой, всё отступает перед его неотразимую властью. С гордою радостью окидывая взглядом всё поныне пройденное поприще, частью смутно предчувствуя, отчасти с полным сознанием ясновидящего разума усматривая впереди целый ряд грядущих побед и завоеваний, ещё несравненно блистательнейших, величие и красоту предстоящих подвигов, ещё бесспорно славнейших, европейцы, эти так называемые сыны Афетовы, передовые деятели и вожди человечества, легко конечно могли увлечься и дойти до того вывода, что все другие братья наши, населяющие прочие страны и пребывающие ныне в каком то оцепенённом застое, погружённые в грубейшее невежество, уже искони веков и самую природою скудно одарены способностями и так сказать судьбою отданы нам в вечную неволю и рабство. Такой несколько феодальный и господский взгляд, если ничуть и не оправдывающий, то быть может несколько объясняющий, например, печальную участь негров, сам в свою очередь долго держался и ещё к несчастью держится в некоторых образованных *белых* обществах, именно благодаря допущенному в них позорному рабству, всегда отупляющему и развращающему те общества, в которых он заводится. В наше время терпеливые, добросовестные изыскания и наблюдения отважных путешественников, скромных тружеников науки окончательно рассеяли всякие нелепые басни, ходившие в Европе не только в 18 столетии и раньше, но и в начале нынешнего, о разных народах с хвостами и другими подобными особенностями в строении тела, а не только в наличьи, совершенно будто бы приближавших их к обезьянам. Незабвенные труды Блюменбаха², Кювье³, Причарда⁴, Бера⁵ и др. осязательно доказали всю основательность такого положения, что все известные физические особенности и внешние различия племён никоим образом не могут быть считаемы вековыми, неизменными, исключительными, что, напротив того, род человеческий, при всём своём разнообразии, составляет один только вид. В пользу единства рода человеческого ещё сильнее свидетельствует внимательное рассмотрение духовных особенностей племён людских, хотя наблюдателю поверхностному они то и представляются самым ярким доказательством первоначального, исконного неравенства племён и народов. В самом деле, что кажется общего у европейца, об-

² Блюменбах Иоганн Фридрих (1752–1840), немецкий антрополог, физиолог, медик, натуралист. Предложил деление человечества на пять рас.

³ Кювье Жорж Леопольд (1769–1832), французский натуралист, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии.

⁴ Причард Джеймс Коулз (1786–1848), английский врач, психиатр, этнолог и антрополог.

⁵ Бэр Карл Эрнст Риттер (Карл Максимович) (1792–1876), российский ученый немецкого происхождения, один из основоположников сравнительной анатомии и эмбриологии. Академик Императорской академии наук, один из основателей Императорского географического общества и этнографического отделения ИРГО. Учитель Н.Я. Данилевского.

ставленного всем привольем современного комфорта, располагающего всеми нынешними чудесами науки и промышленности, у смелого, отважного, просвещенного европейца с каким-нибудь забитым, несчастным готтентотом или остяком или океанийцем? Что за бесконечно громадное расстояние между бедным дикарём, преданным шаманству, фетишизму и каким-нибудь Шекспиром⁶, Коперником⁷, Декартом⁸, Ньютоном⁹, Лейбницем¹⁰, Гёте¹¹ и Гумбольдтом¹²? Различие так громадно, что на первых порах исчезает малейшая охота долее настаивать на исконном неравенстве племён земных. Но ум строгий, непривыкший останавливаться на первой блеснувшей мысли, уступает необдуманно первому представившемуся возражению, а при рассмотрении всякого вопроса подбирающий все подлежащие к допросу данные, преследующий мысль до малейших оттенков, проникающий в самое сердце дела и здесь прежде всего отличает то, что эти упомянутые и им подобные личности и в кавказской расе представляются особняками, считаются людьми необыкновенными, что самые эти великаны мысли не лишены разных обыкновенных человеческих слабостей и недостатков, что не только их мелкие страсти, но и самые их великие труды и подвиги вполне изобличают всю ограниченность человеческого разума. Сколько люди понесли самых страшных трудов, самых тяжких жертв и страданий для открытия самой простой, самой обыкновенной истины, для приведения в действие самых естественных, самых добрых желаний! Какою суровою борьбою исполнена жизнь каждого из великих подвижников, лучших украшений человечества, – борением и битвами не только с окружающею их средою, но и с самими собою, с собственными увлечениями и страстями, с теми тёмными силами человеческого духа, которые тем страшнее и опаснее, чем богаче и могучее личность. Сколько величайших людей кавказской расы впадало в величайшие преступления, вверяясь самой пошлой грубой лести, увлекаясь гордым самоупоеанием, представляя собою образцы безумнейшего разгула самых диких страстей, самого отвратительного и безобразного произвола. Ежедневный опыт и самонаблюдения вручают нам сотни ярких свидетельств тому, что внутри каждого из нас живут самые дрянные страсти, самые нечистые и грубые склонности, самые невежественные предрассудки, самое тупое непонимание своего долга и своих прав, как легко и совершенно поддаётся им человек, лишь

⁶ Шекспир Вильям (1564–1616), английский драматург и поэт.

⁷ Коперник Николай (1473–1543), польско-немецкий астроном, математик. Автор гелиоцентрической модели мира.

⁸ Декарт Рене (1596–1650), французский философ и математик, основоположник рационализма.

⁹ Ньютон Исаак (1642–1727), английский физик, математик, механик, астроном.

¹⁰ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, языковед, историк, дипломат.

¹¹ Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), немецкий поэт, писатель, драматург, государственный деятель.

¹² Гумбольдт Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд (1767–1835), немецкий, филолог, языковед, государственный деятель.

только он теряет самообладание и покидает его дух правды и любви, этот центр тяжести нашего духа, необходимый для его равновесия. От текущей ли жизни обратимся к великим историческим эпохам, даже наименее отдалённым, ещё более убедимся, что грубость и жестокость нравов, недалёковидность и тупость ума, все те мрачные стороны, в которых мы так упрекаем, иногда весьма преувеличенно, народов не кавказской крови вообще и так называемых дикарей, в особенности, в значительной степени встречаются в самых образованных обществах. Чтобы не ходить далеко, приведём себе только на память историю езуитов и ряд их благочестивых подвигов, инквизицию, Варфоломеевскую ночь¹³, утверждение католицизма в Чехии после Белогорской битвы¹⁴, религиозную вражду, возгоревшую за унию в Польше¹⁵, Ивана IV¹⁶ и Петра I¹⁷, двух великих, но грозных деятелей нашей истории, времена которых и курляндского герцога Бирона¹⁸ и распутного Людовика XV¹⁹ со всем развратом Версаля, все его более или менее удачные копии, а там гнев и мщение выведенного из терпения народа, кровавый террор его с его законным приемником Наполеоном²⁰, в котором так удивительно сочетались величие науки, гениальность ума с самым безудержным и диким произволом.

Человек мыслящий и наблюдательный без сомнения не применёт отвечать отрицательно на вопрос: разве в современных образованнейших обществах исчезли все малейшие следы грубости, дикости, даже зверства и бесчеловечия, одним словом всех тех свойств, которыми отличались предки нынешних западных европейцев, и которыми они весьма походили на нынешних так называемых дикарей американцев. Разве нынешняя Германия, Франция и Англия совершенно уже избавились от разных привычек, порядков и обычаев, от целых наконец учений и учреждений, совершенно не совместимых с истинным христианским учением свободы, братства и любви и даже совершенно ему противоположных? Что

¹³ Варфоломеевская ночь – массовое убийство протестантов (гугенотов) во Франции в ночь на 24 августа 1572 г., накануне дня св. Варфоломея.

¹⁴ Белогорская битва – сражение 8 ноября 1620 г. у Белой Горы под Прагой, в котором войско чехов-протестантов потерпело поражение от армии Католической лиги. Итогом поражения стали массовые репрессии против чехов.

¹⁵ Брестская уния – акт о присоединении Киевской митрополии Константинопольского патриархата к Римско-католической церкви, принятый на соборе в г. Бресте 9/19 октября 1596 г. Сопrotивление Брестской унии привело к серии казацких войн на Украине и в итоге к вхождению Левобережной Украины в состав Московского государства.

¹⁶ Иван IV Грозный (1530–1584), государь и великий князь московский (с 1533 г.), первый царь всея Руси (с 1547 г.).

¹⁷ Петр I Алексеевич (1672–1725), с 1682 г. русский царь из династии Романовых, с 1721 г. первый Император Всероссийский.

¹⁸ Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский, регент Российской империи (1740 г.).

¹⁹ Людовик XV (1710–1774), французский король из династии Бурбонов (с 1715 г.).

²⁰ Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804–1814 гг., 1815 г.).

же сказать об Италии, Испании с их папами, кардиналами, езуитами и со всем их причтом, а Турции не миллионы ли христианского населения и кавказской расы повержено в грубое невежество. Немецкая Порта с своими езуитами, шпионами, жандармами вместо [...] фанариотами и башибузуками не доказывают ли самим своим присутствием в среде европейских держав, не свидетельствуют ли о той тупости и злобе, о дикости и бесчеловечии, которые поныне ещё далеко не везде из общественности самых великих, могущественных и образованных народов мира, уже давно просветлённых христианством. Вместе с тем и новейшие показания и изыскания добросовестных путешественников, миссионеров и языковедов с каждым можно сказать днём убеждают нас всё сильнее и сильнее, что прежние наши сведения о чрезмерной тупости и совершенном зверстве народов диких были во многом преувеличены, что обломки старых преданий, религиозных верований и [...] указывают на то, что эти народы находились иногда на высшей степени развития, что современное их состояние дикости гораздо правильнее называть состоянием огрубелости, одичалости что в этих несчастных сынах природы заключается много добрых и прекрасных душевных свойств, которые только ждут кроткой евангелической проповеди. В самом деле, ныне стало несомненною истинною то, что нет в мире народа, который был бы неспособен к учению христианства, этого божественного и вместе столь человеческого учения, как [...] всем глубочайшим и сокровенным основам человеческого духа, что распространение [...] не столько неприготовленностью и нерасположением к нему народов, сколько тот путь которым оно к сожалению к ним проникало, те распри и ссоры проповедников разных несопадающих, взаимно мешавших друг другу, собственно пример европейцев, их жадности и своекорыстия, от соприкосновения с которыми дикари гибли и гибнут не оттого собственно, [...] сколько оттого, что они развратили их, знакомя с одними внешними видами своей цивилизации, ещё чаще потому, что сознательно губили их, подавляя их своею силою, а «сила солону ломит». Что эти свидетельства современных нам французов, англичан, немцев справедливы, в том убеждаемся мы, славяне, нашу родною историю. Соплеменники наши славяне балтийские в VI–IX в. занимавшие всё Поморье между Вислою и Лебою (Эльбою) и некоторые острова, как например Руен (Рюген), Фелибру (Фелери) и др. менее значительные, пустившие свои выселки на о-ва Датские, в Голландию и даже Англию, эти соплеменники наши совершенно теперь погибли, утратили свою народность и обратились в немцев во все не потому, что бы эти последние были способнее, выше нас, славян, а собственно и единственно потому, что несчастные соплеменники наши, вследствие особых обстоятельств, поставлены были в такую дилемму – или принять христианство и поработиться немцам или сохранить свободу, народность и остаться язычниками. Конечно, христианство, даже в искажённом виде, должно было взять верх и дело славян было проиграно. В X–XI в. сами немцы сознавали, что славяне-язычники на попроще гражданственности во многом опередили их. До нас дошло не мало друг другу посторонних свидетельств немецких источников,

описывающих славянские языческие храмы и удивляющихся их искусному строению, их резьбе, поныне столь любимой всеми славянами. [...] Арабские монеты и резные [...] подтверждают эти свидетельства. Эти славяне, которых так хвалили немецкие летописцы за их добродушие, гостеприимство,

Заключение первой части, т.е. исторического обзора отношений славян к иноплеменникам

Придя к отношениям южных славян, болгар и сербов к туркам, мы остановились на великом Восточном вопросе, уже несколько десятков лет занимающем внимание европейских публицистов и политиков, мыслителей и учёных. Указали на два возможных его решения. 1) в смысле благоприятном для З. Европы и не благоприятном для турецких славян, т. е. Турция обратиться в вассальное владение одной Австрии или соединённых западноевропейских держав, или важнейшие славянские провинции Турции преимущественно будут предоставлены Австрии, взамен Венеции, которую она отступит Италии. 2) в смысле не благоприятном для З. Европы и особенно для Австрии и Германии вообще, и благоприятном и единственно желаемом для славян турецких: усиление княжества за счёт Боснии, Герцеговины.

Все нравственные и материальные интересы одинаково заставляют как Россию, так и славян турецких и австрийских всячески стараться о том, чтобы помешать решению восточного вопроса в смысле австрийском, австрийском и вообще западноевропейском. На наше счастье, Западная Европа далеко не отличается внутренним согласием и единодушием. Россия имеет полную возможность мешать утверждению против неё обще-европейского союза или что главное становится всегда между Франциею и Англиею, а без союза этих двух великих держав не мыслим никакой европейский союз против России. Сверх того, в дальнейшем развитии и укреплении наших дружественных связей с С[еверо-]Америк[анскими] Соедин[енными] Штатами русская политика имеет важный и прочный залог к успешному решению Восточного вопроса. Таковы главнейшие условия и требования *мудрой* русской политики. Но мудрость внешней политики каждой державы теснейше зависит от мудрости и национальности её внутренней политики. Но ни внешнее, ни внутреннее благосостояние и развитие государства не возможно без участия общества и народа, без сильного развития народного самосознания, без пробуждения и напряжения самобытных народных творческих сил.

Таким образом, только самостоятельное движение русской литературы и науки, только вполне народное, чисто славянское направление нашей мысли и образованности может обеспечить наши политические успехи вообще и в Восточном вопросе, в особенности.

Мы уже знаем, что такое направление нашей образованности есть первое и главное условие распространения русского языка вне пределов Русского государства и особенно и прежде всего у славян южных и западных.

Обращаясь к славянству, мы заметили, что турецкое иго над сербами и болгарами есть торжество Азии над Европой, ислама над христианством и, следовательно, противно прогрессивному требованию истории. Вместе с тем, оно принадлежит к одному порядку явлений с некогда бывшим господством авар, печенегов, половцев, монголов над славянами. В некоторых отношениях на это явление схоже нынешнее преобладание и господство мадьяр в Угрии. Чтобы турки не сделались, подобно мадьярам, орудием западноевропейцев против славян, нужно ещё кроме усиления России и самобытного духовного возрождения и освобождения южных и западных славян от чужих иностранных влияний. А это невозможно без общего дипломатического языка и общего органа высшей образованности для всех славян.

Таким органом, таким языком может быть только язык русский.

Возникновение новой славянской образованности с общечеловеческим и всемирно-историческим значением не иначе возможно, как в форме русской образованности – это видно из следующих соображений.

В каждой народной образованности есть четыре главных действующих начала, не одинаковой важности, но в сочетании, соединении своём одинаково необходимых для полнейшего её процветания.

Эти 4 движителя суть 1) просветительное начало. 2) крепость народного быта и обычая, богатство, свежесть и разнообразие народного языка, одним словом, непосредственная, творческая жизнь народа, - та произвольная деятельность народа, которая противостоит деятельности произвольной, сознательной и [...], деятельность [...] что немцы иногда называю культурою, 3) разнообразие местных географических условий, климатов [...] течение рек и т. д. 4) разнообразие внешних иноплеменных, иноземных влияний, которые будут восприняты народом сообразно особенностям его страны и быта, самостоятельно переработаны в горниле народного духа и подчиняются его просветительному началу, его духовно-нравственному идеалу.

Во всех этих 4 отношениях Россия не только превосходит каждый славянский народ в отдельности, но и всех западных и южных славян вместе.

ПАМЯТИ Н.Ф. ФЕДОРОВА (1829–1903)

IN MEMORY OF N.F. FEDOROV (1829–1903)

УДК 1(091) + 882

ББК 87.3(2) + 83.3(2)

Анастасия Георгиевна Гачева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья; Московская высшая школа социальных и экономических наук, ведущий научный сотрудник; библиотека № 180 имени Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО, главный библиотекарь, научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: вопрос о смысле и целях искусства.

Статья первая.

О чем спорили Брюсов и Федоров в доме Ю.П. Бартенева

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования проблемы духовно-творческого диалога родоначальника русского символизма В.Я. Брюсова и философа общего дела Н.Ф. Федорова. В работах российских и зарубежных исследователей этот диалог изучался в плане интереса В.Я. Брюсова к космическим темам, в контексте его теории научной поэзии. В центре внимания настоящего исследования вопрос о смысле и целях искусства. Впервые с привлечением новых, в том числе архивных, источников рассматривается реакция Н.Ф. Федорова на встречу с В.Я. Брюсовым, состоявшуюся 20 апреля 1900 г. в доме Ю.П. Бартенева. Показано, как возникший во время этой встречи мировоззренческий спор отразился в позднем творчестве философа. Раскрыто содержание спора и взаимосвязанность двух его тем – возможность/невозможность преодоления смерти и отношение к идеям Ф. Ницше. Проанализированы фрагменты статей и заметок Н.Ф. Федорова, в которых упоминается его спор с В.Я. Брюсовым. Реконструировано восприятие Н.Ф. Федоровым декадентства, мировоззренческий комплекс которого, как и идеи нового религиозного сознания, философ связывал с духовным кризисом эпохи fin de siècle, противопоставляя ему идею активного христианства, соработничества человека Богу в истории. Показано, как в полемике с ницшеанской эстетикой и эстетикой декаданса формируется литургическая эстетика Н.Ф. Федорова, в центре которой образ искусства как внехрамовой литургии. Рассмотрено отношение Н.Ф. Федорова к символизму, которому он противопоставлял религиозное понимание символа.

Ключевые слова: наследие Н.Ф. Федорова, творчество В.Я. Брюсова, мировоззренческий диалог, философия Ф. Ницше, эстетика декадентства, литургическая эстетика

Anastasia Georgievna Gacheva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russia Abroad; Leading researcher at the Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian, researcher at the Fedorov's Library no. 180 of the OKC of the Southern Administrative District of Moscow, Russia, Moscow, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

V.Y. Bryusov, N.F. Fedorov and the Fedorovians of the 1900s-1920s: The Question of Meaning and Goals of Art

Article one:

What were Bryusov and Fedorov Arguing about in the House of Yu.P. Bartenev

Abstract: The article is the first part of the study of the problem of spiritual and creative dialogue between the founder of Russian symbolism V.Y. Bryusov and the philosopher of common cause N.F. Fedorov. In the works of Russian and foreign researchers, this dialogue was studied by V.Y. Bryusov, in terms of the poet's interest in cosmic themes, in the context of his theory of scientific poetry. In this study, the focus is on the question of the meaning and purpose of art. For the first time, with the involvement of new, including archival sources, the reaction of N.F. Fedorov to the meeting with V.Ya. Bryusov, held on April 20, 1900 in the house of Yu.P. Bartenev, is considered, it is shown how the ideological dispute that arose during this meeting was reflected in the late work of the philosopher. The content of the dispute and the interrelation of its two themes – the possibility/impossibility of overcoming death and the attitude to the ideas of F. Nietzsche are revealed. Fragments of articles and notes written by N.F. Fedorov, in which his dispute with V.Y. Bryusov is mentioned, are analyzed. N.F. Fedorov's perception of decadence is reconstructed, the philosophical complex of which, as well as the ideas of the new religious consciousness, the philosopher associated with the spiritual crisis of the fin de siècle era, contrasting them with the idea of active Christianity, man's cooperation with God in history. It is shown how N.F. Fedorov's liturgical aesthetics is formed in the polemic with Nietzschean aesthetics and decadence aesthetics, in the center of which is the image of art as an extra-temple liturgy. The relation of N.F. Fedorov to the current of symbolism, to which he opposed the religious understanding of the symbol, is considered.

Key words: N.F. Fedorov's legacy' Y.Y. Bryusov's works, ideological dialogue, philosophy of F. Nietzsche, aesthetics of decadence, liturgical aesthetics

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.113-131

Мировоззренческий и творческий диалог В.Я. Брюсова с наследием Н.Ф. Федорова – яркая, но до сих пор недостаточно изученная страница жизни и творчества одного из родоначальников и ведущих деятелей русского символизма. В равной степени интересен и значим этот диалог и для реконструкции последних лет жизни Московского Сократа¹, который на рубеже 1900-х гг. внимательно присматривался к новейшим течениям в области философии и лите-

¹ Так назвал Федорова С.Н. Булгаков в статье «Загадочный мыслитель» (1908) (см.: Булгаков С.Н. Загадочный мыслитель (Н.Ф. Федоров) // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. С. 287 [1].

ратуры, вступая с ними в идейную полемику. Исследователями русского символизма и историками русской мысли тема «В.Я. Брюсов и Н.Ф. Федоров» преимущественно рассматривалась в контексте проблемы влияния федоровских идей на поэзию Брюсова, его интереса к космической теме, разработки теории «научной поэзии», а также в свете изучения традиции художественного космизма². Мы же попытаемся представить взаимодействие Федорова и Брюсова как двустороннее, привлекая данные, полученные в процессе работы над научным собранием сочинений Н.Ф. Федорова 1995–2000 г., двухтомником «Н.Ф. Федоров: pro et contra», а также в процессе начатой в 2018 г. и продолжающейся по сей день работы над созданием Федоровской энциклопедии. Рассмотрим также сюжет диалога с поэтом деятелей Федоровианы первой трети XX в., веки которого существенно проясняются в связи с изданием сочинений и писем последователя идей Федорова, философа, поэта, эстетика А.К. Горского, вышедших в 2018 г. в научной серии ИМЛИ РАН «Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов». Обращение к указанным материалам дает основание утверждать, что в центре федоровско-брюсовского сюжета, который не завершился смертью Федорова в 1903 г., но был подхвачен последователями философа, лежит вопрос о смысле и целях искусства, неразрывный с вопросом о смысле истории и назначении человека.

О Н.Ф. Федорове В.Я. Брюсов узнал в конце 1890-х гг., когда стал секретарем и постоянным сотрудником журнала «Русский архив». Редактор журнала П.И. Барте́нев был знаком с «идеальным библиотекарем» и философом общего дела еще с 1869 г. (они вместе работали в Чертковской библиотеке, первой «всеобщей библиотеке России»), а его сыновья Юрий и Сергей, с которыми Брюсов тесно общался в конце 1890–начале 1900-х гг., глубоко сочувствовали учению Н.Ф. Федорова³. Ю.П. Барте́нев содействовал публикации на страницах «Русского архива» статей Федорова и его друга и ученика В.А. Кожевникова, а С.П. Барте́нев, впечатленный одной из бесед с философом в Каталожной Румянцевского музея, состоявшейся 30 октября 1895 г.,

² См.: Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академический проект, Парадигма, 2019. С. 209, 239, 560–564 [2]; Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект, Парадигма, 2016. С. 300–306 [3]; Hagemeister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. S. 203–208 [4]; Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый и Н.Ф. Федоров // Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб.: Изд-во «Скифия», ИД «Галас», 2004. С. 96–100 [5]; Батыр Т.Б. Мотивы философии Н.Ф. Федорова в творчестве В.Я. Брюсова // Славянские чтения. 2013. № 2(8). С. 135–147 [6]; Хайруллин К.Х. Космизм Валерия Брюсова // Дети Ра. 2016. № 12(146). URL: http://detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=17721. Дата обращения: 25.10. 2023 [7]; Карако П.С. В.Я. Брюсов как поэт природы и представитель русского космизма // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. 2021. № 2(58). С. 98–105 [8]; Рублева Н.И. «Космос как предчувствие» (Тема космических полетов в литературе Серебряного века) // Будущее как сюжет: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3. Вологда: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 69–78 [9].

³ См.: Барте́нев Ю.П. Памяти Николая Федоровича Федорова // Русский архив. 1904. № 1. С. 191–192 [10]; Барте́нев С.П. Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122 [11].

даже написал программное стихотворение в прозе, в котором выводил образ пророка, призывающего к общему делу: «Довольно спать, опьяняться забавами и в бессмысленной борьбе убивать друг друга. Бросьте рознь! <...> Трубите в трубы, звоните в колокола и искру благовести воскресения раздувайте в пламя! Пусть колокольным звоном призыва зальется вся земля и пламя охватит пожаром всю вселенную. <...> Всеми и для всех совершится долг воскрешения сынами отцов» [12, с. 636].

Единственная встреча В.Я. Брюсова и Н.Ф. Федорова произошла 20 апреля 1900 г. в доме Ю.П. Бартенева. Дневниковая запись Брюсова, сделанная на следующий день, сжато и емко фиксирует содержание состоявшегося диалога:

«Сначала был у Черногубова и говорил о Фете. Потом у Ю. Бартенева. Там, кроме Кожевникова, видел Николая Федоровича (Федорова), великого учителя жизни, необузданного старца, от языка которого претерпевали и Соловьев (Вл.), и Толстой (Л.Н.). С самого начала разговора он меня поразил.

– Как-никак, а умереть-то нам придется, – сказал я.

– А вы дали труд себе подумать, так ли это? – спросил Николай Федорович.

Речь шла о Ницше, и вообще Николай Федорович нападал на меня жестоко. Я остался очень им доволен и, уходя (я спешил), благодарил его» [13, с. 2].

Уже эта краткая запись, сделанная непосредственно по следам встречи, показывает, что спор, развернувшийся между Федоровым и Брюсовым, был по-настоящему острым, а со стороны Федорова – и достаточно резким. Подтверждение находим в письме Ю.П. Бартенева, хозяина дома, В.Я. Брюсову, отправленном 21 апреля:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Мне весьма обидно, что Вы вчера у нас подвергнулись столь свирепому нападению несомненно замечательного, но невыдержанного старца. Не сетуйте на меня и снисходительно отнеситесь к 80-летнему мыслителю, от которого претерпевали и Соловьев, и Толстой. Его необузданный язык и горячий нрав ничем не могут быть удержаны, вчера он только что приехал из Асхабада, где живет его Аарон⁴. Смотри на него, я все больше убеждаюсь, как слаб даже самый святой человек.

Еще раз убедительно прошу извинить меня за инцидент.

Ваш Юрий Бартенева» [14, л. 11].

Очевидные, почти текстуальные совпадения в характеристике Федорова, обнаруживаемые в этом письме Ю.П. Бартенева и дневниковой записи В.Я. Брюсова («невыдержанный старец», «необузданный язык», «мыслитель, от которого

⁴ Речь идет об ученике Н.Ф. Федорова Н.П. Петерсоне, который в начале 1899 г. был переведен по службе в г. Асхабад. Н.Ф. Федоров приехал в Асхабад в августе 1899 г., а вернулся в Москву 20 апреля 1900 г.

претерпевали и Соловьев, и Толстой» – у Бартенева, «необузданный старец, от языка которого претерпевали и Соловьев (Вл.) и Толстой (Л.Н.)» – у Брюсова), заставляют предположить, что дневниковая запись была сделана после получения данного письма. При этом Брюсов, создавая с опорой на текст Бартенева словесный портрет Федорова и, вопреки его опасениям, ничуть не обижаясь на резкие выпады «старца», делает главный акцент не на форме, а на содержании спора, выделяя два его вектора: вопрос о неизбежности/преодолимости смерти и вопрос о философии Ницше.

Оба эти вопроса для самого Федорова были взаимосвязаны. Философия Ницше, пик популярности которой пришелся на конец 1890–начало 1900-х гг., представлялась ему трагическим соединением антропологического бунта против мещанской морали, против трусливых ограничений человеческого воления и свободы, с одной стороны, и пассивности в отношении смерти – с другой. На это роковое противоречие Ницше, стремившегося за пределы добра и зла, но не дерзнувшего призвать к устранению главной смертной преграды, Федоров настойчиво обращает внимание в целой серии статей и заметок, созданных на рубеже 1900-х гг. и представляющих собой напряженный, разворачивающийся в мыслительном и духовном пространстве эпохи спор с Ницше⁵ как одним из ее идейных кумиров, как с пророком сверхчеловечества, стремившимся задавать тон не только в философии, но и в жизни.

Подхватывая перчатку, дерзко брошенную автором Заратустры⁶ цивилизации как вызов привычному ей образу действия, устоявшемуся жизненному укладу, стереотипам мышления и поведения (для немецкого философа они не более чем филистерство, фиговый листок, прикрывающий леность и бессилие духа, нежелание двигаться вперед и вверх, создавая «что-нибудь выше себя»⁷, согласие на позорную участь полуживотного-получервя), Федоров указывал на стереотипность и недостаточную смелость мышления самого Ницше, который, чувствуя «необходимость для человека чего-то высшего» и воплощая эту потребность в образе «сверхчеловека», растрчивает «свои силы на младенчески-тщеславное превознесение» себя над другими людьми, коих он считает копошащимися в прахе «пигмеями», не дерзающими ни летать, ни мечтать о полете, и в результате «просматривает и оставляет без внимания общего врага-титана – смертоносную силу природы. Призывая к борьбе с себе подобными, Ницше не

⁵ О полемике Н.Ф. Федорова и Ф. Ницше см.: Zakydalsky T. Fedorov's Critique of Nietzsche, the «Eternal Tragedian» // Nietzsche in Russia / Ed. V.G. Rosental. N. Y., 1986. P. 113–125 [15]; Семенова С.Г. Николай Федоров и Фридрих Ницше // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 937–963 [16]; Гачева А.Г. «Христианство против ницшеанства»: Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев в полемике с Ф. Ницше // Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 313–331 [17].

⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5–238 [18].

⁷ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 8 [18].

зовет к борьбе с источником всеобщих бед, всеобщего зла; бессильно, мало-душно мирится со смертью, с утратами»⁸.

Неоднократно в статьях и заметках о Ницше Федоров подчеркивал, что его бунт не может быть остановлен гуманистической риторикой и этикой в ее привычном секулярном изводе, утишен и сглажен всевозможными нравоучениями и душеспасительными призывами. Преодоление нищезанятия невозможно на путях старой «фарисейской» морали, отрицающей насилие над человеком как зло, но при этом признающей естественность смерти, закономерность и законность старения и умирания. Оно требует подлинной богочеловеческой этики, устремленной к преодолению смерти, воздвигающей императив возвращения к преображенной, бессмертной жизни всех жертв истории.

Ницше призывал не только за пределы добра и зла, но и за пределы христианства, которое он яростно и жестко разоблачал, обвиняя в слабости, творческой импотенции, отсутствии радости и презрении к живой жизни. Что касается Федорова, то он неоднократно подчеркивал, что пассивная, мироотрицающая религиозная установка неспособна противостоять витальной силе и дерзкому напору автора идеи сверхчеловека: «<...> Философия Ницше требует уже необходимо как реакция против себя христианства активного»⁹, христианства, не идущего на компромисс с послегрехопадным порядком природы, которая вводит в мир новые существа и безжалостно их умерщвляет, как это сделал немецкий философ в идее «вечного возвращения», пытаясь заслониться ею от трагедии смерти. Христианство – не религия пассивности, а религия деятельного сопротивления величайшему злу – смерти. А это зло мы особенно остро чувствуем через утраты дорогих нам людей, и прежде всего наших родителей, «которые нам дали или – вернее – отдали свою жизнь»¹⁰. Не *вечное возвращение*, а *всеобщее воскрешение* – таким, по Федорову, должно быть то подлинное дело, которого жаждет ницшевский Заратустра.

Глубокая убежденность в том, что путь к «высшему человеку»¹¹, апологию которого строит Ницше, лежит не по ту сторону добра и зла, а в исполнении Христова завета «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48), неразрывного с заповедью о любви и единстве, прозвучавшей в Первосвященнической молитве Спасителя, что подлинное сверхчеловечество есть воскрешенный, восстановленный во всей полноте человеческий род, и двигала Федоровым в его горячем споре с Брюсовым, поэтом-родоначальником нового течения в искусстве, претендовавшего на то, чтобы задавать не только эстетический, но и духовный тон современности. Мыслитель пытался донести до одного

⁸ См.: Федоров Н.Ф. Шляхтич-философ // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 132 [19].

⁹ См.: Федоров Н.Ф. Христианство против нищезанятия // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 145 [20].

¹⁰ См.: Федоров Н.Ф. Конец сиротства: безграничное родство // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 202 [21].

¹¹ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 206.

из ведущих творцов эпохи главный идейный нерв учения о воскрешении, как в свое время раскрывал свои идеи Л.Н. Толстому и В.С. Соловьеву, надеясь, что они подхватят, укрепят их собственным авторитетом и вынесут в мир.

Примечательно, что позиция Федорова по отношению к Ницше прямо перекликалась с позицией Соловьева, идеи которого уже производили свою созидательную работу в сознании будущих теоретиков младосимволизма А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, формируя их представление об искусстве не просто как орудии идеалотворчества, но как о субъекте богочеловеческого процесса, призванного «одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь»¹². В статье «Идея сверхчеловека» (1899 г.), указывая на присутствующий в ницшеанстве импульс восхождения человека к новой, высшей природе, он подчеркивает, что подлинный «“сверхчеловек” должен быть прежде всего и в особенности победителем смерти», «исполнителем тех условий, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерев, воскреснуть для вечной жизни», уточняя при этом, что совершить эту задачу возможно лишь в поле веры: «Задача смелая. Но смелый – не один, с ним Бог, который им владеет»¹³.

Диалог с В.Я. Брюсовым фактически встраивался в разворачивавшийся на протяжении двух десятилетий полилог Федорова с Л.Н. Толстым и В.С. Соловьевым, о котором упоминают Ю.П. Баргенов и В.Я. Брюсов. Но главное – этот диалог не завершился 20 апреля, а продолжился в заочном формате, перейдя на страницы федоровских писем, статей и заметок, ибо Федоров не раз возвращался умом и сердцем к своему разговору с поэтом – то иронически, то саркастически, то полемически-взволнованно. Так, в заметке «Бульварная апология смерти» он полемически разбирает статью издателя и главного редактора французского журнала *Revue des revues* Жана Фино «Влюбленным в жизнь», вошедшую в его книгу «Философия долголетия». Фино, выступая за продление жизни, объявлял причиной преждевременной смерти самый «страх смерти» и доказывал, что смерть не зло, а естественное продолжение жизни элементов тела умершего в новых, простейших формах, на атомарно-клеточном уровне. Федоров, для которого смерть есть источник и выражение предельного зла, проявление ущерба бытия, зримое свидетельство того, насколько далеко отстоит послегрехопадный порядок природы с его «взаимным стеснением и вытеснением»¹⁴ от неслиянно-нераздельного единства творения, образ которого явлен в Пресвятой Троице, с горечью констатирует: «Вместо мужественного призыва к борьбе со смертью ребячески советуют не смотреть на нее, уклоняются от добросовестного анализа ее причин и следствий» [25, с. 205]. Упрекая Фино в непоследовательности и внутренних противоречиях, Федоров проводит па-

¹² См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 404 [22].

¹³ См.: Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 632–633 [23].

¹⁴ См.: Федоров Н.Ф. Молитва о всеобщем спасении // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 48 [24].

раллель между ним и Львом Толстым, который, восставая против войны и смертной казни, настаивая на соблюдении евангельской заповеди «Не убий!», тем не менее утверждает, что «смерть – хорошая вещь»¹⁵. В.А. Кожевников, готовивший заметку «Бульварная апология смерти» к печати для II тома «Философии общего дела», приводит в примечании к ней обнаруженную им в бумагах Федорова заметку следующего содержания: «Просмотрев номер газеты, насчитал пять смертоубийств и подумал, согласно с Брюсовым, повторяющим слова Толстого, неизменно верного своей заповеди “не думания” и уверяющего, что “смерть хорошая вещь”, – сколько прекрасного совершилось в одной Москве! а в целом мире ежеминутно, быть может ежесекундно, совершаются подобные же прекрасные вещи; еще же лучше было бы, если бы почаще были войны да эпидемии. Как же можно говорить, что жизнь дурна, когда в ней так много хорошего?! А так называемая цель истребления, взаимного пожирания – какие прелести!» [25, с. 205].

Это сарказм, но сарказм, за которым стоит то же чувство, с которым в свое время Достоевский в январе 1881 г. читал переданные ему А.А. Толстой письма Л.Н. Толстого, где писатель, переживший религиозный кризис, излагал идеи своего религиозно-нравственного учения, формирование которого началось в конце 1870-х гг. Вот как вспоминала об этом А.А. Толстая:

«Вижу еще теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял:

– Не то, не то!..» [26, с. 258].

Такое же отчаянное «не то, не то» повторял Федоров на рубеже 1900-х годов, реагируя на всплеск декадентства, появление нового религиозного сознания и рождение символизма. Осенью 1903 г. мыслитель весьма осторожно отнесся к желанию своего ученика Н.П. Петерсона, вступившего в контакт с редакцией журнала «Новый путь», напечатать там изложение учения всеобщего дела. Сознавая, что религиозно-философские искания начала XX в. вызваны напряженным духовным алканием, ощущением трагического разрыва между путями веры и путями культуры, он в то же время боялся, что нарастающее духовное брожение станет не обновлением, а разрушением Церкви. И если идеологи «нового религиозного сознания» Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, П.П. Перцов, объявившие о разрыве с позитивизмом «отцов» и обращении к метафизическим и мистическим темам, назвали свой журнал «Новый путь», то Федоров предлагает дать изложению учения всеобщего дела символическое название «Старый путь, или Пасхально-Кремлевский, т. е. Кладбищенский вопрос»¹⁶, подчеркивая, что в его основе не мистика и метафизика, а Христов завет, прозвучавший еще две тысячи лет назад: «Мертвых воскрешайте!» (Мф. 10: 8).

¹⁵ См.: Федоров Н.Ф. Бульварная апология смерти // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 205 [25].

¹⁶ См.: Письмо Н.Ф. Федорова В.А. Кожевникову. 1 июля 1903 // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 480 [27].

Главной ошибкой «интеллигентов», ходящих новым или нынешним путем»¹⁷, апологетов новейших идейных и художественных течений, Федоров считал саддукейское неверие в воскрешение, парадоксальное соединение громкого идейного реформаторства с признанием неизбежности и нормальности смерти. Этот тезис мыслитель не раз повторяет в статьях, заметках и письмах последних лет, подчеркивая вопиющую нравственную глухоту заявляющих: «На что воскрешение нужно?». Как когда-то в Католическом музее, куда приходили к «идеальному библиотекарю» Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев, А.А. Фет и Н.Н. Страхов и где велись споры о предельных, «последних вещах», в которых углублялось и обогащалось новыми смыслами федоровское учение о воскрешении, так и теперь на собраниях в домах друзей и учеников – В.А. Кожевникова и Ю.П. Бартенева, а в последние три года жизни – в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, где Федоров работал вольнослужащим и куда приходили к нему и бывшие всегдашние Католической, и новые собеседники и совопросники, он продолжает свой призыв «к делу Божию», «общему для всех, родному и близкому для каждого», к «участию всех в самом великом благе: не пожертвования своей жизнью для спасения других, а спасения всех, т.е. себя самого, во всеобщем воскрешении»¹⁸. Сбивая автоматизм восприятия, стремясь разбудить в своих собеседниках совесть и стыд, он предлагает таким образом переформулировать риторический вопрос, зачем воскрешение нужно, на который его собеседники готовы ответить лишь в отрицательном смысле: «На что нужно возвращение жизни тем, которых мы вытесняем, или коих мы, живущие, пережили?» [28, с. 203].

В июле 1900 г., спустя два с половиной месяца после встречи с Брюсовым в доме Бартенева, Федоров вновь возвращается к идейному спору с ним. Поводом становится статья критика-народника М.А. Протопопова «Беллетристы новейшей формации», появившаяся в № 3–4 журнала «Русская мысль». М.А. Протопопов, разбирая раннее творчество М. Горького, упрекал современную литературу в том, что она все чаще становится проповедницей нищенской морали, учит «любви к дальнему» и демонстративному презрению к слабым, воспекает индивидуализм и восхищается «хищным типом». Если предшествующие поколения русских писателей, несмотря на горячие идейные споры, «стояли на одной нравственной почве», чтит культурную преемственность и уважали предшественников, то нынешние нищенцы никакого уважения к предшественникам не испытывают, а прямо их «упрадняют», не щадя и тех, кто связан с ними общей генеалогией, их духовных «отцов, дедов, прадедов»¹⁹. Презирая альтруизм «старичков», люди «нового поколения» отстаивают свое право «жить для себя»,

¹⁷ См.: Федоров Н.Ф. Что такое «интеллигенты», т.е. ходящие новым или нынешним путем? // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 203 [28].

¹⁸ См.: Федоров Н.Ф. Жить не для себя, ни для других – отрицание и альтруизма, и эгоизма // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 199 [29].

¹⁹ См.: Протопопов М.А. Беллетристы новейшей формации // Русская мысль. 1900. № 3. С. 32–34 [30].

верят в то, что «мир принадлежит человеку», а значит, ему нужно быть «смелым, дерзким, бесстрашным и, главное, – безжалостным»²⁰.

Споря с «беллетристами новейшей формации», Протопопов возмущался их демонстративным разрывом с традицией. «Смена поколений – процесс естественный и разумный, – подчеркивал он, – но не при этом процессе мы присутствуем и даже участвуем теперь» [30, с. 34]. В свою очередь Федоров, разбирая статью Протопопова, обращает внимание на внутреннюю противоречивость позиции публициста, который критикует новейшее писательское поколение за имморализм и беспамятство, за нежелание считаться с предшественниками, уважать их ценности и труды и одновременно признает естественным и разумным «смену поколений» в природе, где всякое последующее неизбежно и неумолимо вытесняет предыдущее:

«К этим господам, так суеверно относящимся к смерти и ни малейшего сомнения не допускающим в ее непреодолимости и непреложности, можно обратиться с таким же вопросом, с каким я обратился к декаденту, копающемуся в прахе “Русского Архива” (кажется, Брюсову?): откуда у них такая слепая вера в смерть? Вопрос этот должен иметь большую силу, ибо не может быть сомнения, что никакой критике этого вопроса, вопроса о смерти, они не подвергали; “что человек живет однажды” – это также принято на веру, и говорят они об этом по указке двадцати и более векового опыта. Попробуем поднять этот вопрос вместо вопроса о богатстве и бедности, которым до сих пор занимались. Этот вопрос предлагается и верующим, и неверующим, и для тех и других этот вопрос будет совершенно новый, ибо верующие считали веру представлением, мыслью, а не делом, а неверующие, т. е. философы и интеллигенты, по табунному чувству считают необходимым приносить жертвы чудовищу» [31, с. 323–324].

Определение Брюсова в данном фрагменте как «декадента, копающегося в прахе “Русского архива”» на первый взгляд выглядит шокирующим и эпатажным, более того – идущим вразрез со всегдашним вниманием Федорова к библиотечно-му, музейному, архивному делу как воскресительной, священной работе, как первому шагу на пути к реальному восстановлению жизни, в котором во всей полноте будет принимать участие религиозно ориентированная наука, вдохновленная идеалом «нового неба и новой земли». Но на самом деле оппонент Брюсова абсолютно последователен. Историческое знание и исследование, ставящее своей целью лишь мысленную, бумажную реконструкцию, не исполняет своего назначения. Всплеск филологических и исторических исследований «на рубеже двух столетий», которому активно отдавал себя и лидер русского символизма, видится Федорову уходом в теоретическое, бесплодное знание, завуалированным отречением от родства. Это не то любовно-творческое восстановление прошедшего, одушевленное «чаянием воскресения мертвых» и сознанием собственного соучастия в нем, образ которого он рисовал в статье «Музей, его смысл и назначение», когда «каждое поколение» становится «писателем житий, художником, создающим изобра-

²⁰ См.: Протопопов М.А. Беллетристы новейшей формации. С. 31.

жения своих отцов»²¹, влагая в этот труд всю свою душу, когда в деле воскрешающей памяти и взаимной любви ткется полотно всечеловеческого родства и человечество превращается в неслиянно-нераздельное многоединство, устрояя свою жизнь по образу и подобию Троицы. Это труд, принципиально застывший на стадии «мнимого воскрешения», не предполагающий ни необходимости, ни возможности перехода к реальному, физическому восстановлению жизни. И его Федоров хлестко и резко называет «гробокопательством», считая подобную редукцию знания и творческого делания человека постыдным отречением от дела Христова, предательством отца и «Бога отцов», тем более безнравственным, что оно совершается в год «XIX-летнего юбилея Рождества Христова»²², когда нужно совестливо и честно ответить на вопрос, исполнили ли мы, христиане, заповеданное Спасителем мира. Но вместо радикальной умеренности, подобной обращению Савла, живущие довольствуются компромиссом с Евангелием, ограничивая сферу дела Христова культурным бессмертием: «Мы строим, как фарисеи, нарядные гробницы отцам: усерднее, чем когда-либо, пишем биографии, истории и критики (вернее, впрочем – только критики под видом историй и биографий!); с усердием, подчас изумительным, копаемся в мелочных расследованиях минувшего, того, во что не верим, чего не ценим и не любим!..» [34, с. 206].

Декаденты, провозглашающие новые пути в творчестве, но при этом не видящие в искусстве его источного импульса к восстановлению жизни²³, ограничивающиеся художественными экспериментами, литературной критикой и архивно-филологической деятельностью, попадают в ту же ловушку, в которую загнал себя кумир эпохи *fin de siècle* Фридрих Ницше. Как иронически писал В.С. Соловьев: «Ницше, думая быть действительным сверхчеловеком, был только сверхфилологом. <...> Не найдя никакой религиозной действительности ни в себе, ни сверх себя, базельский профессор сочинил словесную фигуру, назвал ее “Заратуштра” и возвестил людям конца века: вот настоящий сверхчеловек!» [35, с. 292–293]. Но этот «сочиненный» гением немецкого деятеля сверхчеловек остается не более, чем литературным героем, и не имеет ничего общего с истинным Богочеловеком Христом, Который не литературно, а действительно воплотился от Девы Марии и не только проповедовал, но и исцелял, воскрешал и Сам воскрес, торжествуя над силами смерти.

Федоров, звуча в унисон с Соловьевым, предостерегает искателей новых путей в искусстве от повторения трагедии Ницше. Этому способствует то обстоятельство, что в последние три года жизни в его окружении оказываются деятели,

²¹ См.: Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 435 [32].

²² См.: Федоров Н.Ф. Само собою понятно, что и такие статьи, как «Всемирная Выставка»... // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 297 [33].

²³ В конце 1890 – начале 1900-х гг. Федоров создает целый ряд заметок, в которых, опираясь на новейшие данные археологии и антропологии, связывает генезис искусства с сознанием смертности, со стремлением восстановить умершего хотя бы в виде подобия (см. об этом подробнее: Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. С. 350–352).

близкие к символистскому издательству «Скорпион». Помимо В.Я. Брюсова, с которым философ пересекся в доме Бартеневых, это С.А. Поляков, инженер, переводчик, крупный коллекционер и владелец издательства, а также литературовед, коллекционер, исследователь жизни и творчества А.А. Фета Н.Н. Черногубов. По предложению Н.Н. Черногубова, Федоров начинает готовить свои рукописи для выпуска их отдельной книгой в издательстве «Скорпион», а С.А. Поляков финансирует их перепечатку²⁴. И хотя в конечном итоге философ прерывает подготовку текстов для «Скорпиона», поскольку издание, как свидетельствовал позднее В.А. Кожевников, «планировалось выпустить по очень высокой цене»²⁵, что противоречило убеждениям Федорова о бесплатности и общедоступности знания, участие в этом проекте выводит на новый виток его размышления о смысле и целях искусства, о том, «должно ли оно (искусство) ограничиваться творением мертвых подобий или же оно должно поставить себе целью дело, т.е. воссоздание действительное, живое, личное (всех наших от века утрат)»²⁶.

Этот вопрос философ неоднократно задавал в статьях и заметках о Ницше, и он также был частью спора, разразившегося в доме Ю.П. Бартевева. Как пишет Ю. Синеокая, среди деятелей русской культуры, каждый из которых избирал свою линию диалога с немецким философом и интерпретации его идей («Лев Шестов был поглощен религиозно-метафизической проблематикой, А. Луначарский – культурологическими, Н. Михайловский – социокультурными вопросами»²⁷), «Брюсов на всех этапах своего творческого пути оставался верен художественному эстетизму»²⁸. Федоров же, полагавший вектор развития искусства в переходе от «искусства подобий» к «искусству действительности», обращаясь в союзе с наукой к реальному преобразению жизни, предлагал радикальную перезагрузку эстетики, формулируя ее предмет так: «Эстетика есть наука о воссоздании всех бывших на крохотной земле (этой капельке, которая себя отразила во всей вселенной и в себе отразила всю вселенную) разумных существ для одухотворения (и управления) ими всех громадных небесных миров, разумных существ не имеющих»²⁹. Вагнеро-ницшевскому синтезу искусств в музыкальной трагедии, создающему очередную иллюзию реальности и одновременно глубинно пессимистическому, отданному во власть апок-

²⁴ Материалы этого, так и несостоявшегося издания были обнаружены И.А. Савкиным (см.: Савкин И. Бумаги Н.Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений 8–10 декабря 1995 года: в 2 вып. Вып. 1. М.: Наследие, 1996. С. 264–278 [36]).

²⁵ См.: Кожевников В.А. [Примечание] // ОР РГБ. Ф. 657. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 278 [37].

²⁶ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о заглавии // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 286 [38].

²⁷ См.: Синеокая Ю.В. Восприятие Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей. СПб.: РХГИ, 1999. С. 14 [39].

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Федоров Н.Ф. Искусство подобий (много художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение) // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 231 [40].

fatì, готовому «с трагическим умонастроением» двинуться навстречу концу³⁰, он противопоставлял синтез искусств в литургии³¹, где художественные энергии включаются в дело воскрешения и преображения жизни.

Критикуя эстетическую концепцию Ницше, выраженную в книге «Происхождение трагедии из духа музыки» (1872 г.), Федоров подчеркивал, что она задает искаженный образ человека и ложный вектор истории. «Дух опьянения», лежащий, по Ницше, в начале искусства, противоположен тому «духу отрезвления», который рождается в человеке при столкновении со смертью ближнего, пробуждая в нем любовное усилие памяти, подвигая к тому, чтобы запечатлеть образ умершего в дереве, камне, на полотне или в слове. Этот дух отрезвления господствует в христианском искусстве, и именно он является у философа началом той метанойи, к которой призывается человечество, забывшее о своем родстве, погрязшее во взаимоотношительной розни, превратившее искусство в постыдную, часто злую игру.

Федоров чувствовал духовный надлом декаданса, видел характерное для творцов fin de siècle художественное заигрывание со смертью в иллюзорной надежде преодолеть ужас перед бездной небытия, чувствовал, как проникает в искусство тонкий смертный соблазн, оборачивающийся прямой эстетизацией зла. И свою программную работу «Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение», над которой напряженно работал в 1900–1902 гг., построил в виде двенадцати «пасхальных вопросов», самой формой своего сочинения утверждая новозаветное «Последний же враг истребится – смерть» (1 Кор. 15:26). Эта работа стала не только новым изложением учения всеобщего дела, но и опытом построения воскресительной эстетики, где искусство в союзе с наукой и религией становится орудием «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения»³².

Утверждая образ творчества как «внехрамовой литургии», призванной преобразить бытие, Федоров вставал перед необходимостью осмыслить пути символизма, претендовавшего на водительство в культуре и жизни. В письме В.А. Кожевникову от 1 июля 1903 г., ставя своей ближайшей задачей противопоставить новому религиозному сознанию «проект всемирного дела», антиномии эгоизма и альтруизма – принцип родства, синтезирующую логику Троицынства, он включает в орбиту полемики и символизм: «А еще прежде нужно произнести строжайшее осуждение, проклятие, анафему на иносказание, метафоры, символы, аллегории. До сих пор в них учение о воскресении имело самых страшных врагов» [27, с. 481].

³⁰ См.: Ницше Ф. Рихард Вагнер в Байрейте // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); Мы филологи. М., 1909. С. 352 [41].

³¹ См. подробнее: Гачева А.Г. Христианство против нищезанства. С. 318–320; Титаренко Е.М. Религиозная эстетика Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 863–885 [42].

³² См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401 [43].

Символизм, по мысли философа, как он складывается в европейском и русском искусстве конца XIX – начала XX в., глубоко отличен от символизма религиозного искусства, где символ предстает манифестацией самой Божественной реальности. Образ здесь богодухновенен, пронизан нетварными энергиями, ставит перед очами верующего мир не в его данности, а в его заданности, в перспективе преображения – не иллюзорного, а реального. «Символ веры», звучащий на каждой литургии, возглашаемый соборно сообществом верующих, есть действительное исповедание Троицы, Боговоплощения, Крестного страдания и Воскресения Спасителя, грядущего «воскресения мертвых и жизни будущего века». И звучащее слово выступает здесь в своей предельной конкретности, никакая иносказательность и размытость в нем невозможна, как невозможна она в Слове, ставшем плотью и обитавшем вместе с людьми.

Истоки подлинного символизма Федоров полагает в догмате иконопочитания, который был принят Седьмым Вселенским Собором, засвидетельствовавшим реальность обожения и открывшим человеку-художнику возможность соработничества со Творцом. Корни новейшего символизма, требующего от искусства предельного развития впечатлительности, напротив, лежат в той же спиритуализации христианства, которая в лице Д. Штрауса и Э. Ренана объявила Воскресение Спасителя иллюзией, призвав трактовать его аллегорически и символически. Аpellируя к программному стихотворению В.Я. Брюсова «Творчество» (1895 г.), ставшему своего рода манифестом новой символистской поэтики, за которой вставал соответствующий образ мира («Тень несозданных созданий / Колыхается во сне, / Словно лопасти латаний / На эмалеовой стене. / Фиолетовые руки / На эмалеовой стене / Полусонно чертят звуки / В звонко-звучной тишине» [44, с. 35]), Федоров критикует «поэзию, уклонившуюся из области определенных понятий в сферу неопределенных созвучий и призрачных световых (красочных) впечатлений», «ниспадающую до бессознательных, невыяснимых эмоций», подчеркивая, что «жрецы “искусства Будущего”» забывают, что «высшая задача искусства – не изображать, не рисовать отвлеченные мысли (что сводится к призрачному творению только подобий, то есть к иллюзии), а указывать путь и в художественной форме и в творческом восприятии создавать проект самого дела, самой истинной задачи рода человеческого»³³.

Подводя итог, еще раз отметим, что разговор с В.Я. Брюсовым, состоявшийся 20 апреля 1900 г. в доме Ю.П. Бартенева, отразился в мысли и творчестве Федорова. В следующей статье рассмотрим, как этот разговор и последующее знакомство с текстами Федорова, произошедшее уже после смерти философа, повлияло на эволюцию Брюсова и как деятели Федоровианы 1910–1920-х гг. продолжили диалог с поэтом о смысле и перспективах искусства.

³³ См.: Федоров Н.Ф. Об объединении искусств // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 4. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 161 [45].

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Загадочный мыслитель (Н.Ф. Федоров) // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 286–301.
2. Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академический проект; Парадигма, 2019. 638 с.
3. Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.
4. Hagemester M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. 550 p.
5. Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый и Н.Ф. Федоров // Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб.: Изд-во «Скифия», ИД «Талас», 2004. С. 96–117.
6. Батыр Т.Б. Мотивы философии Н.Ф. Федорова в творчестве В.Я. Брюсова // Славянские чтения. 2013. № 2(8). С. 135–147.
7. Хайруллин К.Х. Космизм Валерия Брюсова // Дети Ра: Литературно-художественный журнал. 2016. № 12(146). URL: http://detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=17721. Дата обращения: 25.10. 2023
8. Карак П.С. В.Я. Брюсов как поэт природы и представитель русского космизма // Вестник МДУ імя А.А. Куляшова. 2021. № 2(58). С. 98–105.
9. Рублева Н.И. «Космос как предчувствие» (Тема космических полетов в литературе Серебряного века) // Будущее как сюжет: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3. Вологда: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 69–78.
10. Бартенев Ю.П. Памяти Николая Федоровича Федорова // Русский архив. 1904. № 1. С. 191–192.
11. Бартенев С.П. Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122
12. Бартенев С.П. Письмо Н.Ф. Федорову // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 636.
13. Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с.
14. Бартенев Ю.П. Письма В.Я. Брюсову. 1898–1901 // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 76. Ед. хр. 17. 25 лл.
15. Zakydalsky T. Fedorov's Critique of Nietzsche, the «Eternal Tragedian» // Nietzsche in Russia / ed. V.G. Rosental. N.Y., 1986. P. 113–125.
16. Семенова С.Г. Николай Федоров и Фридрих Ницше // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 937–963.
17. Гачева А.Г. «Христианство против нищезнания»: Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев в полемике с Ф. Ницше // Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 313–331.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5–238.
19. Федоров Н.Ф. Шляхтич-философ // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 132–134.
20. Федоров Н.Ф. Христианство против нищезнания // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 144–146.
21. Федоров Н.Ф. Конец сиротства: безграничное родство // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 202–203.
22. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 390–404.
23. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 626–634.
24. Федоров Н.Ф. Молитва о всеобщем спасении // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 47–48.

25. Федоров Н.Ф. Бульварная апология смерти // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 204–206.
26. Толстая А.А. Воспоминания // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 257–258.
27. Письмо Н.Ф. Федорова В.А. Кожевникову. 1 июля 1903 // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 479–482.
28. Федоров Н.Ф. Что такое «интеллигенты», т.е. ходящие новым или нынешним путем? // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 203–204.
29. Федоров Н.Ф. Жить не для себя, ни для других – отрицание и альтруизма, и эгоизма // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 199–200.
30. Протопопов М.А. Беллетристы новейшей формации // Русская мысль. 1900. № 3. С. 30–42 (2-я пагинация).
31. Федоров Н.Ф. Заметки к работе «Супраморализм» // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 321–327.
32. Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 370–437.
33. Федоров Н.Ф. Само собою понятно, что и такие статьи, как «Всемирная Выставка»... // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 293–297.
34. Федоров Н.Ф. Одно из противоречий «сынов века сего» // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 206.
35. Соловьев В.С. Словесность или истина? // Ницше: pro et contra: Антология. СПб.: РГХИ, 2001. С. 293–296.
36. Савкин И. Бумаги Н.Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // Философия бессмертия и воскрешения: по материалам VII Федоровских чтений, 8–10 декабря 1995 года: в 2 вып. Вып. 1. М.: Наследие, 1996. С. 264–278.
37. Кожевников В.А. [Примечание] // ОР РГБ. Ф. 657. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 278/
38. Федоров Н.Ф. Вопрос о заглавии // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 286–293.
39. Синеокая Ю.В. Восприятие Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей. СПб.: РХГИ, 1999. С. 7–37.
40. Федоров Н.Ф. Искусство подобию (мнимого художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение) // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 230–231.
41. Ницше Ф. Рихард Вагнер в Байрейте // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); Мы филологи. М., 1909.
42. Титаренко Е.М. Религиозная эстетика Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 863–885.
43. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401 [41].
44. Брюсов В.Я. Творчество // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1973. С. 35–36.
45. Федоров Н.Ф. Об объединении искусств // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 160–161.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bartenev, S.P. Pis'mo N.F. Fedorovu [Letter to N.F. Fedorov], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, p. 636.
2. Bryusov, V.Ya. Tvorchestvo [Creation], in Bryusov, V.Ya. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1* [Collected Works in 7 vols., vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973, pp. 35–36.

3. Fedorov, N.F. Shlyakhtich-filosof [The philosopher-nobleman], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 132–134.
4. Fedorov, N.F. Khristianstvo protiv nitsssheanstva [Christianity versus Nietzscheanism], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 144–146.
5. Fedorov, N.F. Konets sirotstva: bezgranichnoe rodstvo [The End of Orphanhood: Boundless Kinship], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 202–203.
6. Fedorov, N.F. Molitva o vseobshchem spasenii [Prayer for Universal Salvation], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 47–48.
7. Fedorov, N.F. Bul'varnaya apologiya smerti [Tabloid Apology for Death], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 204–206.
8. Fedorov, N.F. Chto takoe «intelligenty», t.e. khodyashchie novym ili nyneshnim putem? [What are “Intellectuals”, so Walking a New or Current Path?], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 203–204.
9. Fedorov, N.F. Zhit' ne dlya sebya, ni dlya drugikh – otritsanie i al'truizma, i egoizma [To Live Neither for Oneself nor for Others is a Denial of Both Altruism and Selfishness], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 199–200.
10. Fedorov, N.F. Muzey, ego smysl i naznachenie [The Museum, its Meaning and Purpose], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 370–437.
11. Fedorov, N.F. Samo soboyu ponyatno, chto i takie stat'i, kak «Vsemirnaya Vystavka» [It Goes Without Saying that Such Articles as the “World Exhibition”], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 293–297.
12. Fedorov, N.F. Odno iz protivorechii «synov veka sego» [One of the Contradictions of the “Sons of this Century”], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 206.
13. Fedorov, N.F. Vopros o zaglavii [Question about the Title], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 286–293.
14. Fedorov, N.F. Iskusstvo podobiy (mnimogo khudozhestvennogo vosstanovleniya) i iskusstvo deystvitel'nosti (deystvitel'noe voskreshenie) [The Art of Likenesses (Imaginary Artistic Restoration) and the Art of Reality (Actual Resurrection)], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 230–231.
15. Fedorov, N.F. Zametki k rabote «Supramoralizm» [Notes on the work of “Supramoralism”], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 321–327.
16. Fedorov, N.F. Supramoralizm, ili Vseobshchiy sintez, t.e. vseobshchee ob"edinenie [Supramoralism, or Universal Synthesis, so Universal Unification], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 401.
17. Fedorov, N.F. Ob ob"edinenii iskusstv [About the Association of Arts], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 160–161.
18. Nitshe, F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra], in Nitshe, F. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 5–238.
19. Nitshe, F. Rikhard Vagner v Bayreyte [Richard Wagner in Bayreuth], in Nitshe, F. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 2: Nesvoevremennye razmyshleniya; Iz posmertnykh proizvedeniy (1873–1875); My filologi* [Complete Works Vol. 2: Untimely Reflections; From Posthumous Works (1873–1875); We are Philologists]. Moscow, 1909.
20. Pis'mo N.F. Fedorova V.A. Kozhevnikovu. 1 iyulya 1903 [A letter from N.F. Fedorov to V.A. Kozhevnikov. July 1, 1903], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 479–482.

21. Solov'ev, V.S. Obshchii smysl iskusstva [The General Meaning of Art], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 390–404.
22. Solov'ev, V.S. Ideya sverkhcheloveka [The Idea of a Superman], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 626–634.

Individual Works

23. Bartenev, Yu.P. Pamyati Nikolaya Fedorovicha Fedorova [In Memory of Nikolai Fedorovich Fedorov], in *Russkiy arkhiv*, 1904, no. 1, pp. 191–192.
24. Bartenev, S.P. Nikolay Fedorovich Fedorov. Dva razgovora o voskreshenii mertvykh [Nikolai Fedorovich Fedorov. Two Conversations about the Resurrection of the Dead], in *Russkiy arkhiv*, 1909, no. 1, pp. 119–122.
25. Bartenev, Yu.P. Pis'ma V.Ya. Bryusovu. 1898–1901 [Letters to V.Ya. Bryusov. 1898–1901], in *OR RGB. F. 386. Kart. 76. Ed. khr. 17. 25 ll.*
26. Bryusov, V.Ya. *Dnevnik 1891–1910* [Diaries 1891–1910]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy, 1927. 203 p.
27. Bulgakov, S.N. Zagadochnyy myslitel' (N.F. Fedorov) [The Mysterious Thinker (N.F. Fedorov)], in Bulgakov, S.N. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works, in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 286–301.
28. Kozhevnikov, V.A. [Primechanie] [Note], in *OR RGB. F. 657. K. 4. Ed. khr. 6. L. 278.*
29. Protopopov, M.A. Belletristy noveyshey formatsii [Fiction Writers of the Latest Formation], in *Russkaya mysl'*, 1900, no. 3, pp. 30–42.
30. Solov'ev, V.S. Slovesnost' ili istina? [Literature or Truth?], in *Nitsshe: pro et contra: Antologiya* [Nietzsche: Pro et contra: An Anthology]. Saint-Petersburg: RGKhI, 2001, pp. 293–296.
31. Tolstaya, A.A. Vospominaniya [Memories], in *F.M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F.M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of his Contemporaries]. Saint-Petersburg: Andreev i synov'ya, 1993, pp. 257–258.

(Articles from Scientific Journals)

32. Batyr, T.B. Motivy filosofii N.F. Fedorova v tvorchestve V.Ya. Bryusova [Motives of N.F. Fedorov's Philosophy in the Works of V.Y. Bryusov], in *Slavyanskije chteniya*, 2013, no. 2(8), pp. 135–147.
33. Karako, P.S. V.Ya. Bryusov kak poet prirody i predstavitel' russkogo kosmizma [V.Y. Bryusov as a Poet of Nature and a Representative of Russian Cosmism], in *Vesnik MDU imya A.A. Kulyashova*, 2021, no. 2(58), pp. 98–105.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

34. Rubleva, N.I. «Kosmos kak predchuvstvie» (Tema kosmicheskikh poletov v literature Serebryanogo veka) [“Space as a Premonition” (The Theme of Space Flights in the Literature of the Silver Age)], in *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Budushchee kak syuzhet». Vyp. 3* [Materials of the International Scientific Conference “The Future as a Plot”. Issue 3]. Vologda: Izdatel'stvo Mariny Batasovoy, 2014, pp. 69–78.
35. Savkin, I. Bumagi N.F. Fedorova iz kolleksitsii Instituta russkoy literatury [Papers of N.F. Fedorov from the Collection of the Institute of Russian Literature], in *Filosofiya bessmertiya i voskresheniya: po materialam VII Fedorovskikh chteniy 8–10 dekabrya 1995 goda. V 2 vyp., vyp. 1* [Philosophy of Immortality and Resurrection: Based on the Materials of the VII Fedorov Readings on December 8–10, 1995. In 2 issue, issue 1]. Moscow: Nasledie, 1996, pp. 264–278.
36. Semenova, S.G. Nikolay Fedorov i Fridrikh Nitsshe [Nikolai Fedorov and Friedrich Nietzsche], in *N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1*. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 937–963.
37. Sineokaya, Yu.V. Vospriyatie Nitsshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie [Perception of Nietzsche in Russia: Main Stages, Trends, Significance], in *Sbornik statey «Fridrikh Nitsshe i filosofiya v Rossii»* [Collection of articles “Friedrich Nietzsche and Philosophy in Russia”]. Saint-Petersburg: RKhGI, 1999, pp. 7–37.

38. Titarenko, E.M. Religioznaya estetika N.F. Fedorova, in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn., kn. 2* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 2]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2008, pp. 863–885.

39. Zakydalsky, T. Fedorov's Critique of Nietzsche, the «Eternal Tragedian», in *Nietzsche in Russia*. N.Y., 1986, pp. 113–125.

(Monographs)

40. Gacheva, A.G. «Khristianstvo protiv nitshsheanstva»: N.F. Fedorov i V.S. Solov'ev v polemike s F. Nitshe [“Christianity against Nietzscheanism”: N.F. Fedorov and V.S. Solov'ov in a Polemic with F. Nietzsche], in Gacheva, A.G. *«Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...»: Russkaya filosofiya i literatura* [“The Ideal is also Reality...”: Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019, pp. 313–331.

41. Grechishkin, S.S., Lavrov, A.V. Andrey Belyy i N.F. Fedorov [Andrey Bely and N.F. Fedorov], in Lavrov, A.V., Grechishkin, S.S. *Simvolisty vblizi: Ocherki i publikatsii* [Symbolists up Close: Essays and Publications]. Saint-Petersburg: Skifiya; Talas, 2004, pp. 96–117.

42. Hagemester, M. *Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, 1989. 550 p.

43. Semenova, S.G. *Filosof budushchego: Nikolay Fedorov* [Philosopher of the future Nikolai Fedorov]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 638 p.

44. Semenova, S.G. *Russkaya literatura XIX–XX vv.: Ot poetiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the XIX–XX centuries: From Poetics to Worldview]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016. 890 p.

(Electronic Resources)

45. Khayrullin, K.Kh. Kosmizm Valeriya Bryusova [Cosmism of Valery Bryusov], in *Deti Ra: Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal*, 2016, № 12(146). Available at: http://detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=17721. Data obrashcheniya: 25.10. 2023.

УДК 1 (130.2): 7.067

ББК 87.8:85.1

Евгений Михайлович ТитаренкоСанкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, доцент, Россия,
Санкт-Петербург, e-mail: titem@mail.ru

«Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьёв – Федоров – Чекрыгин

Аннотация. Рассматриваются эстетические взгляды художника и мыслителя В.Н. Чекрыгина (1897–1922). Его идеи сопоставляются с философией искусства В.С. Соловьёва и Н.Ф. Федорова. Анализируется теоретическое наследие художника, отражающее понимание задач творчества, истории и языка изобразительного искусства. Материалом исследования являются такие тексты Чекрыгина, как «Манифест художников живописи» (1920 г.), «Программа годовичного курса лекций по философии искусства» (1920 г.), «О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства» (1921 г.), «О Соборе Воскрешающего Музея» (1921 г.), а также эпистолярное наследие. Используются малоизвестные архивные материалы. Обращение к эстетическим работам Федорова и Соловьёва позволяет осуществить сравнительно-типологическое изучение взглядов художника-мыслителя на искусство. Показана связь идей Чекрыгина с эстетической традицией русской религиозной философии. В его проекте нового этапа искусства усматриваются черты эстетики христианского универсализма. В качестве источника проекта «живого искусства» Чекрыгина, противопоставляемого поискам искусства авангарда, отмечаются идеи соборности и теоантропоургии. Показана близость философско-эстетических воззрений художника философии искусства Соловьёва и в еще большей степени учению эстетического супраморализма Федорова. Проведенное исследование раскрывает особенности эстетических представлений художника, пронизанных духом эсхатологической тревоги. Отмечено также, что через обращение к темам теофании, созерцания художником становления космоса, создания собора-музея всеобщего воскрешения Чекрыгин указывает путь, которому должно следовать современное искусство. Показано, что образ конечного идеала искусства художник воспринимал через философские идеи Соловьёва и Федорова, при этом оставаясь в своих теоретических сочинениях, в русле модернистского дискурса.

Ключевые слова: философия искусства В.Н. Чекрыгина, эстетический супраморализм Н.Ф. Федорова, «положительная эстетика» В.С. Соловьёва, христианский универсализм, соборность, теоантропоургия, собор-музей

Evgeny Mikhailovich TitarenkoSt. Petersburg State University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Russia,
St. Petersburg, e-mail: titem@mail.ru

“Real Deed of an Artist” and Philosophy of Art: Solovyev – Fyodorov – Chekrygin

Abstract. The article is dedicated to the aesthetic views of an artist and philosopher V.N. Chekrygin (1897–1922). His ideas are compared to the philosophy of art of V.S. Solovyev and N.F. Fyodorov. Theoretical heritage of the artist is analyzed, it reflects understanding of the tasks of creativity, history and language of the visual art. The research is based on the texts of Chekrygin: “A Manifest

of the Painters (1920)", "The Program of One-year Course on Art Philosophy" (1920), "About Upcoming New Era of the All-European Art" (1921), "About Convocation of the Resurrecting Museum" (1921), and his epistolary art. Little-known materials from the archive are considered. Studying aesthetic works of Fyodorov and Solovyev allows to make comparative-typological research of the artist and philosopher of art. The connection is shown between Chekrygin's ideas and aesthetic tradition of the Russian religious philosophy. Signs of aesthetics of Christian universalism can be seen in his project of a new era of the art. The idea of the project of "living art" of Chekrygin is opposed to the research of avantgarde art and it was inspired by the ideas of conciliarity and theurgy. It is shown that philosophical-aesthetic ideas of the artist are close to the philosophy of art of V.S. Solovyov and even more to the doctrine of the aesthetic supramoralism of Fyodorov. The research discloses particularities of the aesthetic ideas of the artist, which are permeated with the spirit of eschatological anxiety. Chekrygin shows the way that modern art should follow referring to the topics of theophany, to the process of contemplation of the space evolvement and the creation of the church-museum of the universal resurrection. It is proved that the artist creates the image of the final ideal of art conceiving the philosophical ideas of Solovyov and Fyodorov. It is proved that the artist remains in line with modernism discourse at the same time creating the outlines of the art of the future.

Key words: Philosophy of Chekrygin, aesthetic supramoralism of Fyodorov, "positive aesthetics" of V.S. Solovyov, Christian universalism, conciliarism, theurgy, church-museum

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.132-146

В.Н. Чекрыгин (1897–1922) – художник-мыслитель, близкий эстетической традиции русской религиозной философии и прежде всего, на наш взгляд, философии искусства В.С. Соловьева и учению эстетического супраморализма Н.Ф. Федорова. Есть основания утверждать, что идеи этих представителей русской религиозной философии стали основой его философии искусства, определили эстетические представления Чекрыгина, универсализм его художественных устремлений. Художник, прошедший путь от киевского иконописца до создателя нового образа искусства и соприкоснувшийся с искушениями таких течений, как футуризм, лучизм, центризм, кубизм, супрематизм, конструктивизм, искал онтологические и эстетические основания творчества. Сравнительный анализ идей, выраженных в теоретических работах художника и в философских сочинениях его предшественников, позволяет проследить своеобразие восприятия Чекрыгиным эстетических принципов Соловьева и Федорова. В этом плане эстетическое и философское наследие Чекрыгина еще недостаточно осмыслено.

К осознанию масштаба личности и значения творчества Чекрыгина для культуры XX века нас подводит его современник – искусствовед А.В. Бакушинский, обобщая впечатления от произведений художника, которые были представлены на открытой в мае 1922 года выставке художественных объединений «Маковец», «Союз художников» и поэтов «Искусство – жизнь» (Музей изящных искусств. г. Москва) и в 1923 году на персональной выставке в государственной Цветковской художественной галерее (отдел рисунков Третьяковской галереи). Он писал: «Странно непривычно действует на зрителя так не свойственная современному искусству исключительная широта творческого

размаха монументальной формы. Все это выделяет Чекрыгина из круга современных художественных явлений и в то же время крепко связывает его с подлинным глубоко трагическим ликом современности» [1, с. 171]. Осознающий неразрешимость творческих противоречий художественных движений послереволюционной России, Бакушинский указывает на философскую глубину и связь трагического мировоззрения художника с духовной традицией русской культуры. Он усматривает в его рисунках монументальную формулу перелома, способную одухотворить деятельное пространство искусства, вывести его на простор свободной, наполненной творчеством жизни. В год смерти художника в статье «В пути к великому искусству» он указывал на «залог будущего возрождения», скрытый в творчестве художника, которого можно считать «звездой» «первой величины»¹.

А.К. Горский, отмечая, что «динамическая, синтетическая цельность художника поставила его вне всяких сравнений с тем, что дает современная живопись»², указывал на прямую связь творчества Чекрыгина с проективной философией Федорова и считал, что «все художественное *credo* Чекрыгина вытекает из “Философии общего дела”, которая с 1919–1920 гг. становится его настольной книгой, и тогда же начинается небывалый расцвет творчества художника. В посмертном его (еще неизданном пока) трактате-поэме «О Соборе Воскрешающего музея» мы имеем оригинальное приложение мировоззрения Н.Ф. Федорова к проблеме развития искусств и, в частности, задач живописи...» [3, с. 733]. Нерасторжимая связь духовных поисков Чекрыгина с идеей эстетического супраморализма Федорова позволяет Горскому видеть путь, которым пойдет современное искусство, «если только встанет от одра своего»³.

Исследование философии искусства Чекрыгина стало возможным в связи с изданием в 2005 году книги «Василий Николаевич Чекрыгин», подготовленной Е.Б. Муриной и В.И. Ракитиным, где впервые публикуются малоизученные теоретические и философские труды художника и различные материалы: письма, дневники, записки, лекции, статьи⁴. Анализируя философские основания эстетики художника, Мурина отмечает их сближение с идеей сыновства мира, органического «единства и слияния с миром, а не созерцания мира извне, со стороны»⁵. Она пишет: «Он стремится углубить достигнутое в новых условиях, прийти в искусстве к той “цельности мысли” (В.С. Соловьев), поиски которой

¹ См.: Бакушинский А.В. В пути к великому искусству // Жизнь. 1922. №3. С. 132 [2].

² См.: Горский А.К. Николай Федорович Федоров и современность // Горский А.К. Сочинения и письма: в 2 кн. Кн. 1 / сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 730 [3].

³ Там же. С. 733.

⁴ См.: Мурина Е.Б., Ракитин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА» (Русский авангард), 2005. 288 с. [4].

⁵ См.: Мурина Е. Б. Василий Николаевич Чекрыгин // Мурина Е.Б., Ракитин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА» (Русский авангард), 2005. С. 30 [5].

были одним из характернейших явлений русской культуры конца XIX – начала XX века» [5, с. 30].

Вместе с тем, видя увлеченность Чекрыгина эстетическим супраморализмом Федорова, проектом всеобщего воскрешения, исследовательница замечает, что его «непосредственно-эмоциональная стихия образотворчества не подвержена какому бы то отождествлению с изначально чуждой ей системой умозрительного по своей природе утопического философствования» и «между федоровской утопией и свободой импровизационного рисования Чекрыгина неизбежно возникал некий “зазор”, разводивший чуть ли не в противоположные стороны образное “воскрешение мертвых” и утопическое – “проективное”» [5, с. 37]. Еще более радикально этот разрыв определяет Ракитин. Он пишет: «Федоров и художники? – Здесь замечательное поле. Но для фантазий!» [6, с. 148–149]. Прямота федоровской идеи борьбы со смертью рождает, как заключает автор, пространство соблазнов, нелепиц и чудесных заблуждений, в котором до Чекрыгина побывали Владимир Соловьев, Федор Достоевский, Лев Толстой⁶. Все это говорит о дискуссионности рассматриваемой нами темы.

Иной подход находим у С.Г. Семеновой и А.Г. Гачевой, включивших работу Чекрыгина «О Соборе Воскрешающего музея», заметки и письма художника в антологию «Н.Ф. Федоров: pro et contra»⁷. Обращение к смысловой связи грандиозного проекта фресковой росписи храма, раскрывающей тему воскрешения и преображения мира, эскизов Чекрыгина из цикла «Воскрешение мертвых» с проективной философией общего дела для Семеновой естественно. Глубокое знание и понимание идей Федорова в свете контекста философской и религиозной традиции открывает истоки стремления мыслителя найти образное выражение учения супраморализма в иконе, иконе-картине, в храмовых росписях, в росписях стен Московского Кремля. Внимание Федорова к живописи, знаковым произведениям и творчеству художников, к архитектурным образам иеротопии в проективной эстетике выражается «словесной иконой». Этим понятием Семенова обозначает топику образа будущего в интерпретации наследия Федорова-философа, убежденного в необходимости единства слова и изображения для получения и воплощения проекта всеобщего воскрешения⁸. Рассмотрение темы отражения философских представлений Федорова в эстетике Чекрыгина мы находим и у А.Г. Гачевой, показывающей, что главный литературно-эстетический трактат художника «О Соборе Воскрешающего музея», посвященный раскрытию цели и пути творчества, сложился в поле «теоантропоургической эстетики

⁶ См.: Ракитин В.И. Предварительное действие // Мурина Е.Б., Ракитин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА» (Русский авангард), 2005. С. 149.

⁷ См.: Чекрыгин В.Н. О Соборе Воскрешающего Музея // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология: в 2 кн. Кн. 2 / сост. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновой; коммент. А.Г. Гачевой и др. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 450–482 [7].

⁸ См. об этом: Семенова С.Г. Философ будущего века. М.: Пашков дом, 2004. С. 268 [8].

Федорова»⁹. Раскрывая значение проективной философии общего дела в духовных и творческих поисках Чекрыгина, она обращает внимание на философско-эстетические идеи Соловьева, разделяемые художником и определяющие его понимание предназначения искусства¹⁰, указывает на близость исканий Чекрыгина «той линии русской религиозной философии, которая стремилась к оправданию человека и истории, к преодолению разрыва между “храмовым” и “внехрамовым”, к литургизации культуры и жизни»¹¹.

Проблема соотношения эстетических идей Чекрыгина с философией искусства В.С. Соловьева, остается недостаточно изученной, хотя очевидно, что идеи философа не могли остаться незамеченными художником, одержимым поиском смысла жизни и творчества. Представляется важным для понимания включенности Чекрыгина в общий контекст духовной и интеллектуальной традиции русской культуры попытаться понять, почему именно Соловьев и особенно Федоров стали его проводниками в будущее искусства и человечества. Имеющиеся источники и свидетельства дают основание предположить, что антропологическая практика проектов Чекрыгина и Федорова основывалась на идее преемственности, чаянии обретения чувства космоса, смысла и органической цельности бытия. Нельзя не согласиться с позицией сербской исследовательницы К. Ичин, полагающей, что интерпретация творчества русского художника как развитие контекста идей Федорова помогает нам понять «глобальные сдвиги в жизни и сознании европейского человечества, которые имели место в конце XIX и в первой половине XX века»¹². Значимость этой темы определяется уникальностью опыта художника-мыслителя, видевшего смысл искусства в сопряжении с предельными основаниями бытия и создавшего неповторимый язык живописи, передающий в символических образах призыв к преодолению розни, разрушения, смерти.

Мировоззренческая позиция Чекрыгина отмечена чертами христианского универсализма, основанного на стремлении сохранить непрерывность сущего. Представление о непреходящем, вечном, об онтологических предпосылках бытия, подверженного стихии перемен, направляло внимание Чекрыгина на феномен преемственности. Это нашло отражение в его обращении к духовному наследию прошлого и в понимании необходимости синтеза религии, философии, искусства. Тетради Чекрыгина с фотографиями и вырезками из альбомов репродукций икон, картин, фресок, скульптурных образов свидетельствуют о

⁹ См.: Гачева А.Г. В.Н. Чекрыгин. О Соборе Воскрешающего Музея [комментарий] // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология: в 2 кн. Кн. 2 / сост. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновой; коммент. А.Г. Гачевой и др. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 1113 [9].

¹⁰ См.: Гачева А.Г. На путях к творчеству жизни (Н.Ф. Федоров и В.Н. Чекрыгин) // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: сб. науч. ст. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2010. С. 88 [10].

¹¹ См.: Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 703 [11].

¹² См.: Ичин К. Воскрешением против братоубийства: Василий Чекрыгин // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 104 [12].

его художественных интересах¹³. В этой коллекции мы видим своего рода вообразимый музей: репродукции русских и византийских икон, фресок, мозаик, античной скульптуры, произведений искусства древнего Египта и Индии, итальянского Возрождения, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Гойи, Эль Греко, Тьеполо. Глубокое впечатление на художника произвело знакомство с шедеврами музеев Дрездена, Вены, Мюнхена, Парижа, Лондона во время поездки по Европе в 1914 году. Бывая в Санкт-Петербурге, Чекрыгин посещает Эрмитаж, а в Москве – собрание С.И. Щукина. Особым предметом изучения и восхищения для него была русская иконопись и древние храмовые фрески, в чем он видел наиболее целостное выражение непреходящего как онтологической сущности искусства. Провозглашая в «Манифесте художников живописи» (1920 г.) выход «на свободный, на широкий простор подлинного творчества», он утверждает: «Мы являемся почитателями отцов Апеллеса, Зевкиса, Джотто, Мазаччо, Леонардо, Рафаэля, Андрея Рублева, Дионисия, художников Персии, Китая, искупителями их, сыновьями, призванными завершить работу отцов наших...» [14, с. 166].

В этом же ключе проходило творческое восприятие Чекрыгиным философско-эстетических систем. Его стремление охватить и осмыслить идеи широчайшего круга авторов, обращавшихся к проблемам философии искусства, отмечено энциклопедической масштабностью и поиском линий преемственности. Показателен в этом отношении набросок Программы годовичного курса лекций по философии искусства (1920 г.), который художник намеревался прочитать студентам Вхутемаса – Высших художественно-технических мастерских, созданных в 1918 году. Краткий обзор философских учений должен был включать рассмотрение эстетических идей семидесяти двух авторов. В этом списке Баумгартен, Винкельман, Лессинг, Гете, Гердер, Хогарт, Шефтсбери, Дидро, Вольтер, Кант, Шиллер, Фихте, Шеллинг, Шлегель, Гегель, Шопенгауэр, Тэн, Спенсер¹⁴.

Обретение собственного языка искусства сопровождалось у Чекрыгина осмыслением фундаментальных проблем философии, психологии, эстетики. Сфера искусства видится художнику в свете оправдания бытия мира, смысла творчества, его духовных оснований. С этим связан его интерес к мыслителям, противостоящим позитивизму и возрождающим понимание философии как метафизики. В мае 1921 года он пишет: «Последнее время много читаю по философии: Вундта, Бергсона, Виндельбанда, Паульсена и других. Эта четкая работа мысли важна, но в большинстве случаев она говорит не по- существу. Кос-

¹³ См.: Тетрадь В.Н. Чекрыгина с фоторепродукциями и вырезками из альбомов репродукций икон, фресок, скульптуры (1910–1912) // РГАЛИ. Фонд 73. №3145. Опись № 2. Ед. хр. №1287, 1288, 1289, 1290. 38 листов (Фонд Н.И. Харджиева) [13].

¹⁴ См.: Чекрыгин В.Н. Программа годовичного курса лекций по философии искусства. Автограф. 1921. Датировка Н.И. Харджиева // РГАЛИ. Фонд 73. №3145. Опись №2. Ед. хр. 1235. 5 л. (Фонд Н.И. Харджиева) [15].

венное признание или косвенное непризнание духовной субстанции Вундтом, Паульсеном меня раздражает, их осторожность анемична» [16, с. 228]. В письме Н.Н. Пунину от 7 февраля 1922 года, которого Чекрыгин надеялся убедить в исключительной важности учения Федорова для понимания задач нового искусства и от которого он ждал поддержки проекта фресковой росписи для своего проекта «Собор Воскрешающего музея», мы находим краткий очерк направления философских поисков художника. Он замечает, что «знаком с выводами немецкой и французской философии, учителями же своими считаю: Лотце, пройдя Вундта, Шопенгауэра...»¹⁵. И далее следует утверждение: «Ни Соловьёв, ни Достоевский, ни Леонтьев, ни Сергей Трубецкой (автор учения о “Логосе”) для меня не были учителями, ни даже воспитателями, хотя я их знаю. Для меня воспитателем и учителем был и есть Н.Ф. Федоров. Величайший после Сократа мыслитель» [17, с. 215]. Признание Лотце и Федорова учителями не исключает влияния на философско-эстетические представления Чекрыгина идей Соловьёва.

Самое значительное из того, что Чекрыгин, вероятно, извлек из размышлений Лотце, – это идея «микрокосма», связанная с пониманием начала и конца душевной жизни, возникновения душ и бессмертия. Во вступительном слове «От автора» Лотце ясно определяет свою задачу: «Не космос, объемлющий вселенную, хотели мы воспроизвести по образцу, однажды данному нашему народу; мы не отважились бы повторить решение этой задачи даже и в гораздо теснейших пределах. Но чем более черты этой великой картины мира будут входить в общее сознание, тем живее будет оно возвращать нас к самим себе и снова возбуждать неотстранимые вопросы; какое же значение имеют человек и его жизнь, с постоянными ее явлениями и изменчивым ходом истории, в целом составе той природы, которой неослабное влияние, благодаря выводам новейшей науки, мы ныне чувствуем на себе более чем когда-нибудь?» [18, с. XXX]. Отношение макрокосма и микрокосма – главная тема Лотце, видевшего в утрате современниками чувства космоса и субстанциальности в условиях нарастающей дробности, разединенности социальной жизни. Этот взгляд, характерный для старой метафизики, основывался на понимании космоса как единства всего одушевленного, целостности смысла, «полноты тепла», «концентрически выстроенной целокупности», имеющей, по мнению П. Слотердайка, «явно выраженный характер обители-дома», воплощающий «идеальную прародину разумных существ»¹⁶.

В русской религиозной философии художник Чекрыгин нашел отражение своих исканий. Интуиция помогает ему ориентироваться в энциклопедическом охвате философских идей, он осваивает их и интегрирует применительно

¹⁵ См.: Чекрыгин В.Н. Из переписки с Н.Н. Пуниным 1920–1922 // Мурина Е.Б., Ракитин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 215 [17].

¹⁶ См.: Слотердаик П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования / пер. с нем., примеч. и послесл. А.В. Перцева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. С. 315 [19].

к пониманию духовной основы искусства, универсализма творчества, устремленного к конечному идеалу. Столкновение с идеями Соловьева и Федорова становится значимой вехой в формировании мировоззрения художника, в определении степени созвучности его творчества эпохе, что не могло не отразиться в темах, образах, мотивах творчества. Устремлениям Чекрыгина созвучна метафизика Соловьева, основанная на идеях родства искусства с философией как цельным знанием. В понимании Соловьева философия имеет «своим предметом не ту или другую идею, а весь идеальный космос, то есть общую совокупность идей в их внутреннем отношении или взаимодействии как объективное выражение истинно-сущего»¹⁷. Он признает, что в доступности к центральным, глубоким, универсальным идеям «философская интуиция значительно уступает в яркости и интенсивности интуиции художественной, превосходя ее универсальностью содержания»¹⁸.

Эта мысль близка Чекрыгину и вполне применима к его творчеству. Осознавая талант как предназначение к служению высшим целям искусства и целям жизни художник в письме Г.В. Лабунской так представил линию своей судьбы: «Я знаю себя и скажу Вам по секрету, что, если я проживу до 50 лет (проживу, я чувствую по жизненным силам, до 25) ..., поверну всю мировую живопись на реальный путь» [21, с. 158]. Масштаб этой задачи вдохновлял художника, работавшего в последние три года жизни над графическими эскизами к задуманным им фрескам на темы «Бытие» (1920–1921 гг.) и «Воскрешение мертвых» (1921–1922 гг.). Его одержимость делом художника проявляется в фантастической работоспособности. Произведения Чекрыгина и в особенности композиции из цикла «Воскрешение мертвых» – яркий пример глубины и тайны художественной интуиции, рождающей чувство прикосновения к непостижимой трагедии смерти и тления. Экспрессивный и вдумчивый художник становится философом, теоретиком, ищущим объяснения бесконечной неопределенности мира, путей преодоления хаоса бытия. Его размышления об истоках и сущности творчества, о формах и образной системе основных явлений истории искусства, толкование понятий «образ», «живописность», «реальность», «красота» вдохновлялись активным стремлением повлиять на движение мирового художественного процесса, повернуть искусство к жизни, доказать необходимость всеобщего синтеза в деле преображения мира. Эти поиски нашли отражение в «Манифесте художников живописи» (1920 г.), «Подготовительных материалах к курсу лекций для Вхутемаса» (1920 г.), в статье «О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства» (1921 г.), в трактате «О Соборе Воскрешающего музея» (1921 г.), в докладах, заметках, письмах.

Статья «О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства», написанная в 1921 году и опубликованная посмертно во втором номере журна-

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравцова и др. М.: Мысль, 1988. С. 206 [20].

¹⁸ Там же.

ла «Маковец», отражает характерный для Чекрыгина подход к осмыслению процессов, происходящих в современном искусстве. Сопоставляя стихию современного творческого процесса с ритмами развития искусства, утверждая необходимость освобождения «нового художника» от субъективного произвола в творчестве, он обращается к собственному опыту осмысления дела художника. Интонация искреннего, исповедального обращения, готовность поделиться идеями и открытиями, обретенными на сложном пути духовных и профессиональных поисков, сопутствуют описанию образа «нового художника». Этот топос, столь характерный для культуры модернизма, обретает у Чекрыгина конкретные очертания на основании сопряжения своего жизненного и профессионального опыта художника с философско-эстетическими идеями Соловьева. Понятия всеединства, всеобщего синтеза, универсализма, воспринятые из философско-эстетической концепции Соловьева, осмыслились и развивались в проективной эстетике Чекрыгина. Он пишет: «Став лицом к миру, новый художник как бы соприкасается с притаившимся бытием природы и не только в созерцании, в умозрении, но в творческом действии прозревает истинную реальность – красоту как идею целостности, совокупного единства» [22, с. 232].

Очевидно, что в понимании онтологических оснований искусства Чекрыгин идет вслед за Соловьевым, принимая идеи, высказанные философом о подходах к поиску оснований теории красоты и искусства. Соловьев писал в статье «Красота в природе» (1889 г.), что «сущность красоты должна быть прежде всего понята в ее действительных наличных явлениях. Из двух областей прекрасных явлений, природы и искусства, мы начнем с той, которая шире по объему, проще по содержанию и естественно (в порядке бытия) предшествует другой. Эстетика природы даст нам необходимые основания для философии искусства» [23, с. 353]. Не называя имени философа, Чекрыгин в статье «О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства» почти дословно пересказывает и обильно цитирует работу Соловьева «Красота в природе», утверждая ценность его метафизических прозрений и необходимость следовать им в понимании искусства. Примечательно, что в статье Чекрыгина внимание читателя направлено на метафизические темы, разрабатываемые Соловьевым и актуальные для переломного момента искусства двадцатых годов XX века. Похоже, что художник-мыслитель, вполне осознавая глубину и современность эстетических идей Соловьева, задался целью донести до публики важнейшие проблемы онтологии искусства, создавая образ «нового художника», верного подлинной природе искусства, свободного от субъективного произвола в создании образа и языка искусства, «прозревая идею единства, “просвечивающую сквозь материю”, как являющую реальность красоту»¹⁹.

¹⁹ См.: Чекрыгин В.Н. О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства // Мурина Е.Б., Ракигин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 232 [22].

Как видим, в определении основополагающих понятий эстетики – прекрасного и безобразного – Чекрыгин полностью полагается на Соловьева, цитируя определения философа из статьи «Красота в природе», где говорится, что «там, где свет и жизнь уже овладели материей, где всемирный смысл уже стал раскрывать свою внутреннюю полноту, там несдержанное проявление хаотического начала, снова разбивающего или подавляющего идеальную форму, естественно, должно производить резкое впечатление безобразия» [23, с. 361].

Сопоставление представлений о творческой природе искусства, высказанных в «Манифесте художников живописи» и в статье «О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства», указывает на понимание утверждавшихся Соловьевым теургических оснований искусства как реального дела художника. Еще в 1915 году в письме к Г.В. Лабунской он пишет: «Творчество считаю (и во всем этом убежден, так моя душа поддакивает) жаждой проявления или воспоминания (по Платону) Божественной сущности» [21, с. 158].

В «Манифесте художников живописи» Чекрыгин утверждал, что «основой творчества является представление, находящее свое наибольшее наивысшее выражение, подлинное бытие в образе» [14, с. 166]. Следуя этому представлению, он задумывается о тайне гениальности и пишет: «Гений-художник есть духовидец, провидец, вождь человечества духа [ведущий] к скрытым целям Бытия» [14, с. 166]. «Манифест» отражал стремление художника определить пути выхода из кризиса, который переживало человечество, найти пути преображения мира. Эстетика Соловьева представляет собой попытку ответа на экзистенциальный кризис современности. В его понимании искусство в этом движении имеет особое значение. Философ усматривал, как отмечает В.В. Бычков, «выход из экзистенциального кризиса на путях обновленного, свободного творчества жизни самими людьми, осознанно обратившимися за божественной помощью в деле реализации замысла Творца и имеющими перед внутренним взором в качестве идеала Царство Божие» [24, с. 93].

Представляется, что Чекрыгин, продолжая идеи Соловьева и принимая его открытия и прозрения, идет вслед за Федоровым, понимающим преображение как теоантропоургический процесс, как проект и реальное дело «рекреатуры», восстановления мира в его Божественном замысле. У Федорова мысль о единстве молитвы и дела определяла путь, которым должно идти человечество, преодолевая рознь и разрушение. Понимание литургических оснований творчества выражено у мыслителя в идее превращения храмовой литургии во внехрамовую. Литургия храмовая и Пасха, согласно взгляду Федорова, есть образ внехрамовой литургии, внехрамовой Пасхи, объединяющей всех живущих «в познании и обращении слепой силы природы в живоносную»²⁰. Он определяет это явление так: «Внехрамовая литургия и внехрамовая Пасха не есть только

²⁰ См.: Федоров Н.Ф. К статье «Что такое история для неученых» // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 367 [25].

внемирная так называемая Ангельская Литургия или Пасха, которую поют ангелы на небесах, а всемирная, т.е. обращение самой мировой силы из слепой, бесчувственной, вне и в нас действующей, в управляемую разумом и чувством» [25, с. 367].

Такому пониманию творчества следует и художник Чекрыгин. В «Манифесте художников живописи» он писал: «Творчество одно – евхаристия, высшее творение вне времени и пространства, в себе, над собою божественное становление и искупление жизни, бытия, победа над смертью, а во времени – молитва и работа над воскрешением» [14, с. 166]. Увлеченный учением Федорова, его проективной эстетикой и видением смысла искусства, Чекрыгин полагает, что именно в философии общего дела открываются образ искусства будущего, «окончательная и завершительная ступень – осуществление в самой действительности подлинного синтеза живых искусств, оживотворяющего и одухотворяющего не только живущее, но и жившее и созданное в образе» [22, с. 232]. Ему кажется очевидным, что образы достигают цели раньше, чем слова, поэтому живопись, как и всякая художественная деятельность, должна быть направлена на развитие творчества, охватывающего все сферы жизни человечества и природы. Совершенный художник в этом представлении – это человечество, объединенное творчеством воссоздания мира, где нет разрушения и смерти. Дело же современного, «несовершенного художника» Чекрыгин считает «предварительным действием Великого Синтеза»²¹.

В учении Федорова художник видит предельное выражение задач творчества, объединяющего науку и искусство, ученых и неученых, этику и эстетику. Примечательно, что в рукописном наброске уже упоминаемая Программа годовичного курса лекций по философии искусства завершалась темой «Идеальное искусство». Это название зачеркнуто и заменено на «Искусство современности», однако, дополнив программу Приложением, затрагивающим проблемы влияния на современный художественный процесс искусства Востока, влияния Сезанна на московских и петербургских художников, темы развития русского фрескового искусства, Чекрыгин заключительную годовую тему определяет так: «О философии Федорова, разбор статьи об искусстве, об идеале»²².

Художник видит в учении Федорова последнее слово, вершину, с которой открываются новые горизонты, увлекающие искусство к идеалу преодоления мирового хаоса. Трагическое мироощущение сближало художника с мыслителями, искавшими образ воскресшего, преображенного мира, пути к всеобщему счастью и преодолению страдания. Этому идеалу посвящен трактат Чекрыгина «О Соборе Воскрешающего музея», который представляет собой своеобразное переложение и интерпретацию идей Федорова, поэтически

²¹ См.: Чекрыгин В.Н. О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства. С. 23–233.

²² См.: Чекрыгин В.Н. Программа годовичного курса лекций по философии искусства. Автограф. 1921. Датировка Н.И. Харджиева // РГАЛИ 73. Фонд №3145. Описание № 2. Ед. хр. 1235. 5 л. (Фонд Н.И. Харджиева).

насыщенное послание, адресованное «несовершенным художникам» и всему человечеству, о задачах творчества и образе будущего бытия. Он писал: «Цель Воскрешающего Музея – органа муз – есть действительный хоровод, подлинный солнцевод (движение посолонь), имея силу овладения движением небесных тел и земли, возратить жизнь умершим» [7, с. 247]. Смысл Храма-Музея художник видел, следуя за идеями Федорова, в наглядном и действительном воплощении проекта вселенной, в которой оживлено все то, что в действительности умерщвлено: «Наше дело – чистое воссоздание совершенными искусствами. Дело искусств – построить ясные тела Отцов и создать единый дом в живой архитектуре, не знающей глуби потопляющей, верха и низа» [7, с. 235].

Очевидны черты, отличающие манеру размышления Чекрыгина от философского стиля работ Федорова. Они заключаются, прежде всего, в исповедальном характере откровения художника и в формулируемых им идеях поиска своего пути к сути учения общего дела, смыслу его принятия и следования к высшей цели Всеобщего Синтеза. Трактат, содержащий интерпретацию федоровского учения, насыщен описанием внутренних переживаний, чувственных эмоциональных состояний, духовных и интеллектуальных движений внутреннего мира человека, ищущего путей идеального жизнеустроения мира. Стремление передать читателю духовный опыт своих личных поисков истины, добра и красоты подводит к возможности увидеть и в замысле, и в самой сути его трактата, и в проекте Храма-Музея выражение антроподицеи, оправдания бытия человека-творца, что выливается в универсалистскую проекцию оправдания бытия в его космическом устроении.

Во всей совокупности философско-эстетических работ Чекрыгина трудно найти определенно законченную, логически выстроенную систему. Эта черта отличает и творчество Соловьева, что было отмечено А.Ф. Лосевым: «У него нигде и ни в чем нельзя найти никакой одной логически неподвижной понятийной системы или какой-нибудь схематической завершенности» [26, с. 328]. В еще большей степени это можно отнести к Федорову, что и дает основания для критических разборов, выявляющих противоречия в идеях мыслителей. Идеи, высказанные Соловьевым и Федоровым, их развитие в искусстве и общий контекст русской религиозной философии стали важными источниками эстетики Чекрыгина, продолжателя теoантропоургической линии разработки проектов будущего искусства и развития человечества.

Список литературы

1. Бакушинский А.В. Исследования и статьи. Избранные искусствоведческие труды. М.: Сов. художник, 1981. 237 с.
2. Бакушинский А.В. В пути к великому искусству// Жизнь. 1922. № 3. С. 132–135.
3. Горский А.К. Николай Федорович Федоров и современность // Горский А.К. Сочинения и письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 663–812.
4. Мурина Е.Б., Ракитин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. 288 с.

5. Мурина Е.Б. Василий Николаевич Чекрыгин // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА» (Русский авангард), 2005. С. 7–48.
6. Ракидин В.И. Предварительное действие // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА» (Русский авангард), 2005. С. 145–151.
7. Чекрыгин В.Н. О Соборе Воскрешающего музея // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология: в 2 кн. Кн. 2 / сост. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновской; коммент. А.Г. Гачевой и др. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 450–482.
8. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
9. Гачева А.Г. В.Н. Чекрыгин. О Соборе Воскрешающего музея // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология: в 2 кн. Кн. 2 / сост. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновской; коммент. А.Г. Гачевой и др. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 1113–1116.
10. Гачева А.Г. На путях к творчеству жизни (Н.Ф. Федоров и В.Н. Чекрыгин) // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: сб. науч. ст. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2010. С. 88–100.
11. Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
12. Ичин К. Воскрешением против братоубийства: Василий Чекрыгин // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 103–112.
13. Чекрыгин В.Н. Тетрадь с фоторепродукциями и вырезками из альбомов репродукций икон, фресок, скульптуры (1910–1912). // РГАЛИ. Фонд 73. № 3145. Описание № 2. Ед. хр. № 1287, 1288, 1289, 1290. (Фонд Н.И. Харджиева).
14. Чекрыгин В.Н. Манифест художников живописи // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 165–167.
15. Чекрыгин В.Н. Программа годовичного курса лекций по философии искусства. Автограф. 1921. Датировка Н.И. Харджиева // РГАЛИ. Фонд 73. № 3145. Описание № 2. Ед. хр. 1235. 5 л. (Фонд Н.И. Харджиева).
16. Чекрыгин В.Н. Мысли 1920–1921 // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 218–229.
17. Чекрыгин В.Н. Из переписки с Н.Н. Пуниным 1920–1922 // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 205–218.
18. Лотце Г. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии Германа Лотце. Ч. 1–3. Ч. 1 / пер. Е. Корша. М.: К. Солдатенков, 1866–1867. 509 с.
19. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования / пер. с нем., примеч. и послесл. А.В. Перцева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
20. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравцова и др. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
21. Чекрыгин В.Н. Из переписки с Г.В. Лабунской // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 157–158.
22. Чекрыгин В.Н. О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства // Мурина Е.Б., Ракидин В.И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Изд-во «РА», 2005. С. 231–234.
23. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 351–389.
24. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
25. Федоров Н.Ф. К статье «Что такое история для неученых» // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновской. М.: Традиция, 1997. С. 367–368.
26. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / послесл. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1990. 720 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. K stat'e «Chto takoe istoriya dlya neuchenykh» [To the Article “What is History for Non-Academic People?”], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 367–368.
2. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical Basics of Unitary Knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 139–288.
3. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in Nature], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 351–389.

Individual Works

4. Chekrygin, V.N. O Sobore Voskreshayushchego Muzeya [About Convocation of the Resurrecting Museum], in N.F. Fedorov: *pro et contra. Antologiya: v 2 kn., kn. 2* [N.F. Fyodorov: pro et contra. Anthology: in 2 books, book 2]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RHGA, 2008, pp. 450–482.
5. Chekrygin, V.N. Manifest khudozhnikov zhivopisi [A Manifest of the Painters], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2005, pp. 165–167.
6. Chekrygin, V.N. Tetrad' s fotoreproduksiyami i vyrezkami iz al'bomov reproduksiy ikon, fresok, skulptury (1910–1912) [Notebook with Photo-Reproductions and Clippings from Albums with Reproductions of Icons, Frescos and Sculptures (1910–1912)], in *RGALI. Fond 73. № 3145. Opis' № 2. Ed. hr. № 1287, 1288, 1289, 1290.* (Fond N.I. Khardzhieva).
7. Chekrygin, V.N. Programma godichnogo kursa lektsiy po filosofii iskusstva. AvtoGRAF. 1921. Datirovka N.I. Khardzhieva [The Program of One-year Course on Art Philosophy], in *RGALI. Fond 73. № 3145. Opis' № 2. Ed. hr. 1235. 5 l.* (Fond N.I. Khardzhieva).
8. Chekrygin, V.N. Mysli 1920–1921 [Thoughts 1920–1921], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2005, pp. 218–229.
9. Chekrygin, V.N. Iz perepiski s N.N. Puninyim 1920–1922 [From the Correspondence with N.N. Punin 1920–1922], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2005, pp. 205–218.
10. Chekrygin, V.N. Iz perepiski s G.V. Labunskoy [From the Correspondence with G.V. Labunskaya], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2005, pp. 157–158.
11. Chekrygin, V.N. O namechayushchemsya novom etape obshcheevropeyskogo iskusstva [About Upcoming New Era of the All-European Art], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2005, pp. 231–234.
12. Gorskiy, A.K. Nikolay Fedorovich Fedorov i sovremennost' [Nikolay Fyodorovich Fyodorov and Modernity], in Gorskiy, A.K. *Sochineniya i pis'ma: v 2 kn., kn. 2* [Works and Letters in 2 books, book 2]. Moscow: IMLI RAS, 2018, pp. 663–812.

(Articles from Scientific Journals)

13. Bakushinskiy, A.V. V puti k velikomu iskusstvu [On the Way to the Great Art], in *Zhizn'*, 1922, no. 3, pp. 132–135.
14. Ichin, K. Voskresheniem protiv bratoubiystva: Vasilii Chekrygin [Resurrection Against the Fratricide: Vasily Chekrygin], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 4, pp. 103–112.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

15. Gacheva, A.G. V.N. Chekrygin. O Sobore Voskreshayushchego muzeya [Chekrygin. About Convocation of the Resurrecting Museum], in *N.F. Fedorov: pro et contra. Antologiya: v 2 kn., kn. 2* [N.F. Fedorov: pro et contra. Anthology: in 2 books, book 2]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RHGA, 2008, pp. 1113–1116.
16. Gacheva, A.G. Na putyakh k tvorchestvu zhizni (N.F. Fedorov i V.N. Chekrygin) [On the Ways to the Creativity in Life (N.F. Fedorov and V.N. Chekrygin)], in *Sbornik nauchnykh statey «Sluzhitel' dukha vechnoy pamyati»: Nikolay Fedorovich Fedorov. Ch. 2* [Collection of scientific articles “Servant of the spirit of eternal memory”: Nikolai Fedorovich Fedorov. Part 2]. Moscow: Pashkov dom, 2010, pp. 88–100.
17. Murina, E.B. Vasilii Nikolaevich Chekrygin [Vasily Nikolaevich Chekrygin], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA» (Russkiy avangard), 2005, pp. 7–48.
18. Rakitin, V.I. Predvaritel'noe deystvie [Preliminary Action], in Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA» (Russkiy avangard), 2005, pp. 145–151.

(Monographs)

19. Bakushinskiy, A.V. *Issledovaniya i stat'i. Izbrannye iskusstvedcheskie trudy* [Researches and Articles. Selected Art History Works]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1981. 237 p.
20. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian Theurgical Aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.
21. Gacheva, A.G. «Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...» *Russkaya filosofiya i literatura* [“The ideal is also reality...” Russian philosophy and literature]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 734 p.
22. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyev and His Time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.
23. Lottse, G. Mikrokozsm. Mysli o estestvennoy i bytovoy istorii chelovechestva. Opyt antropologii Germana Lottse. Ch. 1–3. Ch. 1 [Microcosm. Thoughts about the natural and everyday history of mankind. The experience of anthropology in Germany. Part 1–3. Part 1]. Moscow: K. Soldatenkov, 1866–1867. 509 p.
24. Murina, E.B., Rakitin, V.I. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2005. 288 p.
25. Semenova, S.G. *Filosof budushchego veka* [Philosopher of the Future Age]. Moscow: Pashkov dom, 2004. 584 p.
26. Sloterdajk, P., Khaynriks, G.-Yu. *Solntse i smert': Dialogicheskie issledovaniya* [Sun and Death: Dialogic Researches]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2015. 608 p.

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ PHILOLOGY AND CULTURAL STUDIES

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)

Дмитрий Леонидович Шукуров

Ивановский государственный химико-технологический университет, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурологии, Россия, Иваново, e-mail: shoudmitry@yandex.ru

Образ Филострата в творчестве К.К. Вагинова: опыт деконструкции

Аннотация. Рассматривается образ античного ритора Флавия Филострата (II–III вв.) в произведениях петербургского и ленинградского поэта и писателя Константина Константиновича Вагинова (1899–1934). Флавий Филострат – фигура, символизирующая сложную и противоречивую переходную эпоху от античной культуры к христианской эре. Образ Филострата в вагиновском творчестве предстает еще и как символ уходящего Серебряного века и крушения идеалов творческой юности. Цель исследования – показать скрытые интерпретационные возможности произведений К.К. Вагинова, которые связаны с общекультурным контекстом Серебряного века и идеями его крупнейших представителей – Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Вяч. Иванова, Ф.Ф. Зелинского, а также авторов ближнего круга писателя. Некоторые интерпретационные коды, имплицитно содержащиеся в текстах К.К. Вагинова, допускают возможность их герменевтического истолкования, в результате которого становится осуществимой деконструкция паралогической модели художественной реальности вагиновских произведений, а также номадически перемещающегося смыслового центра и герметического артефакта этой модели – образа Филострата как ипостасного и иноименного персонажа. Опыт деконструкции паралогической модели художественной реальности вагиновских произведений и «смещенного» центра этой модели – образа Филострата – обоснован методологическим принципом дополнительности, согласно которому в интерпретации концептуально значимым становится формально отсутствующий элемент, так как он восполняет всю систему значений. Такими формально отсутствующими элементами в структуре иноименно-ипостасных образов-двойников Филострата являются в произведениях К.К. Вагинова неназванные имена Диониса, Аполлона Гиперборейского, Пифагора.

Ключевые слова: античность, эллинизм, христианство, «Новое Средневековье», Серебряный век, ницшеанство, дионисизм, кризис культуры, интертекст, «чужое слово»

Dmitry Leonidovich Shukurov

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies, Russia, Ivanovo, e-mail: shoudmityr@yandex.ru

The image of Philostratus in the works of K.K. Vaginov: experience of deconstruction

Abstract. The article examines the image of the ancient rhetorician Flavius Philostratus (II–III centuries) in the works of the St. Petersburg and Leningrad poet and writer Konstantin Konstantinovich Vaginov (1899–1934). Flavius Philostratus is a figure symbolizing the complex and contradictory transition from ancient culture to the Christian era. In Vaginov’s work, Philostratus also appears as a symbol of the passing Silver Age and the collapse of the ideals of creative youth. The purpose of the study is to show the hidden interpretative possibilities of the works of K.K. Vaginov, which relate to the general cultural context of the Silver Age and the ideas of its largest representatives: N.A. Berdyaev, P.A. Florensky, Vyach. Ivanov, F.F. Zelinsky, and authors from the inner circle of the writer. Some interpretive codes, which are implicitly present in the texts of Vaginov, allow the possibility of their hermeneutic interpretation followed by the deconstruction of the paralogical model of artistic reality of Vaginov’s works, as well as the deconstruction of the nomadically moving semantic center and hermetic artifact of this model: the image of Philostratus as a hypostatic and other-named character. The experience of deconstructing the paralogical model of artistic reality of Vaginov’s works and the “displaced” center of this model, the image of Philostratus, is justified by the methodological principle of complementarity, in which a formally absent element becomes conceptually significant in the interpretation, because it complements the entire system of meanings. In the works of K.K. Vaginov, such formally absent elements in the structure of other-named-hypostatic images-doubles of Philostratus are unnamed Dionysus, Apollo of Hyperborean, and Pythagoras.

Key words: antiquity, Hellenism, Christianity, “New Middle Ages”, Silver Age, Nietzscheanism, Dionysism, cultural crisis, intertext, “alien word”

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.147-160

Литературно-поэтический компендиум художественных произведений К.К. Вагинова (1899–1934) предстает как необыкновенный «театр» и артистический универсум уникальной авторской личности. В качестве герметического артефакта этого художественного универсума выступает образ Филострата как ипостасный, а в некоторых топосах культурного пространства вагиновских текстов и иноименный персонаж.

Под выражениями «иноименный персонаж», «иноименный образ Филострата» мы понимаем топологически санкционированное художественное воплощение его образной ипостаси под именами мифопоэтической традиции (Аполлон, Орфей, Дионис), а также в образах поэтического alter ego К.К. Вагинова (образы «неизвестного поэта» и Аполлония Тианского).

Ипостасная сущность этого образа заключается в концептуальном единстве творческой преобразующей энергии авторства и персонажной эманации, приемлющей это преобразование как дар и залог литературного бессмертия. Это значит, что литературная жизнь Филострата в произведениях К.К. Вагинова начинается с художественного перевоплощения исторического лица – Флавия

Филострата, автора античного романа «Жизнь Аполлония Тианского», – в персонаж литературы.

Флавий Филострат¹ (170–247 гг. н.э.), греческий ритор эпохи «второй софистики», состоял при дворе императрицы Юлии Домны, жены императора Септимия Севера. По ее заказу ритором было составлено жизнеописание чудотворца Аполлония Тианского на материале записей некоего Дамида – ученика Аполлония, сопровождавшего этого странствующего неопифагорейского философа I века в его путешествиях на Восток и в Африку. «По всему, что мы о нем знаем, – сообщает А.В. Болдырев об Аполлонии Тианском, – можно сказать, что он примыкает к ряду полупоэтичных пророков, основателей культов и проповедников-моралистов. В начале III века Аполлоний Тианский пользовался авторитетом едва ли не сверхчеловеческим: в домашнем святилище Александра Севера находилось изваяние Аполлония наряду с изображениями Христа, Авраама и Орфея» [2, с. 274].

В отечественной филологии появление интереса к книге Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» обусловлено общекультурными тенденциями Серебряного века. Мы хорошо знаем интерес к античности в эту эпоху. «Эллинистически-римские» параллели в ракурсе ницшевского «дионисизма» составляли предмет размышлений Вяч. Иванова. Идеи основоположника теоретического эллинизма в России Ф.Ф. Зелинского нашли художественное воплощение и теоретическое продолжение в литературно-критическом творчестве И. Анненского, О. Мандельштама, М. Кузмина и многих других авторов. Отдельно укажем имя популярного в России О. Шпенглера, поставившего вопрос об «одновременных» духовных культурах античности и Запада.

Как и каждая «возрожденческая» эпоха, русская культура начала XX века имела свои особенности в разработке умозрительного образа античности. Интерес к истории «упадка и крушения Римской империи» (Э. Гиббон) – ее характерная черта. Наша работа не ставит задачу общетеоретического обзора проблематики «эллинизма культуры». Мы обратим внимание на важный в контексте исследования культурологический аспект этой темы – проблему взаимоотношения культур античности и христианства в творчестве К.К. Вагинова на примере отдельного художественного образа ряда его произведений (Флавия Филострата). Цель исследования – показать скрытые интерпретационные возможности произведений К.К. Вагинова, которые связаны с общекультурным контекстом Серебряного века и идеями его крупнейших представителей – Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Вяч. Иванова, Ф.Ф. Зелинского, а также авторов ближнего круга писателя.

Указанный выше аспект, включая множество теорий и концепций – от историософской (Н.Я. Данилевский) и религиозно-эсхатологической (К.Н. Леонтьев) концепций до нравственно-религиозной идеи «Нового Средневековья» (Н.А. Бердяев) и культурологической модели О. Шпенглера, приобре-

¹ См. современное исследование, исчерпывающе раскрывающее религиозные контексты жизни и творчества Флавия Филострата: Белоусов А.В. Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: «Жизнь Аполлония» и «Героика». М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 246 с. [1].

тает глобальный характер. Однако мы представим его в рамках сопоставления основных культурно-семантических сентенций эпохи, имеющих характер наиболее репрезентативных цитат.

Так, приведенные ниже фрагменты трудов Ф.Ф. Зелинского и О. Шпенглера, русского филолога-классика и немецкого философа, работавших независимо друг от друга, проясняют характерный для эпохи взгляд на культурное значение веков раннего христианства. Ф.Ф. Зелинский, давая характеристику периода раннего христианства, отмечал: «Как видно из сказанного..., та кротость нравов, которой была отмечена предыдущая эпоха (эпоха античной культуры. – *Д.Ш.*), в нашу уже не наблюдается; наступает *реварваризация* человечества... Мир стал груб и жесток; при таком своем основном настроении он перестал интересоваться нравственными вопросами. Из двух частей тогдашнего общества – убывающей языческой и растущей христианской – первая грустно доживала свой век, безнадежно устремив свои взоры на заходящее солнце античной религии, вторая деятельно разрабатывала богословские и организационные вопросы, мало уделяя внимания нравственности» [3, с. 356]. Подчеркивая значение морфологического родства культур эллинизма и современного Запада, десятилетием позднее в эпохальной книге «Закат Европы» О. Шпенглер писал о «римском стиле» указанного периода: «Сравнительное наблюдение выявляет “одновременность” этого периода (западноевропейская культура Нового времени. – *Д.Ш.*) с эллинизмом, в особенности “одновременность” его нынешней кульминации... с переходом эллинистического периода в римскую эпоху. Римский стиль, исполненный строжайшего фактического смысла, не гениальный, *варварский*, дисциплинированный, практичный, протестантский, прусский, всегда будет предлагать нам... ключ к пониманию собственного будущего. *Греки и римляне – здесь же пролегал и водораздел* между судьбой, свершившейся уже для нас, и судьбой, еще нам предстоящей» [4, с. 157–158].

В творчестве К.К. Вагинова эллинизм – источник многочисленных аллюзий и один из ключевых моментов авторской эстетической игры. Пафос шпенглеровской концепции, воспринятой и преображенной русской культурой в русле религиозной эсхатологии, культурологические мотивы работ Ф.Ф. Зелинского и Н.А. Бердяева (сопоставлявшего по культурной значимости эпоху большевизма с периодом раннего христианства²) стали основой для создания уникального художественного универсума вагиновских произведений.

Вагиновская поэзия загадочно-ассоциативна, но ее энигматизм всегда проникнут игровой иронией автора.

Приведем в качестве примера стихотворение, датированное 1922 годом, тем более что оно как нельзя кстати вписывается в контекст освещаемой нами темы культурологических ассоциаций начала XX века. Это поэтическое посвящение вписано в альбом А.Д. Радловой (1891–1949) – поэтессы, входившей в группу эмоционалистов:

² См.: Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2004. С. 545–628 [5].

Вы римскою державной колесницей
Несетесь вскачь. Над Вами день клубится,
А под ногами зимняя заря.

И страшно под зрачками римской знати
Найти хлыстовский дух, московскую тоску
Царицы корабля.

Но помните Выдушный Геркуланум,
Везувия гудение и взлет,
И ночь, и пепел.
Кружево кружений. Россия – Рим [6, с. 88].

Игровому энигматизму, ассоциативной зашифрованности вагиновских текстов более адекватно определение герметически замкнутого артефакта, то есть унаследованного из культурной традиции знакового субстрата – «субстрата античности» (так выражаются персонажи К.К. Вагинова). Диалогом «окаменевших» цитат, игрой герметических артефактов представляется текст своеобразного метафизически-поэтического трактата «Монастырь Господа нашего Аполлона» (1922 г.). В пространстве игрового энигматизма Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и О. Шпенглер становятся неназванными участниками своего рода «эзотерического шоу»: «Радий есть христианство, братия мои. Паровоз есть христианство, братия мои. Пикассо есть христианство, братия мои. Есть пустыня Оптинская, в ней старец Нектарий убежище для паровозов и радия уготовляет. Ночью Иисусу своему, из плоскостей и палок состоящему, кадит и молится. Аполлона, Господа нашего, разлагает. О, если бы иметь камень, чтобы пустить в него. О, если бы иметь силу, чтобы убить его. Но оружие художника – это кисть его, но снаряд художника – это картина его. Так давайте, братья, трудиться в поте лица своего» [7, с. 483]³.

О бердяевском уподоблении эпохи большевизма периоду первых веков христианства мы уже сказали выше. Морфологическими трансформами шпенглеровского прасимвола западноевропейской культуры на стадии цивилизации вполне могут быть и «радий», и «паровоз», и «Пикассо», если учитывать тот факт, что в самом тексте О. Шпенглера встречаются куда более удивительные аналогии. К.А. Свасьян, обобщая символический ряд форм гениального мыслителя, отмечал: «...постижение западного прасимвола как бесконечного пространства позволяет расшифровать всю полноту европейской истории, сводя ее на этот раз к закону фаустовского ряда, включающего в себя готические постройки, парусное мореплавание, походы викингов, изобретение пороха и кни-

³ С.Н. Булгаков отмечал мистико-религиозную сущность художественных исканий Пабло Пикассо в статье «Труп красоты» (см.: Булгаков С.Н. Труп красоты. По поводу картин Пикассо // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. / [Ж-л «Вопр. философии»]. М.: Наука, 1993. Т. 2.: Избранные статьи / [сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Б. Родянской]. 1993. С. 527–545 [8].

гопечатания как дальнобойного орудия и дальнодействующего письма, исчисление бесконечно малых, число как функцию, деньги как чек и вексель, кабинетный стиль в политике и до бесконечности» [9, с. 91].

Между прочим, «христианские паровозы» новой эры уже когда-то встречали своими музыкальными голосами утро молодого священника Павла Флоренского – на страницах «Столпа и утверждения Истины» читаем: «...Кричат грудными голосами паровозы ... <...> Опять кричат глубоким контральто далекие паровозы» [10, с. 9, 10]. Сделаем предположение, что мифологическое древо культуры – в романе «Козлиная песнь» (1928 г.) иноименная сущность Филострата – увядает с той же «интертекстовой» скоропостижностью. Сравним у П.А. Флоренского: «Один за другим, один за другим, как пожелтевшие листья, опадают дорогие люди. В них осязал я душу, в них сверкал мне порою отблеск неба. Кроме добра, я ничего не имел от них. Но моя совесть мечется: “Что ты сделал для них?” Вот нет их, и между ними и мною легла бездна» [10, с. 10]. И у К.К. Вагинова: «Червонным золотом горели отдельные листочки на черных ветвях городских деревьев, и вдруг неожиданное тепло разлилось по городу под прозрачным голубым небом. В этом неожиданном возвращении лета мне кажется, что *мои герои мнят себя частью некоего Филострата, осыпающегося вместе с домами на набережную, разрушающегося вместе с прежними людьми*» [7, с. 81].

В 1920-е годы обращение к культуре позднего эллинизма – общая тенденция филологических штудий кружка молодых ученых группы А.Б.Д.Е.М. (коллективный псевдоним А.В. Болдырева, А.И. Доватура, А.Н. Егунова, А.М. Миханкова, Э.Э. Визеля)⁴, которым посвящено стихотворение К.К. Вагинова «Эллинисты»:

Мы, эллинисты, здесь толпой
В листве шумящей, вдоль реки,
Порхаем, словно мотыльки.
На тонких ножках голова,
На тонких щечках синева.
Блестящ и звонок дам наряд,
Фонтаны бьют, огни горят,
За парой парюю скользим,
И впереди наш танцевод
Ступает задом наперед.
<...>
И каждый песенку поет:
«Проходит ночь,
Уходим прочь
В свои дома,
В подвалы.

⁴ Название группы составлено из инициалов – первых букв имен и фамилий четырех первоначальных участников.

А с вышины,
Из глубины
Густых паров,
Глядит любовь
И движет солнцем
И землей,
Зеленокрасною луной,
Зеленокрасною водою» [6, с. 151–152].

И здесь мы обнаруживаем специфически вагиновский прием составления герметически замкнутого артефакта. На этот раз – артефакта шпенглеровской символики цвета: «Синий и *зеленый* – краски неба, моря, теней южного полудня, вечера и отдаленных гор. По сути это атмосферические, а не предметные краски. Они холодны; они развоплощают телесность и вызывают впечатления простора, дали и безграничности. <...> Желтый и *красный*, античные краски, суть цвета материи, близости и языка крови. Красный – это собственно цвет сексуальности; оттого он – единственный цвет, действующий на животных. Он предельно близок символу фаллоса – а стало быть, статуи и дорической колонны...» [4, с. 420–421].

Семантическая аура сопряжения зеленого и красного цветов – луны «наверху» и воды «внизу», символика которых содержит, кроме прочего, еще и сексуальные коннотации, выполняет семиотическую функцию, определяя стилистическую «одновременность» культурных эпох современности и античности. Смысл стихотворения прозрачен для «эллинистов» – способных благодаря своему знанию проникать сквозь толщи пространства мировой культуры. Не только герметизм текста, его семантика и поэтика заключают в себе возможность интерпретации, изложенной выше, но и судьба самого стихотворения: есть свидетельства о том, что несколькими годами позднее стихотворение было переведено «абдемовцами» на древнегреческий язык⁵. Тем самым акцентирован момент его интертекстовой принадлежности разным культурам.

Именно эта группа ученых (А.Б.Д.Е.М.), опубликовавшая свои переводы произведений Ахилла Татия и Гелиодора (соответственно в 1925 и 1932 годах), приступает в конце 1920 – начале 1930-х годов к подготовительной работе над текстом Флавия Филострата⁶. В кругу петербургских (ленинградских) «эллинистов», следует предположить, и возник обобщенно-типологический образ Филострата как представителя эллинистической культуры, ее хранителя – ипостасной фигуры, ставшей в художественном воплощении персонажной эманацией собственного героя – Аполлония Тианского.

⁵ См.: Кибальник С.А. Ненаписанные воспоминания. Интервью с А.И. Вагиновой // Волга. 1992. № 7–8. С. 146–155 [11].

⁶ К сожалению, работа прекратилась на многие годы в связи с последовавшими вскоре репрессиями в отношении членов группы. Современный перевод, основанный на тщательном изучении творческого наследия «абдемовцев», выполнен Е.Г. Рабинович при личном участии А.Н. Егунова и А.И. Доватура (см.: Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского / изд. подгот., пер. и примеч. сост. Е.Г. Рабинович. М.: Наука, 1985. 328 с. [12]).

Условием сближения автора и его героя могла послужить давняя и позабытая литературная традиция, восходящая к антихристианскому памфлету Гиерокла «Правдолюб» (приблизительно IV в.), написанному в пропагандистских целях и противопоставлявшему любомудра Аполлония и исторического Иисуса: «Основная идея Гиерокла была в том, что Аполлоний сотворил больше чудес, чем Иисус, да и чудеса эти были поважнее, однако почитается лишь мудрецом, стало быть, обожествление Иисуса неосновательно» [13, с. 233]. Таким образом, в истории литературы возникла традиция, для которой принципиально важна акцентуация антихристианской позиции самого Филострата, – традиция, отождествлявшая пифагорейские взгляды Аполлония и убеждения автора, составившего его жизнеописание⁷.

Современным текстологическим исследованием доказано, что реальная историческая ситуация была совсем иной. Действительно, памфлет Гиерокла, а до него латинский перевод «Жизни Аполлония Тианского» Никомеха Флавиана служили антихристианским пропагандистским целям. Оба ученых мужа выступали как защитники традиционной языческой культуры, но в пылу полемики поколений толкователи очень часто пренебрегали самоочевидным фактом различия между Флавием Филостратом и его героем – различием, значимым для античной культуры, взрастившей, между прочим, и самого Филострата: «Как и положено литератору, Филострат изображал не сущее, а возможное: он сочинил жизнеописание возможного мудреца, а для культуры этот мудрец оказался не просто возможным, но и предельно желательным» [13, с. 245].

У этой запутанной истории пересечения христианской и собственно литературной (риторической) традиции толкования текста есть свой исход: «На протяжении столетий книга Филострата рассматривалась как основной источник сведений об Аполлонии Тианском, в котором видели то колдуна и шарлатана, то божественного мудреца, то странствующего рыцаря философии – но всегда историческую личность и только историческую личность» [13, с. 223]. Восторжествовавший в западноевропейской культуре исторический подход к «Жизни Аполлония Тианского» закрыл доступ к мифологии личности Аполлония вплоть до вагиновской поэмы «1925»⁸, в которой образ Филострата выступает как поэтическая ипостась авторского alter ego (по наблюдениям О.В. Шиндиной, в раннем творчестве К.К. Вагинова образ Филострата содержит «...черты архетипического бога-первочеловека»⁹).

⁷ М.Л. Гаспаров справедливо рассматривал книгу Флавию Филострата в качестве последней языческой попытки «противопоставить образу христианского богочеловека образ языческого человека» (см.: Гаспаров М.Л. Греческая и римская литература II–III вв. н.э. // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 487 [14]).

⁸ См.: Шукуров Д.Л. Поэма К.К. Вагинова «1925»: образ автора-персонажа // РОЕТИСА LETTERARIA. LUNGA VITA!: Коллективная монография, посвященная 80-летию профессора, доктора филологических наук Г.Ю. Филипповского. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 119–127 [15].

⁹ См.: Шиндина О.В. Некоторые особенности поэтики ранней прозы Вагинова // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 104 [16].

Образ Филострата появляется в ранних текстах К.К. Вагинова, а его символика несет значительную семантическую нагрузку «перемещающегося» смыслового центра и герметического артефакта всего творчества писателя. Филострат и его поэтическая ипостась хранителя культуры, «соперника христианства» (Ф.Ф. Зелинский), «эмигранта» из культуры в культуру, получившая свой иноименный лик в образе Аполлона, являются субъектами действия прозаических миниатюр «Монастырь Господа нашего Аполлона» и «Звезда Вифлеема» (1922 г.). В 1924 году, которым датировано стихотворение «Психея», лирический образ Филострата в своем экстатическом сновидении перемещается из античности в Петербург:

Спит брачный пир в просторном мертвом граде,
И узкое лицо целует Филострат.
За ней весна свои цветы колышет,
За ним заря, растущая заря.
И снится им обоим, что приплыли
Хоть на плотях сквозь бурю и войну,
На ложе брачное под сению густою,
В спокойный дом на берегах Невы [6, с. 123].

Психея-душа Филострата празднует брак с поэтом... В дальнейшем происходит и обратная метаморфоза: «Вспомни вчерашнюю ночь, (вещает в романе «Козлиная песнь» *неизвестный поэт* во время галлюцинации. – Д.Ш.), когда Нева превратилась в Тибр, по садам Нерона, по Эскивилинскому кладбищу мы блуждали, окруженные мутными глазами Приапа. Я видел новых христиан, кто будут они? Я видел дяконов, раздатчиков хлебов, я видел неясные толпы, разбивающие кумиры. Как ты думаешь, что это значит, что это значит?» [7, с. 23]. Контекстуально образовавшееся для обозначения героя романа сочетание *неизвестный поэт* является полисемантическим и в качестве одного из имплицитных значений содержит аллюзию на мотив пустого треножника неизвестного бога, распространенный в прадионисийских культах Древней Греции. Об этом мотиве писал Вячеслав Иванов в филологическом труде «Дионис и прадионисийство» (1923 г.): «Древнейшая эпоха Дионисовой религии есть эпоха безыменного или иноименного “пра-Диониса”. <...> Вид прадионисийского культа представляет собой почитание безыменного Героя...» [17, с. 17].

Таким образом, в качестве иноименного лика Филострата в вагиновских произведениях появляется символическая фигура Диониса. Дионисова составляющая образа inferнального Аполлона¹⁰, питающегося плотью и кровью своих учеников («Монастырь Господа нашего Аполлона»), очевидна: «Обошел

¹⁰ Обширный теоретический и фактический материал о хтонической основе и «губительной» функции архаического Аполлона представлен у А.Ф. Лосева (см. об этом: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 303–501 [18]).

сегодня келии братии моей. Грустно видеть кости людей любимых. <...> Схватился я за бедра и смеялся тихо. Зачем привел вас в обитель мою. Зачем Аполлоновой пищей сделал. Расставил черепа вокруг себя. Сел и заговорил: “Не пощадил вас, не пощадил для Бога своего”» [7, с. 487]. И хотя западноевропейской литературной традиции подобный персонаж известен, ей более свойственно противопоставление Аполлона Дионису как гармонического начала хаосогенному.

Неизвестный поэт в «Козлиной песни» – это образ художника «опьянения» и «сна» в интерпретации Ф. Ницше: «...каждый художник является только “подражателем”, и притом либо аполлоническим художником сна, либо дионисическим художником опьянения, либо, наконец, – чему пример мы можем видеть в греческой трагедии – одновременно художником и опьянения и сна; этого последнего мы должны себе представить примерно так: в дионисическом опьянении и мистическом самоотчуждении... падает он, и вот аполлоническим воздействием сна ему открывается его собственное состояние, т.е. его единство с внутренней первоосновой мира в символическом подобии сновидения» [19, с. 63]. Мотив «опьянения как средства познания», соотносительный образу *неизвестного поэта*, и концепция творчества этого персонажа – очевидные культурные аллюзии работ Вячеслава Иванова. В концепции Вячеслава Иванова «...для выхода из своего “я” и проникновения в чужие эго, – как отмечает А.М. Эткинд, – для нарушения их границ и перемешивания их между собой пропагандировались любые средства – “прадионисийский половой экстаз”, “священный хмель и оргийное самозабвение”, мистический опыт теософии и православный идеал соборности» [20, с. 60]. Вспомним размышления *неизвестного поэта*: «Здесь нельзя говорить о *средстве поэзии с опьянением*, – думал он, – они ничего не поймут, если я стану говорить о необходимости заново образовать мир словом, о нисхождении во ад бессмыслицы, во ад диких шумов, и визгов, для нахождения новой мелодии мира. Они не поймут, что поэт должен быть во что бы то ни стало Орфеем и спуститься во ад, хотя бы искусственный... Неразумны те, кто думает, что без нисхождения во ад возможно искусство. *Средство изолировать себя и спуститься во ад: алкоголь, любовь, сумасшествие...*» [7, с. 72].

Образ inferнального Аполлона, являющийся в вагиновских произведениях иноименным ликом Филострата, как отмечают современные интерпретаторы, имеет два основных источника: во-первых, неопифагорейскую традицию и, во-вторых, одну из новелл книги «Воображаемые портреты» английского историка и искусствоведа эпохи прерафаэлитов Уолтера Патера¹¹.

Традиция, идеальным представителем которой являлся Аполлоний Тианский, нередко отождествляла Пифагора (основателя древнего мистико-

¹¹ На эту параллель указывали Т.Л. Никольская, В.И. Эрль и А.Г. Герасимова в примечаниях к роману «Козлиная песь» (см.: Вагинов К.К. Козлиная песнь: романы). Новелла У. Патера «Аполлон в Пикардии» основана на легенде о гиперборейском Аполлоне. Книга У. Патера (Патер, У. Воображаемые портреты / У. Патер; пер. и вступ. ст. П. Муратова. Изд. 2-е, испр. и значительно доп. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1916. 248 с. [21]) имелась в библиотеке писателя.

религиозного учения) и Аполлония (литературного, созданного Филостратом в III веке н.э.). Флавий Филострат при создании образа Аполлония, как известно, пользовался сочинением «Жизнь Пифагора», написанным историческим Аполлонием в I веке н.э. Так сложилась парадоксальная цепь взаимодействий: «Полупросвещенный каппадокиец пытался сочинить образец и следовать ему, но потерпел неудачу, – столетием позже опытному софисту (Филострату. – Д.Ш.) удалось из этого (чужого!) материала создать образец, отождествленный с конкретным прототипом и с умозрительным прототипом этого прототипа. Итак, можно говорить о континууме “исторический Аполлоний–Пифагор Аполлония–Аполлоний Филострата”, где наибольшей концептуальной емкостью обладает окончательный (литературный) Аполлоний» [13, с. 264].

Распространенные в доклассическую эпоху культ и почитание Пифагора как Аполлона Гиперборейского известны в исторической науке. Так, например, в дошедшей до нас в цитатах и пересказах книге Аристотеля «О пифагорейцах» ипостасное тождество Пифагора и Аполлона Гиперборейского – основная мифологическая парадигма: «...Аристотелю, очевидно, была знакома легенда о скифском мудреце Абарисе, ученике Пифагора, совершившем путешествие на край земли и встретившем там своего учителя в его подлинном образе Аполлона Гиперборейского» [13, с. 247].

В качестве опосредованного источника образа Аполлона указывают одну из новелл книги Уолтера Патера «Воображаемые портреты». Новелла «Аполлон в Пикардии» открывается легендой о гиперборейском Аполлоне, божественном изгнаннике: «Еще у греков существовали указания на такого Аполлона, который, при всем своем солнечном блеске и лучезарности, оставался чем-то подобным лишь ложному солнцу в тумане – богом севера или крайнего севера. Из отрывков и намеков других авторов мы узнаем кое-что об этом гиперборейском Аполлоне. <...> В таких представлениях была предсказана Аполлону его будущая печальная судьба... судьба бога в изгнании... <...> Но он сохраняет в себе какое-то очарование как бы лета среди зимы, соединенное также с божественной или титанической печалью, с титаническим гневом в сердце и соответственным тому извращением прежних благодетельных и истинно солнечных качеств. За свое обманчивое благодушие, за эти милости, на которых всегда лежит отпечаток коварного и злого волхования, он заставляет людей расплачиваться страшной ценой; в сущности говоря, он есть не что иное, как сам дьявол!» [21, с. 115].

Итак, иноименно-ипостасный конгломерат традиции, в начале которой – Пифагор (основатель древнего религиозно-мистического учения, в дальнейшем отождествившего своего основателя с мифологическим Аполлоном Гиперборейским), далее – «чудодей» I века Аполлоний Тианский и ритор III века Флавий Филострат (создавший идеальный образ мудреца Аполлония), представляет в истории культуры сложившуюся мифологию имени. Филострат как иноименный и ипостасный персонаж артистического универсума К.К. Вагинова стал ярчайшей художественной эманацией этой мифопоэтической парадигмы.

«Чужое слово» античности в вагиновском творчестве имеет основным источником орфико-пифагорейскую парадигму. Концепция художественного слова в этой традиции заключается в особой мифопоэтической и даже мифомагической перспективе творчества. Однако любая традиция, любой реминисцентный образ, попадая в интертекстуальный механизм произведений К.К. Вагинова, оформляется на стилевой поверхности как «плавающее означающее» той или иной культурной парадигмы, утратившее смысловую объемность, номадически перемещающееся от одного художественного образа к другому в виде плоскостных индексальных знаков. Также следует отметить, что связь культурной традиции и ее цитации в поэзии, романе «Козлиная песнь» и прозаических миниатюрах автора всегда опосредована другими литературными произведениями, начиная с античных («Пир» Платона, «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата) и заканчивая современной писателю литературой.

Немаловажное значение в структуре прозы К.К. Вагинова имеют автоцитаты, отсылающие к его ранней поэзии и поэме «1925». Филострат – фигура, символизирующая сложную и противоречивую переходную эпоху от античной культуры к христианской эре. В вагиновском творчестве Филострат предстает еще и как символ уходящего Серебряного века и крушения идеалов творческой юности. Однако иноименно-ипостасное тождество пифагорейской традиции и образ Филострата, представляющий художественное воплощение этой мифопоэтической парадигмы, не являются художественным центром артистического универсума в буквальном смысле, но появляются на периферии образной системы, принципиально децентрированной и лишенной доминирующего образа-протагониста.

Список литературы

1. Белоусов А.В. Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: «Жизнь Аполлония» и «Героника». М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 246 с.
2. Болдырев А.В. Художественная повествовательная проза I–III вв. н.э. // История греческой литературы: в 3 т. Т. 3. Литература эллинистического и римского периодов / под ред. С.И. Соболевского [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 242–290.
3. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры / ред. и примеч. С.П. Заикина. 2-е изд. СПб.: Марс, 1995. 380 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
5. Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2004. С. 545–628.
6. Вагинов К.К. Собрание стихотворений / сост., послесл. и примеч. Л. Черткова; предисл. В. Казака. München, 1982. 212 с.
7. Вагинов К.К. Козлиная песнь: романы / вступ. ст. Т.Л. Никольской, примеч. Т.Л. Никольской и В.И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с.
8. Булгаков С.Н. Труп красоты. По поводу картин Пикассо // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. / [Ж-л «Вопр. философии»]. М.: Наука, 1993. Т. 2: Избранные статьи / [сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Б. Родянской]. 1993. С. 527–545.
9. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквиem по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 5–122.

10. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины / П.А. Флоренский; вступ. ст. С.С. Хоружего; журн. «Вопр. философии» [и др.] – [Факс. воспроизведение текста изд. 1914 г.]. М.: Правда, 1990. Т. 1. Столп и утверждение истины, 1. 1990. 490 с.
11. Кибальник С.А. Ненаписанные воспоминания. Интервью с А.И. Вагиновой // Волга. 1992. № 7–8. С. 146–155.
12. Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского / изд. подгот. пер. и примеч. сост. Е.Г. Рабинович. М.: Наука, 1985. 328 с.
13. Рабинович Е.Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // изд. подгот., пер. и примеч. сост. Е.Г. Рабинович. М.: Наука, 1985. С. 217–277.
14. Гаспаров М.Л. Греческая и римская литература II–III вв. н.э. // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 485–501.
15. Шукуров Д.Л. Поэма К.К. Вагинова «1925»: образ автора-персонажа // ROETICA LETTERARIA. LUNGA VITA!: Коллективная монография, посвященная 80-летию профессора, доктора филологических наук Г.Ю. Филипповского. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 119–127.
16. Шиндина О.В. Некоторые особенности поэтики ранней прозы Вагинова // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 103–107.
17. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.
18. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 303–501.
19. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм / пер. с нем. Г.А. Рачинского // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
20. Эткинд А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Изд. дом «Медуза», 1993. 463 с.
21. Патер У. Воображаемые портреты / пер. и вступ. ст. П. Муратова. Изд. 2-е, испр. и значительно доп. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1916. 248 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Boldyrev, A.V. Khudozhestvennaya povestvovatel'naya proza I–III vv. n.e. [Fictional narrative prose of the 1st–3rd centuries. AD], in *Istoriya grecheskoy literatury: v 3 t. T. 3. Literatura ellinisticheskogo i rimskogo periodov* [History of Greek literature: in 3 vol., vol. 3. Literature of the Hellenistic and Roman periods]. Moscow, 1960, pp. 242–290.
2. Gasparov, M.L. Grecheskaya i rimskaya literatura II–III vv. n.e. [Greek and Roman literature of the 2nd–3rd centuries. AD], in *Istoriya vseimnoy literatury v 9 t., t. 1* [History of world literature in 9 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 485–501.

Individual Works

2. Berdyaev, N.A. Novoe Srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy [New Middle Ages. Reflections on the fate of Russia and Europe], in Berdyaev, N.A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow: Izdatel'stvo AST; Khar'kov: Folio, 2004, pp. 545–628.
4. Bulgakov, S.N. Trup krasoty. Po povodu kartin Pikasso [Corpse of beauty. About Picasso's paintings], in Bulgakov, S.N. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 527–545.
5. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie Istiny* [Pillar and Ground of Truth]. Moscow: Pravda, 1990. 490 p.
6. Filostrat, Flaviy. *Zhizn' Apolloniya Tianskogo* [Life of Apollonius of Tyana]. Moscow: Nauka, 1985. 328 p.
7. Ivanov, Vyach. *Dionis i pradionisistvo* [Dionysus and pre-Dionysianism]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 1994. 343 p.

8. Losev, A.F. Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitiy [Ancient mythology in its historical development], in Losev, A.F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 303–501.
9. Nitsche, F. Rozhdenie tragedii, ili ellinstvo i pessimism [The birth of tragedy, or Hellenism and pessimism], in Nitsche, F. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 47–157.
10. Pater, U. *Voobrazhaemye portrety* [Imaginary portraits]. Moscow: Izdatel'stvo K.F. Nekrasova, 1916. 248 p.
11. Rabinovich, E.G. «Zhizn' Apolloniya Tianskogo» Flaviya Filostrata [“The Life of Apollonius of Tyana” by Flavius Philostratus], in Filostrat, Flaviy. *Zhizn' Apolloniya Tianskogo* [Life of Apollonius of Tyana]. Moscow: Nauka, 1985, pp. 217–277.
12. Shpengler, O. *Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]. Moscow: Mysl', 1993. 663 p.
13. Svas'yan, K.A. Osval'd Shpengler i ego rekviem po Zapadu [Oswald Spengler and his Requiem for the West], in Shpengler, O. *Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]. Moscow: Mysl', 1993, pp. 5–122.
14. Vaginov, K.K. *Sobranie stikhotvorenyy* [Collection of poems]. München, 1982. 212 p.
15. Vaginov, K.K. *Kozlinaya pesn': romany* [Song of the Goat: Novels]. Moscow: Sovremennik, 1991. 592 p.
16. Zelinskiy, F.F. *Istoriya antichnoy kul'tury* [History of ancient culture]. Saint-Petersburg, 1995. 380 p.

(Articles from Scientific Journals)

17. Kibal'nik, S.A. Napisannyye vospominaniya. Interv'y u A.I. Vaginovoy [Unwritten memories. Interview with A.I. Vagina], in *Volga*, 1992, no. 7–8, pp. 146–155.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

18. Shindina, O.V. Nekotorye osobennosti poetiki ranney prozy Vaginova [Some features of the poetics of Vaginov's early prose], in *Mikhail Kuzmin i russkaya kul'tura XX veka* [Mikhail Kuzmin and Russian culture of the 20th century]. Leningrad, 1990, pp. 103–107.

(Monographs)

19. Belousov, A.V. *Flaviy Filostrat v religioznom kontekste svoego vremeni: «Zhizn' Apolloniya» i «Geroika»* [Flavius Philostratus in the religious context of his time: “Life of Apollonius” and “Eroica”]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU, 2012. 246 p.
20. Etkind, A.M. *Eros nevozmozhnogo. Istoriya psikhoanaliza v Rossii* [Eros of the impossible. History of psychoanalysis in Russia]. Saint-Petersburg: Meduza, 1993. 463 p.
21. Shukurov, D.L. Poema K.K.Vaginova «1925»: obraz avtora-personazha [Poem by K.K. Vaginov “1925”: the image of the author-character], in *POETICA LETTERARIA. LUNGA VITA! Kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu professora, doktora filologicheskikh nauk G.Yu. Filippovskogo* [LETTERARIA. LUNGA VITA!: Collective monograph dedicated to the 80th anniversary of Professor, Doctor of Philology G.Yu. Filippovsky]. Yaroslavl': RIO YaGPU, 2022, pp. 119–127.

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2)

Нина Владимировна Лощинская

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nlkontakt@mail.ru

**Кто такой «Р-н»: об одном из адресатов отзывов А.А. Блока
о поэтах (спустя столетие после их первой публикации
П.Н. Медведевым)**

Аннотация. Рассматриваются обстоятельства использования «криптонимов» в публикации отзывов А.А. Блока о поэтах, осуществленной П.Н. Медведевым в 1923 году. Раскрывается фамилия палеонтолога и литератора А.Н. Рябина, одного из претендентов на вступление в Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов. Впервые вводится в научный оборот полный рукописный текст коллективного документа, хранящегося в РО ИРЛИ, с резолюциями членов Приемной комиссии (А.А. Блок, М.Л. Лозинский, Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин) о книге стихов А.Н. Рябина «После грозы» (1918 г.). Делается акцент на эстетических принципах блоковской оценки рецензируемых стихотворений. Характеристика научной, литературной и общественной деятельности А.Н. Рябина сопоставляется с высказываниями Блока о творческом потенциале российской научно-технической интеллигенции и ее роли в преобразовании России. Анализируется положительный отклик А.М. Ремизова на произведения А.Н. Рябина, намечаются возможные аспекты их творческого соприкосновения.

Ключевые слова: криптоним, атрибуция, символизм, Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов, геология, палеонтология, идея преобразования России

Nina Vladimirovna Loshchinskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, PhD in Philology, Senior Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: nlkontakt@mail.ru

**Who is "R-n": about one of the addressees of A.A. Blok's
reviews of poets (one hundred years after their first publication
by P.N. Medvedev)**

Abstract. The article examines the circumstances associated with the use of "cryptonyms" in the publication of A.A. Blok's resolutions on poets, carried out by P.N. Medvedev in 1923. The surname of the paleontologist and writer A.N. Ryabinin, one of the applicants for joining the Petrograd branch of the All-Russian Union of Poets, is revealed. For the first time, the full handwritten text of the collective document stored in the RO IRLI with the resolutions of the members of the Admissions Committee (A.A. Blok, M.L. Lozinsky, N.S. Gumilev, M.A. Kuzmin) about his book of poems "After the Thunderstorm" (1918) is introduced into scientific circulation. The emphasis is placed on the aesthetic principles of Blok's evaluation of the reviewed poems. The characteristics of scientific, literary and social activities of A.N. Ryabinin are compared with Blok's ideas about the creative potential of the Russian scientific

and technical intelligentsia and its role in the transformation of Russia. The positive reaction of A.M. Remizov to the work by A.N. Ryabinin is analyzed, aspects of their possible creative contacts are outlined.

Key words: cryptonym, attribution, symbolism, Petrograd branch of the All-Russian Union of Poets, geology, paleontology, the idea of the revival of Russia

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.161-178

Впервые блоковские отзывы о поэтах, подавших заявления о принятии в Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов (далее – *ПО ВСП*), были обнародованы П.Н. Медведевым в 1923 году во 2-м, дополненном издании сборника «Памяти Блока»¹. Издание было приурочено ко второй годовщине со дня смерти поэта и, по замыслу составителей, содержало неизвестные ранее материалы, в том числе касающиеся участия Блока в организации нового творческого союза и критериев блоковской оценки поэтического статуса претендентов на вхождение в него. Каждое новое высказывание Блока о поэзии было особенно ценно для первых исследователей и почитателей его творчества. Это относится также к блоковским резолюциям, которые являлись частью рекомендаций членов Приемной комиссии *ПО ВСП*, функционировавшей с середины лета 1920 года². Блок был председателем этой комиссии, куда входили Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин и М.Л. Лозинский. Если по истории *ПО ВСП* в целом имеется ряд фактических и мемуарных данных³, то о деятельности Приемной комиссии известно не так уж много⁴. Одним из источников информации являются отзывы ее членов о поэтах, желавших вступить в *ПО ВСП*. Однако при сопоставлении количества дошедших до нас отзывов с количеством поданных, по свидетельствам современников, заявлений становится очевидно, что таких резолюций должно было быть значительно больше⁵. Проблемы с сохранностью документов только что созданного Союза возникали, в частности, из-за отсутствия на первых порах постоянного помещения и организационной дисципли-

¹ См.: Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии // Памяти Блока: сб. материалов / под ред. [и с предисл.] П.Н. Медведева. 2-е изд., доп. Пб.: Полярная звезда, 1923. С. 63–72 [1].

² О работе приемной комиссии «Петербургского <sic> отделения Всероссийского Союза Поэтов» см.: Хроника «Об организации Петербургского Союза поэтов» // Жизнь искусства. 1920. № 517, 30 июля. С. 1 [2].

³ Одна из современных попыток реконструировать историю *ПО ВСП* с привлечением материалов периодики и верификацией мемуарных источников предпринята в работе: Устинов А.Б. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 18–59 [3].

⁴ О деятельности комиссии по приему в *ПО ВСП* см., в частности: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс.А. Рождественского / предисл. и публ. М.В. Рождественской; коммент. Р.Д. Тименчика; II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / публ. Р.Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука. 1987. Кн. 4. С. 684–695 [4].

⁵ Там же. С. 685, 692 (примеч. 2).

ны, а также в результате изменений внутри президиума Правления и бюрократической неразберихи. Высказывалось предположение, что какие-то материалы могли остаться у одного из секретарей *ПО ВСП*, Г.В. Иванова⁶, навсегда покинувшего Россию в сентябре 1922 года. По словам Медведева, опиравшегося на свидетельство Вс. Рождественского, который предоставил ему для публикации хранившиеся у него коллективные отзывы о поэтах, работа Комиссии была организована следующим образом: «Каждый желающий поступить в Союз, но не имеющий ... литературного стажа представлял при прошении свои стихи – в рукописи или напечатанные. <...> Каждый из членов приемной комиссии ... давал свое заключение – на обороте прошения или же ... на отдельном листке. Первым свое мнение обыкновенно заносил Ал. Блок; за ним, на том же листке – остальные члены комиссии. По сообщению Вс.А. Рождественского, бывшего первое полугодие секретарем Союза и приемной комиссии, Ал. Блок очень серьезно относился к возложенным на него, несколько щекотливым обязанностям. Он ... тщательно изучал представленный материал. Свои отзывы всегда писал на дому» [1, с. 64]. Вероятно, именно Вс. Рождественский в качестве секретаря новой организации доставлял листочек с отзывами рецензентов от одного к другому. Как известно, подобную функцию исполнителя отдельных поручений Рождественский уже выполнял для редакторов издательства «Всемирная литература», в том числе и для Блока⁷. В блоковской записной книжке есть непосредственные записи о передаче Рождественскому тетрадей со стихами рецензируемых поэтов и резолюций для Приемной комиссии *ПО ВСП*⁸.

Выделяя отзывы Блока из коллективных документов, Медведев не считал «своевременным опубликование полного имени адресатов», а заменил «указанием только первой и последней букв их фамилий»⁹. Для тех, кто имел отношение к *ПО ВСП*, некоторые сокращения могли быть понятны, а сам публикатор, видимо, полагал, что в дальнейшем исследователи легко восстановят эти сведения по рукописям отзывов.

Такой момент наступил, когда к столетию со дня рождения Блока начала издаваться серия из пяти книг 92-го тома «Литературного наследства», посвященного новым материалам и исследованиям о его жизни и творчестве, и в четвертой книге появился раздел «Блок и Союз поэтов»¹⁰. В этой публикации были раскрыты адресаты сохранившихся отзывов Приемной комиссии, в том числе 13-ти коллективных документов из личного архива Вс.А. Рождественского, часть

⁶ См.: Блок и Союз поэтов. С. 685.

⁷ См.: Рождественский Вс. Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии – 1966. Л.: Сов. писатель, 1966. С. 87 [5].

⁸ См. записи от 17 и 22 августа, 3 и 21 сентября, 30 ноября 1920 г. в записной книжке № 61: Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М., 1965. С. 499, 500, 502, 508 [6].

⁹ См.: Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии. С. 65.

¹⁰ См.: Блок и Союз поэтов. С. 684–695.

которого находилась в то время в семье поэта. Их полный текст был подготовлен его дочерью М.В. Рождественской¹¹. Еще пять отзывов о претендентах на членство в Союзе поэтов, которые были в распоряжении Медведева, к моменту новой публикации оказались рассредоточены по разным рукописным хранилищам (РГБ, РНБ, ИРЛИ). Р.Д. Тименчик собрал их и напечатал целиком с указанием фамилий во второй части публикации «Блок в Союзе поэтов»¹².

Вместе с тем годы репрессий и военного лихолетья, сложные, зачастую трагичные перипетии судеб участников литературного процесса привели к тому, что местонахождение целого ряда документов Приемной комиссии *ПО ВСП*, в том числе хранившихся у П.Н. Медведева, осталось неизвестно. Не исключено, что некоторые материалы пропали при изъятии его архива во время обыска и ареста ученого в марте 1938 года. Часть документов из числа возвращенных после публикации Вс. Рождественскому могла погибнуть, по предположению М.В. Рождественской, «в квартире его матери в ленинградскую блокаду»¹³. В результате четыре отзыва, рукописи которых не удалось обнаружить, были напечатаны Р.Д. Тименчиком по тексту публикации П.Н. Медведева, то есть в сокращенном виде, а личности зашифрованных в ней адресатов остались не идентифицированы¹⁴.

Казалось, информация об этих персонажах навсегда канула в Лету. Но иногда архивные хранилища приоткрывают толику упрятанных в них секретов. Так, при подготовке соответствующего раздела 10-го тома Полного академического собрания сочинений и писем А.А. Блока был найден документ с отзывами членов Приемной комиссии *ПО ВСП* на книгу стихов, автор которой обозначен в публикации Медведева как «Р-н»¹⁵. Оказалось, что рукописный подлинник находился в той части архива Вс. Рождественского, которая им самим была передана на хранение в Пушкинский Дом задолго до подготовки 92-го тома «Литературного наследства»¹⁶. Таким образом, стало доподлинно известно, что под условным криптонимом, принятым публикатором, был скрыт видный отечественный геолог и палеонтолог Анатолий Николаевич Рябинин (1874–1942).

Приведем не публиковавшийся ранее полный текст этого коллективного документа¹⁷:

¹¹ См.: Блок и Союз поэтов. С. 687–694.

¹² Там же. С. 694–695.

¹³ Там же. С. 685.

¹⁴ Там же. С. 695.

¹⁵ См.: Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии. С. 67.

¹⁶ Вс.А. Рождественский, начиная с середины 1930-х гг., неоднократно передавал материалы из своего архива в Пушкинский Дом. Выражаю глубокую признательность Е.М. Аксененко, сотруднице Рукописного отдела ИРЛИ, за содействие при работе с документами из необработанного фонда Вс.А. Рождественского.

¹⁷ Подчеркивание в начале отзыва принадлежит Блоку.

А. Рябинин, как явствует из предисловия, не пишет стихов с 1906 года. Книжка «После грозы» есть изложение, вероятно, искреннее, довольно средних мыслей и чувств в плохой метрической форме. Поэзией этих стихов назвать нельзя.

Ал. Блок.

Совершенно бесцветная книжка, ни одного своеобразного слова. Конечно, автору не место в Союзе Поэтов.

М. Лозинский.

Безнадежно. Принимать не стоит.

Н. Гумилев.

Очень бледно. По-моему, не годится.

М. Кузмин¹⁸.

Документ не датирован. Отзывы размещены друг под другом на листке серой бумаги. В годы послереволюционной разрухи бумага была в большом дефиците. Резолюция Блока записана черными чернилами, записи остальных членов приемной комиссии сделаны карандашом. От категорично высказанных мнений коллег отрицательный отзыв Блока все-таки отличается некоторой деликатностью, сочувственным замечанием об искренности выраженных автором мыслей и чувств и некоторыми подробностями о его литературных занятиях, что несколько смягчает нелюбезность критических суждений.

Из полного текста отзыва Блока выясняется скрытое в публикации П.Н. Медведева название книги А.Н. Рябинина, приложенной к заявлению с просьбой о принятии в *ПО ВСП*. Сборник «После грозы», выпущенный в 1918 году в издательстве «Товарищества Муромское Печатное Дело»¹⁹, был собранием оригинальных и переводных стихотворений, созданных в 1900–1907 годах, и лишь предпосланное книге «Посвящение» датировано 12 (25) апреля 1918 года. Идейно-тематическая направленность сборника, как и эстетические предпочтения автора, свидетельствует о влиянии на его стихи поэзии позднего народничества. Знакомство с содержанием книги позволяет в какой-то мере прояснить критерии блоковских оценок при обсуждении по-своему выразительных и эмоционально правдивых, но зачастую технически слабых, неровных по исполнению стихотворных текстов. При этом Блок, вслед за автором, допускает неточность в определении хронологических рамок сборника, поскольку в нем есть также переводы 1907 года. Из вступления к книге становится понятно, что на момент публикации в 1918 году она была вполне актуальна для автора, представляя собой поэтически зафиксированные вехи его жизненного пути и духовного становления. Хотя со студенческих лет А.Н. Рябинин, помимо увле-

¹⁸ <Отзывы членов Приемной комиссии Петроградского отделения Союза поэтов на книгу стихов А.Н. Рябинина «После грозы» (1918). 1920> // РО ИРЛИ. Ф. 370 (необработанный фонд) [7].

¹⁹ См.: Рябинин А.Н. После грозы. Стихи. Пг.: Изд. Т-ва «Муромское печатное дело», 1918. 85 с. [8]. Эта книга была единственным изданием Товарищества.

ченности естественными науками, активно занимался революционной деятельностью, участвуя в приближении событий Октябрьской революции, он, как и многие представители отечественной литературы и науки, глубоко переживал братоубийственную рознь, приведшую к кровопролитной и затяжной гражданской войне. Сильный эмоциональный посыл, «горе и скорбь о родине» побудили его в 1918 году дать волю поэтическому излиянию в виде стихотворного «Посвящения» к книге с надеждой, что оно дойдет «до сердец и сознания людей, забывших обо всём, кроме вражды!»²⁰. Даже если иметь в виду мнение входящих в Комиссию признанных мэтров стиха о литературной неискусственности автора, «Посвящение» подкупает читателя максимальной искренностью и накалом выраженных в нем чувств. Вот этот текст:

Как прежде, веруя в любовь,
В годину бедствия отчизны
Я призываю вновь и вновь
Над ней не править грустной тризны!..

Любя во всех врагах людей,
Не угашая пыла битвы,
Всей силой благости своей
И верой праведной молитвы

Я умоляю вас забыть
Все оскорбления и проклятья
И руку дать, и вместе быть,
Мои враги, мои друзья – и братья!

Как прежде, веруя в любовь
И воскресение отчизны,
Я призываю вновь и вновь
Над ней не править ранней тризны...

12 (25) апреля 1918 г.
Петроград [8, с. 3].

Блок, который в первое время после Октябрьской революции с энтузиазмом символиста-романтика воспринял идею ломки «старого» и созидания «нового» мира, казалось, должен был сочувственно отнестись к поэтически выраженной надежде А.Н. Рябинина на «возрождение родины». Само сочетание естественнонаучных и литературных интересов Рябинина, подолгу находившегося в геологических и других изыскательских экспедициях, занимавшегося

²⁰ См.: Рябинин А.Н. После грозы. Стихи. С. 6.

практической, научной, преподавательской и популяризаторской деятельностью, могло найти больший отклик у Блока, чьи предки по линии матери (Г.С. Карелин, А.Н. Бекетов) тоже были естествоиспытателями, учеными, популяризаторами науки. К тому же Рябинин, хорошо владея немецким, французским, английским языками, занимался поэтическими переводами из В. Гюго, Н. Ленау, Г. Лонгфелло, А. Теннисона, Х. Роде, печатался в хорошо знакомых Блоку журналах. Но Блок, как и во многих других случаях, руководствовался строгими эстетическими критериями, в основе которых были преобразованные в символистском духе идеи Вл. Соловьева. Возможно, негативное мнение Блока о рецензируемом сборнике в какой-то степени было обусловлено отсутствием эсхатологической составляющей в стихах А.Н. Рябина на революционную тему и их общей позитивистской направленностью. То, что занятия поэзией служили для Рябина почти дневниковым способом выразить свои переживания и жизненные впечатления, никак не повлияло на блоковскую оценку, хотя мы знаем, что имеющие литературный статус «человеческие документы» оказывались в сфере внимания Блока. В периоды неоднократных ссылок из-за революционной деятельности стихи были для Рябина одной из немногих отдушин. И, как он сам указал в предисловии к своей книге, переводы зарубежных поэтов также были для него способом передачи собственных мыслей и чувств, которые Блок посчитал «довольно средними». Так, например, в связи со стихотворением «На заоблачных вершинах» (1900 г.), являющимся вольным переводом стихотворения А. Теннисона «Свобода» (1880 г.) и предваренным его первой строкой (Of old sat Freedom on the heights) в качестве эпиграфа, Рябинин пояснял, что им были заменены последние две строфы, не гармонировавшие с настроением его собственных «стихов, навеянных тяжёлой русской действительностью, уединением заключения и отчуждённостью ссылки от жизни»²¹.

Приведенные выше краткие отзывы членов приемной комиссии о книге Рябина не позволяют судить о том, было ли им что-то известно о роде занятий и подробностях биографии автора, а также о причинах, по которым он захотел вступить в недавно созданную литературную организацию. Но обращает на себя внимание одно обстоятельство: в архиве Вс. Рождественского сохранился протокол заседания *ПО ВСП* от 7 сентября 1920 года, на котором М.М. Шкапская выступала с докладом об А.М. Ремизове, «выставившем свою кандидатуру в действительные члены Союза Поэтов»²². На том же заседании было решено принять Ремизова в Союз. Отчасти это делалось для того, чтобы поддержать писателя материально, но были и литературные основания, поскольку некоторые его произведения являлись по сути стихотворениями в прозе²³.

Несколько ранее этого события, весной 1920 года, Ремизов опубликовал восторженную рецензию под названием *Felis spelaea* на книгу палеонтологиче-

²¹ См.: Рябинин А.Н. После грозы. Стихи. С. 5.

²² См.: Блок и Союз поэтов. С. 692.

²³ Там же. С. 693–694 (примеч. 16).

ского содержания с указанием ее точных выходных данных²⁴. В своем отклике, написанном в присущей ему яркой мифотворческой манере, писатель называл рецензируемый труд «львиной книгой» и «редким подарком», а его чтение «великим счастьем». И далее добавлял: «А написал эту книгу Анатолий Николаевич Рябинин, книгу стихов которого “После грозы” (изд. Т-а Муромское печатное дело, Пгр. 1918) все мы читали в год начала великого исхода народов за звездною долей на жизнь и смерть» [8, с. 1]. Какой круг читателей подразумевал Ремизов, говоря о популярности поэтического сборника Рябинина, неизвестно, поскольку до сих пор не обнаружены какие-либо эпистолярные или мемуарные упоминания обсуждения книги «После грозы» в ремизовском литературном окружении²⁵. Но то, что «мысли и чувства» автора двух «рекламируемых» Ремизовым книг не воспринимались им, в отличие от Блока, как «средние», очевидно. Написанное в мифопоэтическом ключе критическое эссе Ремизова поражает контрастом между четкими сведениями строго библиографического характера и масштабом его собственных фантастических палеонтологических и этнографических построений, сопряженных с размышлениями о сменах цивилизаций. Недаром, уже находясь в эмиграции, писатель включил (с небольшими разночтениями) текст этой миниатюры под названием «Пещерный лев» в книгу «Крашенные рыла» (1922 г.)²⁶. Видимо, размах мысли действительно присутствовал в работе Рябинина²⁷, если его научные изыскания подвигли Ремизова, взволнованного «памятью ... скифской», перейти к глобальным обобщениям «о судьбе человеческой – о судьбе народов уходящих и сменяющихся, о царях и рабах ... и о воле, которая драгоценнее золота ...»²⁸. Точно так же «скорбь о родине», высказанная А.Н. Рябининым в предисловии к книге «После грозы», не могла оставить равнодушным А.М. Ремизова, опубликовавшего в ноябре 1917 года «Слово о погибели земли русской»²⁹. Возникает риторический на сегодняшний день вопрос: существует ли какая-то связь между апологетическим откликом Ремизова и представлением книги стихов Рябинина на суд Приемной комиссии *ПО ВСИП*? При всей разности стилей, масштабов художественного дарования обозначить некоторые точки пересечения творческих биографий Ремизова и Рябинина возможно, причем не только в

²⁴ См.: Ремизов А. *Felis spelaea* // Жизнь искусства. 1920, 4 марта, № 388. С. 1 [9]. В подзаголовке даются полные выходные данные рецензируемой книги: «А. Рябинин. Ископаемые львы Урала и Поволжья. С 5 табл., 8 рис. в тексте и 1 картой. Труды Геологического Комитета. Нов. серия. Вып. 168. Пгр., 1919, ц. 35 р., стр. 24 + V».

²⁵ В примечаниях к эссе Ремизова «Пещерный лев» реплика о популярности книги Рябинина «После грозы» не комментируется (см.: Ремизов А.М. *Собрание сочинений*. СПб.: Росток, 2016. Т. 12. Русалия. С. 975 [10]).

²⁶ См.: Ремизов А.М. *Крашенные рыла: Театр и книга*. Берлин: Грани, 1922. С. 130–132 [11].

²⁷ См.: Рябинин А.Н. *Ископаемые львы Урала и Поволжья* / А. Рябинин. Петроград: [б. и.], 1919 ([Воен. тип.]). 24 с. (Труды геологического комитета. Новая серия. Вып. 168) [12].

²⁸ См.: Ремизов А. *Felis spelaea*. С. 1.

²⁹ См.: Ремизов А.М. *Слово о погибели земли русской* // Россия в слове. Литер. прил. № 1 к газ. «Воля народа». 1917, 28 ноября. С. 2 [13].

связи с кругом ссыльных знакомых, значимых для обоих писателей. Например, Рябининым была подготовлена серия очерков по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском районе. Один из них был посвящен близкому знакомому Ремизова со времен Усть-Сысольской ссылки – Ф.И. Щеколдину, умершему от сыпного тифа в Петрограде в 1919 году³⁰. Щеколдин был вхож в петербургскую литературную элиту, поддерживал отношения с Блоком. Другим обстоятельством, сближавшим Рябинина с Ремизовым, было то, что одним из импульсов к занятию литературным творчеством оказалось для них одиночное тюремное заключение и особая атмосфера ссыльной жизни. Живой интерес Рябинина к самобытному народному слову, фольклору, краеведческим и этнографическим достопримечательностям тех мест, где ему доводилось отбывать ссылки, тоже в какой-то мере роднил его с Ремизовым. Конечно, использование Рябининым преданий и легенд в своем поэтическом творчестве, освоение сказовой манеры при переложении народных рассказов, опубликованных затем в журналах для детей («Детский отдых», «Тропинка»), не сопоставимы с вкладом Ремизова в разработку новых языковых пластов и его поиском синтеза народного творчества и литературного текста³¹, но этот вектор тоже нельзя не учитывать.

Детальное изучение архивных документов, связанных с деятельностью А.Н. Рябинина, возможно, позволит в дальнейшем составить более полное представление не только о его общественных и научных связях, но и о его литературных предпочтениях и знакомствах. Личный фонд ученого (Ф. 732) в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (СПФ АРАН) содержит 332 дела (крайние даты: 1857, 1894–1941), из них 51 дело за 1896–1938 годы – это его литературные произведения³². Среди них немало стихотворных автографов. В описи фонда присутствует дело № 38: «Стихотворения: лирические и революционные. Автограф. 1900–1921», включающее 283 листа рукописных текстов³³. Помимо стихотворений, рассказов, очерков, сказок и легенд, в фонде хранятся автографы произведений Рябинина самых разных жанров – это путевые дневники и наброски, воспоминания, тюремные зарисовки, фольклорные записи, публицистические статьи, критические обзоры и заметки, очерки по истории революционного движения. Некоторые тексты Рябинин подписывал псевдонимами А. Крыльцов, А. Николаевич³⁴. В материалах архива из ленинградской квартиры

³⁰ См.: Рябинин А. Из материалов по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске. Ф.И. Щеколдин. 1870–1919 // Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1920, 21 дек. [14].

³¹ См. об этом: Грачева А.М. Истоки и эволюция «теории русского лада» Алексея Ремизова (1900–1920-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 3. С. 232–257 [15].

³² См.: Рябинин Анатолий Николаевич (Ф. 732) / сост. Н.С. Прохоренко // Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Т. VIII / под ред. Б.В. Левшина (отв. ред.) и Н.Я. Московченко. Л.: Наука, 1986. 175 с. (Труды Архива Академии Наук СССР; Вып. 28). С. 60–61 [16].

³³ См.: Рябинин А.Н. Стихотворения: лирические и революционные. Автограф. 1900–1921 // СПФ АРАН. Ф. 732 (архив А.Н. Рябинина). Оп. 1. Д. 38. 283 л. [17].

³⁴ См.: Прохоренко Н.С. Предисловие <к описи личного архива А.Н. Рябинина> // СПФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. 7 стр. (машинопись) [Электронный ресурс]. Режим доступа:

А.Н. Рябинина, который после его смерти от голода, наступившей 12 февраля 1942 года, управдом передал в архив Академии наук, имеются пробелы, в частности отсутствует его переписка до 1920-х годов. О самоотверженности А.Н. Рябинина в ставшую для него последней блокадную зиму 1941–1942 годов и о спасении им ценных научных книг из своего домашнего собрания, которые он с трудом переносил в библиотеку Горного института, вспоминали очевидцы, в том числе его племянница Т.В. Рябинина. С ней он делился пайком и хлопотал об ее отправке на «большую землю»³⁵.

Еще один личный фонд А.Н. Рябинина (Ф. 1598) был сформирован в Российском государственном историческом архиве (РГИА); его опись содержит 47 дел (хронологические рамки документов: 1892–1962). В плане расширения сведений о литературных контактах Рябинина представляет интерес один из документов фонда – письмо к нему Е.Г. Лундберга (сентябрь 1907 года)³⁶. Как известно, сам Лундберг медленно осваивался в писательской среде, состоял в многолетней переписке с А.М. Ремизовым³⁷, позднее был связан по издательским делам с А.А. Блоком.

Чтобы выявить круг корреспондентов А.Н. Рябинина, важно произвести также обследование региональных архивов, краеведческих музеев и областных библиотек в тех местах, где ученый находился в периоды ссылок и экспедиций. Именно краеведы оказываются заинтересованы в сборе такой информации. Недаром единственная работа, в которой вкратце рассматривается литературное творчество А.Н. Рябинина, принадлежит кировскому литературному краеведу Н.П. Изергиной³⁸. Автор характеризует материалы Кировского областного государственного архива (ныне: ЦГАКО), относящиеся к жизни Рябинина в вятской ссылке, попутно отмечая, что, находясь «в Нолинске, А.Н. Рябинин переписывался с В.Г. Короленко, посылал ему на суд свои рассказы, очерки, стихи, записанные народные песни»³⁹. Характеризуя состав сборника «После грозы», включающего 34 оригинальных стихотворения и 8 переводных, Н.П. Изергина выделяет девять поэтических текстов («Жизнь», «Мир мой узок...», «Сон»,

<http://ranar.spb.ru/srv/imageViewer/turn?url=mZaTmpGekprClpKemJrRIY+Y2YuQi56Tr56YmozCycnZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0ZWPmNmQnZWanlvCy8zHysrHzsfH2Z6Li43Cyc7Gy9mMmo2WnpPCztmYjZCKj8LLyMzN2YyWhZrCyg==&width=929&height=1500> (дата обращения: 20 октября 2023 года) [18].

³⁵ Фрагменты этих воспоминаний опубликованы в: Ситников Д. «Дядя Толя был уже очень слаб»: жизнь А.Н. Рябинина в блокадном Ленинграде // Война. Блокада. Ленинград. Вып. 4: фрагменты докл. учащихся Санкт-Петербурга на XVIII городской историко-краеведческой конф. школьников Санкт-Петербурга в 2020 г. СПб.: Изд-во «Городской дворец творчества юных», 2020. С. 18–21 [19].

³⁶ См.: Лундберг Е.Г. Письмо к А.Н. Рябинину (сентябрь 1907) // РГИА. Ф. 1598. Оп. 1. Д. 16. 1 л. [20].

³⁷ См. об этом: Лундберг Е.Г. II. Письма к А.М. Ремизову / публ., вступ. заметка, коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 г. СПб.: Дм. Булантин, 2004. С. 327–367 [21].

³⁸ См.: Изергина Н.П. Анатолий Николаевич Рябинин в вятской ссылке // Изергина Н.П. Писатели в Вятке: лит.-краевед. очерки. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1979. С. 174–177 [22].

³⁹ Там же. С. 176.

«И смотрел, и дивился я чудным очам...», «О свет, о счастье, о миг забытый...», «Призрак», «На заводе», «Весна», «Тишина»), написанных во время пребывания в Вятской губернии в 1902–1904 годах. Особый краеведческий интерес представляют для исследовательницы пейзажные зарисовки, в которых, как она пишет, цитируя стихотворение «Весна! Шум немолчный потоков нагорных...» (1903), «поэт воспеваает северную природу Нолинска и Вятки:

И снова березки с кудрявой листвою,
И темные пихты, и ель, и сосна.
С зеленою шапкой и красной корою
Живут после долгого зимнего сна!» [22, с. 176]

К этому наблюдению можно добавить, что зоркость естествоиспытателя проявилась и в стихотворениях, навеянных южной природой, которые были созданы ученым в тифлисской ссылке в 1901 году; в них тоже ощущается местный колорит.

В исследовании Н.П. Изергиной отмечается, что агитационную общественно-политическую деятельность Рябинин продолжал и в ссылке⁴⁰. Вместе с тем очевидна его потребность везде быть полезным в практическом плане в качестве горного инженера и гидрогеолога. Например, во время двухлетнего пребывания в Вятском крае он проводил гидрогеологические изыскания на местности для организации водоснабжения Нолинска и Вятки и свои наблюдения и выводы обобщил в ряде научных работ⁴¹. После возвращения в Петербург в 1905 году Рябинин продолжил работу в Геологическом комитете уже в качестве штатного сотрудника. С годами круг его практической и научной деятельности постоянно расширялся. Он занимался разведкой месторождений полезных ископаемых, изучал нефтеносные пласты в разных уголках Российской империи, работал в районе строительства Туркестано-Сибирской магистрали, принимал участие в сооружении гидроэлектростанций и других масштабных проектах⁴². При этом до конца дней являлся профессором Горного института.

Замечательна роль А.Н. Рябинина в развитии палеонтологического направления в России⁴³. Много ценного он почерпнул во время зарубежных командировок (в 1907, 1910 и 1924 годах), осваивая опыт крупнейших палеон-

⁴⁰ См.: Изергина Н.П. Анатолий Николаевич Рябинин в вятской ссылке. С. 175.

⁴¹ См., в частности: Рябинин А.Н. Об исследовании в гидрогеологическом отношении ключей, питающих Вятский городской водопровод: Отчет Вятской городской управе. Вятка: типо-лит. Н.А. Огородникова и Ко, 1904. 78 с. [23].

⁴² Сведения о научной деятельности А.Н. Рябинина, список его работ и литературу о нем см.: Рябинин Анатолий Николаевич (1874–1942) // Информационная система «История геологии и горного дела» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=person&id=509&ysclid=lo1sbmeylh178770024> (дата обращения: 20.10.23) [24].

⁴³ См.: Ермацанс Е.А., Болотский И.Ю. А.Н. Рябинин – первый в России исследователь динозавров // Природа. 2016. № 11. С. 68–76 [25].

тологов Запада⁴⁴. Выдающиеся заслуги А.Н. Рябинина перед отечественной наукой освещаются в его биографии, написанной Л.И. Боровиковым⁴⁵. Подводя итог повествованию об ученом, автор отмечает: «Творческое наследие Анатолия Николаевича очень разнообразно. Он не только большой ученый, беззаветно любивший свою Родину, но еще и неутомимый общественный деятель, и организатор науки. <...> Все созданное им пронизано чувством понимания непрерывно обновляющегося окружающего мира» [25, с. 108]. В 1920 году, когда Блок выносил свой вердикт о книге стихов «После грозы», А.Н. Рябинин трудился в Москве на посту вице-директора Геологического комитета, участвуя в разработке планов по изучению и использованию природных богатств России. В этот период он преподавал в Московском горном институте, но не оставлял и своих петроградских студентов Горного института. По сути, Рябинин был ярким представителем той самой научно-технической интеллигенции, которая, по мысли Блока, должна была сыграть особую роль в промышленном и духовном преобразении Отечества. Идея освоения подземных недр, связанная с мессианской задачей России, стала овладевать Блоком ближе к середине 1910-х годов. В стихотворении «Новая Америка» (1913 г.) возникает образ-символ:

Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда ...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда! [28, с. 182]

Показательно, что на стихотворение Блока первым откликнулся еженедельник «Горнозаводское дело». В передовице (б. п.) «Наши задачи» цитировалось последнее четверостишие и выражалось пожелание, «чтоб этой светлой, животворящей идеей огромного духовного значения промышленности прониклись все слои русского общества»⁴⁶. Продолжение размышлений Блока на эту тему находим в его записной книжке (запись от 5 декабря 1915 года), где утверждается: «... будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств ... требует граждан-техников и граждан-инженеров; а в какой мере не хватает инжене-

⁴⁴ См.: Ермацанс Е.А. А.Н. Рябинин о естественнонаучных музеях Западной Европы (на основе заграничного дневника 1924–1925 гг.) // Сто лет изучения динозавров Приамурья: научная сессия, посвященная выдающемуся палеонтологу и геологу А.Н. Рябинину: сб. докл. АмурНЦ ДВО РАН, ИГиП ДВО РАН. Благовещенск: ООО «Буквица», 2016. С. 44–47 [26].

⁴⁵ См.: Боровиков Л.И. Анатолий Николаевич Рябинин. (1874–1942) // Выдающиеся ученые Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л.: Наука, 1982. С. 79–108 [27].

⁴⁶ См.: Наши задачи // Горно-заводское дело. 1914. № 1, 8 янв. [29].

рам и техникам “творческой интуиции” нам показывает печальная действительность, ... до какой степени техника и художественное творчество немислимы друг без друга ..., мы скоро увидим, ибо, если мы только выправимся после этого потопа, нам предстоит перенестись как на крыльях в эпоху *великого возрождения*, проходящего под знаком *мужественности и воли*» [6, с. 275–276]. Осуществлению мессинской задачи препятствует, по мысли Блока, отсутствие «творческой интуиции» у «инженеров и техников»⁴⁷. Отличие «инженера»-лирика от лирика-символиста нагляднее проступает при изображении в их стихах одной и той же российской реалии. Инженер Рябинин, сам прошедший через нелегкие испытания, с «сердечным участием», по свидетельству его внучатого племянника, относился «к судьбам простых людей, тружеников, являвшихся основой России»⁴⁸. Вид смрадного плавильного завода в степи порождал у Рябинина конкретное чувство сострадания к мелькавшим в огненных отсветах людям. Желание изменить каторжную жизнь рабочих, собственно, и побудило его в пору учебы в Санкт-Петербургском горном институте вступить в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Сравните его стихотворение «На заводе» (1902 г.), написанное в Нолинске:

В голой степи предо мною громады
Трёх великанов плавильных печей,
Пламенем пышут, как чудища-гады,
В небо широкою пастью своей.

В воздухе веет и дымом, и смрадом,
Люди, как тени, мелькают в огне,
Слышится грохот, шипенье, – и адом
Всё, что я вижу здесь, кажется мне... [8, с. 59]

с блоковским описанием завода в строфах, предшествующих приведенному выше финалу стихотворения «Новая Америка»:

Путь степной – без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, – и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг ...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта [28, с. 182].

⁴⁷ См.: Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 276.

⁴⁸ См.: Топчиев А.Г. Братья Рябинины: замечательная плеяда русских ученых конца XIX – первой половины XX столетия // Сто лет изучения динозавров Приамурья: научная сессия, посвященная выдающемуся палеонтологу и геологу А.Н. Рябину: сб. докл. АмурНЦ ДВО РАН, ИГиП ДВО РАН. Благовещенск: ООО «Буквица», 2016. С. 5 [30].

Символическая многозначность блоковского текста, сочетающего исторический ракурс с глобальной перспективой⁴⁹, существенно отличается от локального эмоционального смысла, заложенного в стихотворении Рябинина.

Возможно, Блок, рецензируя поэтический сборник «После грозы», не имел представления о широте личности автора – создателя масштабных палеонтологических концепций и геологических проектов, осуществляемых им на практике, а также педагога-энтузиаста, популяризатора в России комплекса наук о земле и делал выводы о его литературном творчестве только на основании анализа содержания и формы его стихов. Принцип беспристрастности оценок декларировался, но не всегда соблюдался экспертами Приемной комиссии. Недаром в документах коллективных отзывов сохранились примеры полемики по поводу кандидатов на членство в Союзе поэтов. У каждого из экспертов были свои «цеховые» и стилевые предпочтения, свое понимание назначения поэзии⁵⁰. С некоторыми из претендентов они были лично знакомы, с другими пересекались на литературном поприще. А.Н. Рябинин сферой своих занятий отличался от других претендентов. Определенную роль в отклонении его кандидатуры могло сыграть сделанное им во вступлении к книге признание, что он не надеется в дальнейшем писать стихи. Разность мировосприятия, эстетических взглядов и сам характер поэтических образцов, которым следовал рецензируемый автор и которые значительно отличались от модернистских новаций, могли не только обусловить отрицательный отзыв Блока, но и помешать ему разглядеть в Рябинине реального героя новой эпохи. При этом Блок сам пытался воплотить в неосуществленном замысле пьесы, над которой работал одновременно с созданием стихотворения «Новая Америка», важный для него образ геолога, находящего новое месторождение⁵¹. То обстоятельство, что удалось обнаружить считавшийся потерянным подлинник документа с резолюциями членов Приемной комиссии о стихах Рябинина, позволило (хотя бы через сто лет после первой публикации П.Н. Медведева) ввести в научный оборот имя адресата отзывов и название книги, ставшей предметом обсуждения. Оба факта дают возможность наметить целый комплекс вопросов, связанных как с историей *ПО ВСП* и литературной деятельностью А.Н. Рябинина, так и с малоизученными аспектами творческих биографий А.А. Блока, А.М. Ремизова, Е.Г. Лундберга и других писателей переломной эпохи, пришедшейся на первые десятилетия XX века.

⁴⁹ О восприятии стихотворения «Новая Америка» современниками (в том числе, о полемике Андрея Белого с Блоком по поводу индустриального будущего России) см. в комментарии А.В. Лаврова к данному тексту (см.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. С. 950–953).

⁵⁰ См., например, письменную полемику, развернувшуюся в отзывах по поводу стихов Э.Ф. Голдербеха: Блок и Союз поэтов. С. 690–691.

⁵¹ О переключке неосуществленного замысла пьесы о геологе «Нелепый человек» с тематикой стихотворения «Новая Америка» см., в частности, в комментарии А.В. Лаврова к этому стихотворению (см.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. С. 949).

Список литературы

1. Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии // Памяти Блока: сб. материалов / под ред. [и с предисл.] П.Н. Медведева. 2-е изд., доп. Петербург: Полярная звезда, 1923. С. 63–72.
2. Хроника <Об организации Петербургского Союза поэтов> // Жизнь искусства. 1920. № 517, 30 июля. С. 1.
3. Устинов А.Б. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 18–59.
4. Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс.А. Рождественского / предисл. и публ. М.В. Рождественской; коммент. Р.Д. Тименчика; II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / публ. Р.Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука. 1987. Кн. 4. С. 684–695.
5. Рождественский Вс. Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии – 1966. Л.: Сов. писатель, 1966. С. 87–90.
6. Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М., 1965. 663 с.
7. <Отзывы членов Приемной комиссии Петроградского отделения Союза поэтов на книгу стихов А.Н. Рябинина «После грозы» (1918). 1920> // РО ИРЛИ. Ф. 370 (необработанный фонд). 1 л.
8. Рябинин А.Н. После грозы. Пг.: Изд. т-ва «Муромское печатное дело», 1918. 85 с.
9. Ремизов А. Felis spelaea // Жизнь искусства. 1920, 4 марта. № 388. С. 1.
10. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 12. Русалия. СПб.: Росток, 2016. 991 с.
11. Ремизов А.М. Крашенные рыла: Театр и книга. Берлин: Грани, 1922. 135 с.
12. Рябинин А.Н. Ископаемые львы Урала и Поволжья / А. Рябинин. Петроград: [б. и.], 1919 ([Воен. тип.]). 24 с. (Труды геологического комитета. Новая серия. Вып. 168).
13. Ремизов А.М. Слово о погибели земли русской // Россия в слове. Литер., прил. № 1 к газ. «Воля народа». 1917, 28 ноября. С. 2.
14. Рябинин А.Н. Из материалов по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске. Ф.И. Щеколдин. 1870–1919 // Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1920. 21 дек.
15. Грачева А.М. Истоки и эволюция «теории русского лада» Алексея Ремизова (1900–1920-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 3. С. 232–257.
16. Рябинин Анатолий Николаевич (Ф. 732) / сост. Н.С. Прохоренко // Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Т. VIII / под ред. Б.В. Левшина (отв. ред.) и Н.Я. Московченко. Л.: Наука, 1986. (Труды Архива Академии Наук СССР; Вып. 28). С. 60–61.
17. Рябинин А.Н. Стихотворения: лирические и революционные. Автограф. 1900–1921 // СПФ АРАН. Ф. 732 (архив А.Н. Рябинина). Оп. 1. Д. 38. 283 л.
18. Прохоренко Н.С. Предисловие <к описи личного архива А.Н. Рябинина> // СПФ АРАН Ф. 732. Оп. 1. 7 стр. (машинопись) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ranar.spb.ru/srv/imageViewer/turn?url=mZaTmpGekprClpKemJrRlY+Y2YuQi56Tr56YmozCysnZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0ZWPmNmQnZWanIvCy8zHysrHzsfnH2Z6Li43Cyc7Gy9mMmo2WnpPCztmYjZCKj8LLyMzN2YyWhZrCyg==&width=929&height=1500> (дата обращения: 20 октября 2023 года).
19. Ситников Д. «Дядя Толя был уже очень слаб»: жизнь А.Н. Рябинина в блокадном Ленинграде // Война. Блокада. Ленинград. Вып. 4: Фрагменты докл. учащихся Санкт-Петербурга на XVIII городской историко-краеведческой конф. школьников Санкт-Петербурга в 2020 г. СПб.: Изд-во «Городской дворец творчества юных», 2020. С. 18–21.
20. Лундберг Е.Г. Письмо к А.Н. Рябинину (сентябрь 1907) // РГИА. Ф. 1598 (архив А.Н. Рябинина). Оп. 1. Д. 16. 1 л.

21. Лундберг Е.Г. I. Автобиография. II. Письма к А.М. Ремизову / публ., вступ. заметка, коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 г. СПб.: Дм. Буланин, 2004. С. 314–367.
22. Изергина Н.П. Анатолий Николаевич Рябинин в вятской ссылке // Изергина Н.П. Писатели в Вятке: лит.-краевед. очерки. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1979. С. 174–177.
23. Рябинин А.Н. Об исследовании в гидрогеологическом отношении ключей, питающих Вятский городской водопровод: Отчет Вятской городской управе. Вятка: типо-лит. Н.А. Огородникова и Ко, 1904. 78 с.
24. Рябинин Анатолий Николаевич (1874–1942) // Информационная система «История геологии и горного дела» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=person&id=509&ysclid=lo1sbmeylh178770024> (дата обращения: 20.10.23).
25. Ермацанс Е.А., Болотский И.Ю. А.Н. Рябинин – первый в России исследователь динозавров // Природа. 2016. № 11. С. 68–76.
26. Ермацанс Е.А. А.Н. Рябинин о естественнонаучных музеях Западной Европы (на основе заграничного дневника 1924–1925 гг.) // Сто лет изучения динозавров Приамурья: научная сессия, посвященная выдающемуся палеонтологу и геологу А.Н. Рябинину: сб. докл. АмурНЦ ДВО РАН, ИГиП ДВО РАН. Благовещенск: ООО «Буквица», 2016. С. 44–47.
27. Боровиков Л.И. Анатолий Николаевич Рябинин (1874–1942) // Выдающиеся ученые Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л.: Наука, 1982. С. 79–108.
28. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3: Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). М.: Наука, 1997. 989 с.
29. Наши задачи // Горно-заводское дело. 1914. № 1, 8 янв. С. 8328–8330.
30. Топчиев А.Г. Братья Рябины: замечательная плеяда русских ученых конца XIX – первой половины XX столетия // Сто лет изучения динозавров Приамурья: научная сессия, посвященная выдающемуся палеонтологу и геологу А.Н. Рябинину: сб. докл. АмурНЦ ДВО РАН, ИГиП ДВО РАН. Благовещенск: ООО «Буквица», 2016. С. 5–14.

References

(Sources)

Collected Works

1. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 3* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 3]. Moscow: Nauka, 1997. 989 p.
2. Remizov, A.M. *Sobranie sochineniy. T. 12: Rusaliya* [Complete works, vol. 12]. Saint-Petersburg: Rostok, 2016. 991 p.

Individual works

3. Blok, A. *Zapisnye knizhki, 1901–1920* [Notebooks, 1901–1920]. Moscow: Nauka, 1965. 663 p.
4. Lundberg, E.G. *Pis'mo k A.N. Ryabininu (sentyabr' 1907)* [Letter to A.N. Ryabinin (September 1907)], in *RGIA. F. 1598. Op. 1. № 16. 1 l.*
5. Obatnina, E.R. (ed.) *I. Avtobiografiya E.G. Lundberga. II. Pis'ma E.G. Lundberga k A.M. Remizovu* [I. Autobiography of E.G. Lundberg. II. Letters of E.G. Lundberg to A.M. Remizov], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 g.* [The Yearbook of the Manuscripts Department of Pushkinskiy Dom for 2000]. Saint-Petersburg: Dm. Bulanin, 2004, pp. 314–367.
6. <Otzyvyu chlenov Priemnoy komissii Petrogradskogo otdeleniya Soyuza poetov na knigu stikhov A.N. Ryabinina «Posle grozy» (1918). 1920> [<Reviews of the members of the Admission Committee of the Petrograd branch of the Union of Poets on the book of poems by A.N. Ryabinin “After the thunderstorm” (1918). 1920>], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 370. (raw fund). 1 l.*
7. Remizov, A.M. *Krashenye ryla: Teatr i kniga* [Painted snouts: Theater and book]. Berlin: Grani, 1922. 135 p.

8. Ryabinin, A.N. *Ob issledovanii v gidrogeologicheskoy otnošenii klyuchey, pitayushchikh Vyatskiy gorodskoy vodoprovod: Otchet Vyatskoy gorodskoy uprave* [On the hydrogeological study of the keys feeding the Vyatka city water supply: Report to the Vyatka City Council]. Vyatka: typo-lit. N.A. Ogorodnikova and Co., 1904. 78 p.

9. Ryabinin, A.N. *Posle grozy* [After a thunderstorm]. Petrograd: Izdatel'stvo Tovarishchestva «Muromskoe pechatnoye delo», 1918. 85 p.

10. Ryabinin, A.N. *Iskopaemye l'vy Urala i Povolzh'ya* [Fossil lions of the Urals and the Volga region]. Petrograd: [b. i.], 1919. 24 p.

11. Ryabinin, A.N. *Stikhotvoreniya: liricheskie i revolyutsionnye. Avtograf. 1900–1921* [Poems: lyrical and revolutionary. Autograph. 1900–1921], in *SPF ARAN*. F. 732. Op. 1. № 38. 283 l.

(Articles from Scientific Journals)

12. Gracheva, A.M. Istoki i evolyutsiya «teorii russkogo lada» Aleksey Remizova (1900–1920-e gg.) [Origins and Evolution of the “Theory of a Core Mode of the Russian Literary Style” by Alexei Remizov (1900s–1920s)], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 232–257.

13. Ustinov, A.B. Aleksandr Blok i Nikolay Gumilev v petrogradskom Soyuze poetov [Ustinov A. Alexander Blok and Nikolai Gumilev in the Petrograd Union of Poets], in *Rhema*, 2020, no. 2, pp. 18–59.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

14. Borovikov, L.I. Anatoliy Nikolaevich Ryabinin (1874–1942), in *Vydayushchiesya uchenye Geologicheskogo komiteta* [Outstanding scientists of the Geological Committee]. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 79–108.

15. Ermatsans, E.A., Bolotskiy, I.Yu. A.N. Ryabinin – pervyy v Rossii issledovatel' dinozavrov [A.N. Ryabinin – the first dinosaur researcher in Russia], in *Priroda*, 2016, no. 11, pp. 68–76.

16. Ermatsans, E.A. A.N. Ryabinin o estestvennonauchnykh muzeyakh Zapadnoy Evropy (na osnove zagranichnogo dnevnika 1924–1925 gg.) [A.N. Ryabinin about natural science museums of Western Europe (based on a foreign diary of 1924–1925)], in *Sto let izucheniya dinozavrov Priamur'ya: nauchnaya sessiya, posvyashchennaya vydayushchemusya paleontologu i geologu A.N. Ryabininu: sbornik dokladov* [One hundred years of studying dinosaurs of the Amur region: a scientific session dedicated to the outstanding paleontologist and geologist A.N. Ryabinin: collection of reports]. Blagoveshchensk: Bukvitsa, 2016, pp. 44–47.

17. Izergina, N.P. Anatoliy Nikolaevich Ryabinin v vyatskoy ssylke [Anatoly Nikolaevich Ryabinin in Vyatka exile], in *Izergina, N.P. Pisateli v Vyatke: literaturno-kraevedcheskie ocherki* [Writers in Vyatka: lit.- local historian. Essays]. Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoye izdatel'stvo, Kirovskoye otdelenie, 1979, pp. 174–177.

18. Khronika <Ob organizatsii Peterburgskogo Soyuz poetov> [Chronicle <About the organization of the St. Petersburg Union of Poets>], in *Zhizn' iskusstva*, 1920, no. 517, July 30, p. 1.

19. Medvedev, P.N. Neopublikovannyye retsenzii [Unpublished reviews], in *Sbornik materialov «Pamyati Bloka»* [Collection of materials “In memory of Blok”]. Peterburg: Polyarnaya zvezda, 1923, pp. 63–72.

20. Nashi zadachi [Our tasks], in *Gorno-zavodskoye delo*, 1914, no. 1, 8 January, pp. 8328–8330.

21. Remizov, A.M. Slovo o pogibeli zemli russkoy [The Word about the destruction of the Russian land], in *Rossiya v slove. Liter. pril. № 1 k gaz. «Volya naroda»*, 1917, November 28, p. 2.

22. Remizov, A.M. Felis spelaea [Cave lion], in *Zhizn' iskusstva*, 1920, March 4, no. 388, p. 1.

23. Rozhdestvenskaya, M.V., Timenchik, R.D. Blok i Soyuz poetov. I. Blok v arkhive Vs.A. Rozhdestvenskogo; II. Otzyvy, sokhranivshiesya v drugikh arkhivakh [Blok and the Union of Poets: I. Blok in the archive of Vs.A. Rozhdestvensky; II. Reviews preserved in other archives], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1987, vol. 92, no. 4, pp. 684–695.

24. Rozhdestvenskiy, Vs. Kak eto nachinalos'. Listki vospominaniy [How it started. Sheets of memories], in *Den' poezii – 1966* [Poetry Day – 1966]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1966, pp. 87–90.

25. Ryabinin, A.N. Iz materialov po istorii rabocheho dvizheniya v Ivanovo-Voznesenske. F.I. Shchekoldin. 1870–1919 [From materials on the history of the labor movement in Ivanovo-Voznesensk. F.I. Shchekoldin. 1870–1919], in *Rabochiy kray*, Ivanovo-Voznesensk, 1920, 21 December.

26. Prokhorenko, N.S. Ryabinin Anatoliy Nikolaevich (F. 732) [Ryabinin Anatoliy Nikolaevich (F. 732)], in *Arkhiv Akademii Nauk SSSR: Obozrenie arkhivnykh materialov. T. VIII* [Archive of the USSR Academy of Sciences: Review of archival materials. Vol. VIII]. Leningrad: Nauka, 1986, pp. 60–61.

27. Sitnikov, D. «Dyadya Tolya byl uzhe ochen' slab»: zhizn' A.N. Ryabinina v blokadnom Leningrade [“Uncle Tolya was already very weak”: the life of A.N. Ryabinin in besieged Leningrad], in *Voyna. Blokada. Leningrad. Vyp. 4: fragmenty dokl. uchashchikhsya Sankt-Peterburga na XVIII gorodskoy istoriko-kraevedcheskoy konf. shkol'nikov Sankt-Peterburga v 2020 g.* [War. The blockade. Leningrad. Issue 4: fragments of the dokl. of St. Petersburg students at the XVIII City Historical and Local history Conference of St. Petersburg schoolchildren in 2020]. Saint-Petersburg: Gorodskoy dvorets tvorchestva yunyh, 2020, pp. 18–21.

28. Topchiev, A.G. Brat'ya Ryabininy: zamechatel'naya pleyada russkikh uchenykh kontsa XIX – pervoy poloviny XX stoletiya [The Ryabinin brothers: a remarkable pleiade of Russian scientists of the late XIX – first half of the XX century], in *Sto let izucheniya dinosavrov Priamur'ya: nauchnaya sessiya, posvyashchennaya vydayushchemusya paleontologu i geologu A.N. Ryabininu: sbornik dokladov* [One hundred years of studying the dinosaurs of the Amur region: a scientific session dedicated to the outstanding paleontologist and geologist A.N. Ryabinin: collection of reports]. Blagoveshchensk: Bukvitsa, 2016, pp. 5–14.

(Electronic Resources)

29. Prokhorenko, N.S. Predislovie <k opisi lichnogo arkhiva A.N. Ryabinina> [Preface <to the inventory of the personal archive of A.N. Ryabinin>], in *SPF ARAN F. 732. Op. 1. 7 p.* Available at: <http://ranar.spb.ru/srv/imageViewer/turn?url=mZaTmpGekprClpKemJrRIY+Y2YuQi56Tr56YmozCycnZnIqNjZqRi6+emJ-Cztmah4vC0ZWPmNmQnZWanIvCy8zHysrHzsfH2Z6Li43Cyc7Gy9mMmo2WnpPCztmYjZCKj8LLyMzN2YyWhZrCyg==&width=929&height=1500> (date of access: 20.10.23).

30. Ryabinin Anatoliy Nikolaevich (1874–1942), in *Informatsionnaya sistema «Istoriya geologii i gornogo dela»* [Information system “History of geology and mining”]. Available at: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=person&id=509&ysclid=lo1sbmeylh178770024> (date of access: 20.10.23).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

УДК 1(051)
ББК 87.3(2)

Андрей Борисович Бочаров

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук. Россия, Санкт-Петербург, e-mail: bocharov-ab@ganepa.ru

От диалога к полилогу (Рец. на: Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука; Вост. лит., 2022. 399 с.)

Аннотация. Предлагается рецензия на книгу «Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии», опубликованную в серии «Сравнительная философия». Выдвигается тезис о ценности межкультурной философии в контексте концептологии. Формулируется гипотеза, согласно которой межкультурная философия расширяет методологические и тематические рамки философского исследования и может оцениваться в качестве фронтального явления. Методологической основой исследования стали сравнительный и герменевтический методы. Отмечается, что главный тезис межкультурной философии состоит в отказе от западоцентризма, в критике традиционного историко-философского нарратива. Предлагается рассматривать межкультурную философию в качестве альтернативы западоцентризму, в силу того, что она отказывается от присущего западной философии монологизма и настаивает на полилогичности философии, на укорененности мышления в культуре и считает, что интеллектуальные влияния и концептуальные заимствования являются естественной, нормальной ситуацией в философии, нацелена на экспликацию позитивных форм интеркультурного взаимодействия, предлагает новую модель историко-философского процесса, основным методом которой выступает полилог. Отмечено, что последователи межкультурной философии до сих пор ведут полемику о том, является ли межкультурная философия новым направлением или новой методологией. В качестве межкультурных мыслителей рассматриваются Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, славянофилы.

Ключевые слова: межкультурная философия, сравнительная философия, полилог, диалог, западоцентризм, рецепция, концепт, концептология, нарратив, нарративный подход, интертекстуальность, фронтир

Andrey Borisovich Bocharov

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Russia, St. Petersburg, e-mail: bocharov-ab@ranepa.ru

**From Dialogue to Polylogue
(review of the book: Comparative Philosophy:
From Comparative to Intercultural Philosophy / co-edited
by M.T. Stepanyants. Moscow: Nauka; Vost. lit., 2022. 399 p.)**

Abstract. The article presents a review of the book “Comparative Philosophy: from comparative to intercultural philosophy”, published in the series “Comparative Philosophy”. The thesis about the value of intercultural philosophy in the context of conceptology is presented. The hypothesis formulated states that intercultural philosophy expands the methodological and theoretical framework of philosophical research and can be evaluated as a frontier phenomenon. It is noted that the main thesis of intercultural philosophy consists in the rejection of West-centrism, in the criticism of the traditional historical and philosophical narrative. It is proposed to consider intercultural philosophy as an alternative to West-centrism, as it rejects the monologism inherent in western philosophy and insists on the polylogicity of philosophy. Intercultural philosophy insists on the rootedness of thinking in culture. He believes that intellectual influences and conceptual borrowings are a natural, normal situation in philosophy. However, borrowing can lead both to the fruitful development of the philosophical tradition, and to the loss of the integrity of culture, a decrease in its creative potential, and the ability to reproduce. Intercultural philosophy is aimed at explication of positive forms of intercultural interaction. It suggests a new model of the historical and philosophical process, the main method of which is a polylogue, although the followers of intercultural philosophy are still debating whether intercultural philosophy is a new direction or a new methodology. Russian philosophy can also be revised and reinterpreted. N.Y. Danilevsky, V.S. Solovyov, Slavophiles, etc. can be considered intercultural thinkers. The methodological basis of the study was the comparative and hermeneutic methods.

Key words: intercultural philosophy, comparative philosophy, polylogue, dialogue, West-centrism, reception, concept, conceptology, narrative, narrative approach, intertextuality, frontier

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.179-193

Я хорошо понимаю, что читателю
не очень нужно все это знать,
но мне-то очень нужно рассказать ему об этом.

Жан-Жак Руссо «Исповедь»

В качестве предварения¹ приведем три замечания с комментариями, проливающими свет на методологию, онтологию и аксиологию работы этой рецензии. Анализируемая и атрибутированная как коллективная монография книга «Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии»² –

¹ Устар.

² См.: Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии М.: Наука; Вост. лит., 2022. С. 7–18 [1].

это пятый выпуск серии «Сравнительная философия», составителем и ответственным редактором которой является Мариэтта Тиграновна Степанянц. Книга объединяет под одной обложкой статьи самых разных авторов-гуманитариев: от культурологов до философов, от отечественных исследователей до зарубежных ученых, тематически связанных общностью сюжетов и проблем, аналитически сфокусированных на концептах сравнительной и межкультурной философии. Соответственно, цель книги – не познакомить ее читателей с ними, не манифестация эвристической новизны и эпистемологической ценности этих концептов, а дальнейшая их экспликация с привлечением новых авторов и расширением области затрагиваемых тем и проблем. Это уже не декларация намерений, а предъявление интеллектуального продукта, что наделяет легитимностью ее анализ, оценку приятия, соотнося декларацию и результат – качество текстов. Это во-первых.

Во-вторых, в рамках концептологии – дисциплины, сформировавшейся на стыке лингвистики, культурологии и философии, – можно оценить эвристическую новизну и эпистемологическую ценность предложенных концептов. Иными словами, и «сравнительная философия» и «межкультурная философия» есть именно концепты, а не концепции. Если концепты знаменуют начало работы и размышлений, то концепции указывают на итог, полученный результат размышлений. И оценивать концепты должно на основе того, каков их потенциал вырасти до концепций, теорий. Это означает, что все оценки могут носить лишь предварительный характер, но не окончательный, распространяемый как на статьи авторов, образующие текст самой книги, так и на саму книгу. Ничто не правда, ничто не невозможно.

В-третьих, и сама книга и, так сказать, пространство затронутых в ней проблем, включая географию происхождения и проживания авторов, указывают на то, что фундирующей идеей является идея фронта – границ(ы): дискурсивной, проблемной, тематической, культурной и дисциплинарной. Пафос работы, транслируемый месседж сфокусирован на ценности фронта: разметка новых интеллектуально осваиваемых территорий и проведение новых границ. Отказ от признания одного источника происхождения философии и характера философствования (западного) и декларация признания существования иных центров философии и философствования (восточноазиатского) неизбежно влечет ревизию взглядов.

Именно поэтому граница понимания не статична, а динамична, и она очерчивает достигнутое, но не достигаемое. Подтверждением этого служит подзаголовок книги: «От сравнительной к межкультурной философии». Иными словами, фронт проходит по границам между темами отрефлексированными и темами, над которыми еще предстоит размышлять, между выпуском предыдущим и выпуском следующим. Фронт здесь – не только фигура речи с задачей усиления выразительности через отсылку к образу территории, но символическое указание на цель серии – расширение границ интерпретаций. Не их локализация в границах «культурной и духовной резервации»: один автор – од-

на трактовка, а масштабирование «территории смыслов» через приглашение к диалогу, точнее – к полилогу. Граница тождественна пониманию (осмыслению). Как в современном страноведении анализ стран/государств на предмет их цивилизационной идентичности уже не ограничивается их классической типологизацией, а включает новые критерии и подходы, например, «цивилизация-фронтiera», так и современная компаративистика пытается нащупать и апробировать методологию, сообразную новым вызовам.

На роль одной из таких новых методологических парадигм претендует межкультурная философия. Правда, между авторами книги заметна неявная полемика по поводу того, является ли межкультурная философия новым методом или новым направлением в философии. Неопределенность усиливает и терминологическая нестабильность, поскольку наравне с межкультурной философией или даже вместо нее используется выражение интеркультурная философия или даже философия полилога³. Хотя эти выражения могут употребляться в качестве синонимов, в их различии скрываются и определенные смысловые потенции, позволяющие играть на разнице заложенных в них значений⁴. История межкультурной философии насчитывает всего около сорока лет, т. е. она еще находится в стадии становления. Пока можно говорить лишь о двух поколениях мыслителей, относящих себя к этой школе. Однако, как замечает М.Т. Степанянц, межкультурная философия «вынашивалась» в течение всего XX в.⁵ В 2020 г. в России вышла первая монография о межкультурной философии «Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы»⁶, подготовленная М.Т. Степанянц, вносящая большую определенность как в ее терминологию, так и в понимание ее истоков. Книга получила положительные отклики, указывающие на востребованность поднимаемых проблем и предложенных автором интерпретаций⁷. В том же году в Санкт-Петербурге прошла конференция «Интеркультурная философия: полилог традиций»⁸.

³ См.: Назарова О. Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция в контексте исследования русской философии // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2016. Вып. 20. С. 7–18 [2]; Малинов А.В. Философия полилога // Философский полилог. 2017. № 1. С. 7–11 [3].

⁴ См.: Назарова О. О сущностном отличии «меж-» от «интер-»: от межкультурного к интеркультурному философскому полилогу в европейском культурном пространстве // Философский полилог. 2021. № 2. С. 24–42 [4].

⁵ См.: Степанянц М.Т. Межкультурная философия как эпоха, схваченная в мысли // Философский полилог. 2020. № 1. С. 12 [5].

⁶ Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука; Вост. лит., 2020. 183 с. [6].

⁷ См.: Панфилова Т.В. М.Т. Степанянц. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. Ин-т философии РАН. М.: Наука; Вост. лит., 2020. 183 с. // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 215 [7]; Малинов А.В. Межкультурная философия: опыт тематизации: (Рецензия на книгу: Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука; Вост. лит., 2020. 183 с.) // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 280 [8]; Резник Ю. От философии над культурами к межкультурной философии?

Сама номинация нового направления говорит, с одной стороны, об укорененности философии в культуре, а с другой – о неизбежности взаимодействия отличных друг от друга культур и систем мышления. Такая встреча может дать толчок культурному развитию, но может и заглушить, подавить самобытное развитие, навязав автохтонной культуре новые для нее смыслы и ценности и тем самым кардинально ее переориентировать. Примером такого культурного переворота в истории является принятие мировых религий или ассимиляция культур посредством завоевания. Принцип равноправия культур и философских традиций, на котором настаивает межкультурная философия и который входит в ее аксиоматику, редко находит подтверждение в реальности. История философии и история культуры показывают, что мы, как правило, имеем дело с культурами, языками, системами мышления, которые отличаются по уровню развития, богатству своего содержания, терминологической разработанности и т.п. Например, зависимость философии от языка сразу указывает на различия между языками, имеющими богатую литературную традицию, и языками, лишенными письменности, между языками, которые имеют региональное значение, и всемирно-историческими языками, служащими средством коммуникации между народами, и т.п. Иными словами, взаимодействие чаще всего носит асимметричный характер. По этой причине межкультурная философия должна учитывать направление, интенсивность и продолжительность влияний, сопротивляемость и устойчивость философии-реципиента, степень ее закрытости или, напротив, восприимчивости. Также следует учитывать устойчивость самой культуры-донора, ее способность меняться. Условия влияния также могут различаться – мирное время или период насильственного подчинения культуры. Важно учитывать проводников такого влияния. Чаще всего это представители «высшего», образованного слоя общества, церковь и т.п. Имеет значение и «близость» или «удаленность» взаимодействующих культур.

Как правило, проводниками западного влияния в философии выступает так называемая профессиональная, или академическая, философия, т.е. философия, которая преподается в университетах, созданных по европейскому образцу. Университетские философы оправдывают «право на философию» своим образованием и образом жизни, поскольку философия стала их профессией. Они диктуют «правила», устанавливают критерии оценки и т.п. Однако та же история философии показывает, что профессиональные философы часто изменяют философии как добросовестному мышлению и бескорыстному поиску истины, так как нередко оказываются мотивированы внефилософскими интересами карьеры, материального благополучия, социального статуса, власти и т.п. Именно профессиональные философы провели грань между философией как

(Размышления над книгой М.Т. Степанянц «Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы») // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 88 [9].

⁸ См.: Интеркультурная философия: полилог традиций: сб. тр. конф. / отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 287 [10].

судьбой западного мира и национальной традицией. М. Хайдеггер наиболее талантливо, глубокомысленно и безапелляционно выразил эту демаркационную мысль. Теперь приходится выбирать: либо философ, либо национальный мыслитель. История философии, опять же, говорит о том, что профессиональные философы не так много сделали для философии, как сами пытаются доказать, и нередко оказывались довольно бездарными в философском отношении людьми. По большому счету в истории философии был только один период, когда профессиональные философы (университетские профессора) действительно «делали» философию, – это немецкая классическая философия. Все остальные примеры были, скорее, исключением, чем правилом. Отечественная профессиональная философия в этом отношении не является исключением⁹. Истинный профессионализм в философии состоит не в ученых степенях, научных званиях и академических должностях, а в смелости мыслить самостоятельно. Иногда, конечно, это удавалось и университетским профессорам. С межкультурной точки зрения западная философия является одной из «этнофилософий», а превращение философии в профессию – ее наиболее заметной корпоративной формой, проявляющейся в том, что университетские преподаватели присвоили себе право на знание и превратили его во властный инструмент. Однако это не означает, что философии полилога следует занять противоположную позицию, т.е. стать уделом дилетантов. Межкультурная философия должна указать профессиональной философии ее скромное место в истории философии и показать узость ее взгляда (западоцентризм) и ограниченность методологии.

Отказ от того образа философии, который сложился в европейской традиции, неизбежно приводит к расширению толкования самой философии. Самым простым определением философии будет указание на то, что это мышление. В сферу философского разума входит и исследование самого мышления, попытка помыслить саму мысль. В то же время формы философского мышления находятся в зависимости от породившей ее культуры и различаются в той же мере, в какой разнообразны культуры. Межкультурная философия полагает, что точки зрения могут меняться, что мышление должно быть гибким, поскольку является способом творческого освоения мира. Как замечал В.С. Соловьев в статьях по теоретической философии, философией движет «самостоятельная потребность, чисто умственная», присущая человеку наравне с другими потребностями¹⁰. Именно поэтому в основе философского мышления лежит любопытство и удивление, и в этом корни философии совпадают с истоками науки и познания вообще. Межкультурное взаимодействие, как и встреча с чужим интеллектуальным опытом, является хорошим стимулом для философской рефлексии. Собственно говоря, мышление обна-

⁹ См.: Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020. С. 340–356 [11].

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1990. 759 с. [12].

руживает себя на стыке соприкосновения с иным опытом (социальным, интеллектуальным или даже трансцендентным).

Уже в предисловии к книге, написанном М.Т. Степанянц, ставятся важные вопросы для самоопределения межкультурной философии. Во-первых, предисловие знакомит читателя с генезисом и историей «межкультурной философии» (от значения термина до раскрытия концепта); во-вторых, эксплицирует онтологию и аксиологию межкультурной философии; в-третьих, дает представление о самой коллективной монографии, ее структуре и авторах. Таким образом, предисловие есть своего рода визитная карточка книги. Его главный тезис состоит в том, что межкультурная философия – это декларация непризнания, вплоть до интеллектуального неприятия, постулата об исключительной европоцентричности философии, являющегося краеугольным камнем всего нарратива текстов, которые принято относить к философским. Суть этого демарша – в радикальном противопоставлении западноориентированной философии, которая долгое время считалась единственно возможной философией, и мультиориентированной (поликультурной), за которой авторы книги видят будущее. Возможно, межкультурная философия не заявила бы о себе, если бы западная философия не перешла к монологизму, отказывающему другим культурам в праве иметь самобытную философию. Даже сравнительная философия в итоге была сведена к обоснованию превосходства западного типа мышления, при этом философией признавался лишь тот интеллектуальный опыт, который имел соответствие в философии европейской. Коллизия извечного противостояния между определенностью прошлого и гипотетичностью будущего, конечно, не нова. Но объединение интеллектуалов, как указано в аннотации, «из Австрии, Германии, Индии, Канады, Латинской Америки» содержит опасность сооружения очередной «вавилонской башни». Что, впрочем, инициирует дополнительный интерес к прочтению, питаемый надеждой на то, что межкультурная философия не повторит судьбу вавилонской башни.

Межкультурная философия является одной из альтернатив западоцентризму в философии. Другой реакцией будет изоляционизм, или фундаментализм, закрывающий культуру от посторонних влияний и обрекающий философскую мысль на застой, на догматическое повторение идеологических формулировок. Авторы книги делают свой выбор в пользу первого варианта. Их объединяет стремление деконструировать западоцентризм философии и желание переформатировать ее в универсальный и мультикультурный проект под названием «межкультурная философия» с претензией на ее теоретическую конкретизацию и академическую институционализацию.

Архитектоника монографии, ее структурообразующие («несущие») основания – это четыре раздела работ самых разных авторов, затрагивающих и разрабатывающих самые разные стороны концепта межкультурной философии, от общих до частных, и реализующих разные задачи. Большинство статей, специально написанных для монографии, опираются на историко-философский ма-

териал и отличаются вполне объективной дискриптивностью. Некоторые тексты ранее публиковались или были специально переведены для сборника¹¹. В статье Р.А. Малла «Когда философия становится межкультурной? Прогнозы и перспективы», открывающей первый раздел, межкультурная философия рассматривается в трансцендентальном контексте, т.е. через анализ условий/причин и обстоятельств, способных осуществить переход межкультурной философии от проекта в действительность. Рефлексия работ других авторов направлена на специфику формирования межкультурной философии применительно к особенностям той или иной страны, ее традиций и истории. К ним, в частности, относится статья М. Рубец «Гносеологическая теория Чжан Дунсуня как пример межкультурного метода философствования», а также другие статьи из второго раздела: О. Кочерова «Подходы современных китайских философов к межкультурной философии» и Е. Фроловой «Современная арабская философия: поиски собственного пути развития». Все три текста представляют типичный образец научных статей, выполненных согласно правилам: от формулировки темы до анализа исторического и культурного контекстов. Статья М. Рубец посвящена анализу взглядов китайского философа Чжан Дунсуня, в частности его теории «гносеологического плюрализма». Автор статьи проделывает большую исследовательскую работу по анализу концепции китайского мыслителя, но ограничивается лишь констатацией того, что «радикально отличается его видение мира от буддизма», и акцентом на «отличие подходов Чжан Дунсуня от видения Канта». Это несколько необычно, ведь традиционная оптика анализа фокусирует взгляд, направленный на оценку как слабых, так и сильных сторон подхода или теории. Объективность есть результирующая всех, в том числе отличных друг от друга, точек зрения. М. Рубец же ограничивается лишь констатацией, что «Чжан Дунсунь оказал огромное влияние на последующих исследователей китайской философии»¹². Представляется, что эта «недоговоренность» – сознательно выбранная позиция по отказу от учителя Запада и ученичества Востока. Собственно, эта коллизия и составляет интеллектуальную драматургию всей книги: традиционному «Запад есть Запад, Восток есть Восток. Вместе им никогда не сойтись» противопоставляется межкультурное схождение, реализуемое посредством философии полилога, а фронтменами выступают авторы этой книги. Интрига здесь может быть в том, насколько авторы, представляющие видение Запада, способны отказаться от интеллектуальной монополии на философию, а представляющие точку зрения Востока – преодолеть границы культурной и исторической предвзятости.

¹¹ См., напр.: Лысенко В.Г. Сравнительная философия или межкультурная философия в перспективе постколониальных исследований // *Философские науки*. 2017. № 5. С. 7 [13]; Форнет-Бетанкур Р. Современный мир как вызов интеркультурности // *Философский полилог*. 2020. № 1. С. 27 [14]; Ботева-Рихтер Б. «Интер-» как метаморфоза мысли – метод Вацудзи и его применимость в межкультурном дискурсе современности // *Философский полилог*. 2020. № 2. С. 11 [15].
¹² См.: Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии. С. 258.

В свете выше сказанного представляет интерес первый раздел, включающий работы двух признанных зарубежных представителей этого направления – индуса Рам Адхара Малла и австрийца Франца Мартина Виммера, посвященные анализу концепта «межкультурная философия» и содержащие в названии статей знак вопроса. Иными словами, для обоих авторов «межкультурная философия» – не столько данность, сколько заданность, не столько ответ, сколько вопрос. Это тот путь, который предстоит пройти «сравнительной философии», прежде чем она предстанет как «межкультурная». На этом пути, прибегнув к опыту средневековых картографов, помечающих неисхоженные территории («терра инкогнита») как пространства, где «живут драконы», пионероисследователей межкультурной философии могут ждать интеллектуальные монстры трудно формулируемых вопросов и сложно разрешаемых проблем. Действительно, если философия исторически, генеалогически и методологически – это размышление, ориентированное на проблематизацию, фундированное вопрошанием (по М. Хайдеггеру), то Ф.М. Виммер, бесспорно, прав уже в своем вопрошании: «Решающий вопрос для философии таков, кто и откуда знает, что такое “истинная универсальность”?»¹³. Иными словами: как подвести к общему знаменателю (пониманию) разные и отличные друг от друга культуры (язык, мышление, традиции)? В схожей рефлексивной тональности выполнена работа Р.А. Малла, который исходит из тезиса: расширение границ исследования «в области понимания культур» эквивалентно расширению герменевтических техник и практик, т.е. философии, ориентированной на «межкультурную среду», требуется «аналогичная герменевтика»¹⁴. Если межкультурная философия притязает на статус нового и перспективного направления, то ее институционализация невозможна без предъявления столь же перспективной по своему эвристическому потенциалу методологии. Апгрейд герменевтического метода – это трансформация старого, но не предъявление нового. Это выводит на следующий уровень сложности: межкультурная философия стремится к упразднению сравнения, как минимум «не фиксирует стандарт сравнения»¹⁵. Но отказ от сравнения имманентен отказу от понимания. А это влечет и «обнуление» оценки, включая исчезновение границ между дилетантизмом и профессионализмом, глубиной и поверхностью, парадоксальностью и тривиальностью. Как выразился В.В. Набоков устами одного из своих героев, «художник видит именно разницу. Сходство замечает профан»¹⁶. Оценивание возможно только там, где существует ранжир, т. е. ценностная иерархия и только в такой культурно-анизотропной среде может реализовать себя талант. В противном случае – это в

¹³ См.: Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ См.: Набоков В. «Отчаяние» // Набоков В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. С. 367 [16].

чистом, интеллектуально-беспримесном виде релятивизм, т.е. постмодернизм, ergo эпистемологический, эвристический и гносеологический тупик!

Примечательно, что названия одних текстов формально лишены знака вопроса, т.е. их нарратив – утверждения и дескрипции, и авторы разделяют уверенность в высоком предметно-институциональном статусе межкультурной философии. Однако при прочтении текстов оказывается, что ситуация не столь проста и однозначна. Межкультурная философия отдаёт предпочтение анализу проблем, а не концепций конкретных авторов или направлений. Ряд текстов написаны вполне в духе западноцентричного нарратива, например статья В. Белимовой «Герменевтика и феноменология как предпосылки межкультурной философии на Западе», скрывающая за «предпосылками» мысль о том, что построению здания межкультурной философии будет предшествовать долгий этап закладки его фундамента.

Тексты, опубликованные в книге, с разным градусом определенности утверждают, что подлинная философия в той или иной степени является сравнительной, что межкультурность – это ее нормальное состояние. Однако остается не до конца ясным, от чего еще, кроме западоцентризма, должна отказаться межкультурная философия и что предложить, чтобы стать новым словом в мировой философии.

Отчасти ответ на этот вопрос дает «Заключение», написанное М.Т. Степанянц, с высоты оптики XXI в. представляющее обзор истории межкультурного философствования в России. Действительно, статьи востоковедов невольно заставляют задуматься о том, что описываемые ими процессы имели место и в России, что русская философия также испытывала многообразные влияния западных моделей мышления, что последствия этих воздействий имели как положительное значение для русской мысли и культуры, так и отрицательное, порой играли деструктивную роль. Неслучайно авторы статей упоминают теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, обратившего внимание на болезненные стороны «европейничанья». В год выхода книги отмечался 200-летний юбилей Н.Я. Данилевского, заставивший задуматься о пересмотре и переоценки его взглядов, об их актуализации в политическом и прочих контекстах¹⁷. Актуальными взгляды Н.Я. Данилевского могут оказаться и с межкультурной точки зрения. Еще одним русским мыслителем, на которого указывают авторы книги, является В.С. Соловьев. В первую очередь здесь ссылаются на его переводы диалогов Платона, в качестве примера межкультурного философствования. Действительно, В.С. Соловьев был, вероятно, самым полилогичным русским философом. В своей философской системе он в разные годы пытался синтезировать немецкую философию и христианский неоплатонизм, славянофильство и каббалу, европейский рационализм и восточную мистику. При этом учение В.С. Соловьева при очевидности многих корней, из которых оно

¹⁷ См.: К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. Материалы круглого стола / Смирнов А.В., Данилевская О.Н., Сидорин В.В. и др. // Философский полилог. 2022. № 2. С. 101 [17].

произрастало, остается опытом самостоятельной русской мысли. Можно добавить, что к пониманию философии как самостоятельного мышления, без оглядки на традиции и авторитеты, без интеллектуальных подпорок и цитатных костылей, призывал Лев Шестов, в творчестве которого также можно усмотреть полилог нескольких традиций: европейской философии, русской литературы и ветхозаветного религиозного сознания.

В статье В. Лысенко современная критика западных воззрений на Восток и колониального подтекста западной науки справедливо возводится к известному трактату Э. Саида «Ориентализм» (1978 г.). Однако можно упомянуть, что еще столетием ранее, в 1871 г., славянофил и профессор Петербургского университета В.И. Ламанский защитил диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», в журнальном варианте опубликованную в 1870 г. В ней он показал идеологические истоки и политические цели европейской науки о славянах и шире – о греко-славянском или Среднем мире, включающем в себя большую часть восточной и южной Европы, а также северную Азию, т. е. Сибирь, и даже часть Ближнего Востока (западную Сирию)¹⁸. Фактически книга В.И. Ламанского представляла собой историографию русофобии в Европе. Озвучивая мнение европейских, прежде всего немецких, ученых о славянах, он вскрывал политическую цель европейского славяноведения – дискредитация славян и, прежде всего, русского народа как единственного, создавшего сильное государство. Политико-идеологическая роль европейской науки (славяноведения) состоит в оправдании ассимиляции и подчинения, а на практике – и уничтожения славян. Единственной силой, которая способна противостоять европейской экспансии, объединить и отстоять культурную самобытность славян и других народов Среднего мира, является Россия. По этой причине, показывал В.И. Ламанский, европейская наука и публицистика, формирующие общественное мнение, стремятся дискредитировать Россию и расчеловечить русский народ, связывающий «этнографические стихии» Среднего мира в единое целое. Вне России и без опоры на Россию славяне перестанут быть славянами, не захотят быть собой, развивать свою культуру и т.д., что позволит европейцам господствовать в славянских землях.

В.И. Ламанский сознательно относил себя к последователям славянофилов. Славянофильство оказалось первым опытом национальной философии в России, заявило о себе в качестве реакции на европейскую мысль и оказалось многим обязано немецкой философии, поэтому не только так называемое «позднее» (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский), но и «ранее» славянофильство может служить примером межкультурного полилога. В интеркультурном отношении может быть переосмыслено, например, славянофиль-

¹⁸ См. подробнее: Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. С. 560 [18].

ское понятие соборности¹⁹. Вероятно, интеркультурному прочтению доступно евразийство, юбилей которого стимулировал к нему интерес²⁰, а также те формы русского западничества, которые выходят за рамки простого эпигонства, например гегельянство Б.Н. Чичерина и Н.Г. Дебольского и др.

Статьи большинства авторов книги, написанные на материале восточных философий, а также заключительные рассуждения М.Т. Степанянц приводят к мысли о необходимости пересмотра существующей модели историко-философского процесса, отражающей исключительно западную точку зрения. К такому пересмотру, в частности, призывает Ф.М. Виммер в статье «Межкультурная философия: новое течение или новый курс философии?». Новая история философии, прежде всего, означает отказ от линейной модели истории философии и западоцентризма. Переструктурированию должно быть подвергнуто содержание истории философии, которая имеет дело не столько с персоналиями, странами или системами мышления, сколько с проблемами и их трактовками. Акцент на проблемах оставляет меньше шансов западоцентризму, который в большей степени исходит из форм и аргументации, а не из содержания философии.

Идеологией новой истории философии становится полилог. Сравнительный анализ, как известно, может обращать внимание как на сходства, так и на различия сопоставляемых концепций, школ и направлений. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что русские западники искали сходства и подобия русской философии с европейской, в то время как славянофилы делали акцент на различиях. Если обращать внимание на разнообразие, то межкультурная философия приходит к выводу о несводимости, неконвертируемости различных философских традиций. Если, напротив, уделять преимущественное внимание сходству, то напрашивается вывод о *philosophia perennis*. Сама возможность сравнения подразумевает некое единое пространство, допускающее встречу нескольких философских традиций. Межкультурная философия видит возможность схождения в общности проблем, которые волнуют представителей разных философских традиций. Система же аргументации, терминология и методы в автономных философских школах могут различаться. В этом отношении межкультурная философия в известном смысле космополитична, она расширяет критерии философского мышления, видя в нем самостоятельное продумывание философских проблем.

Критикуя интеллектуальную монополию Запада, авторы сборника тем не менее остаются в пределах либерального мировоззрения, с его ценностью свободы. Если бы западная философия на протяжении большей части своей исто-

¹⁹ См.: Шиповалова Л.В. Идея соборности А.С. Хомякова: трансформация смысла в разных контекстах // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. № 1. С. 5 [19].

²⁰ См.: Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к востоку». Материалы круглого стола научного проекта издательства СПбДА «Византийский кабинет» / Базанов П.Н., Вахитов Р.Р., Гаврилов И.Б. и др. // Русско-византийский вестник. 2023. № 2. С. 12 [20].

рии не культивировала ценность свободы, то и межкультурная философия не могла бы заявить о деконструкции западцентрической точки зрения. Межкультурная философия сама есть порождение европейской мысли. Перед нами не столько противоречие («онтологический инцест»), сколько символическое приношение в жертву философией самой себя ради торжества философии. Сохранение через изменение. Впрочем, есть нюанс: культивируемый в монографии подход и взгляд на *другое*, т.е. иное интеллектуальное, языковое и мировоззренческое пространство, – это взгляд все-таки европейский (с поправкой на количество европейских авторов). Остается вопрос: является ли это случайностью, издержками политики формирования «редакционного портфеля» или закономерностью – травмирующим следствием расставания с ценностями прошлого.

Представляется, что выход в свет очередного тома «Сравнительной философии» поможет расставить точки на *i*, прояснить и дать ответ на вопрос о статусе, возможностях и перспективах межкультурной философии. Поживем и ... почитаем.

Список литературы

1. Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии М.: Наука – Вост. лит., 2022. 399 с.
2. Назарова О. Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция в контексте исследования русской философии // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2016. Вып. 20. С. 7–18.
3. Малинов А.В. Философия полилога // Философский полилог. 2017. № 1. С. 7–11. DOI: 10.31119/phlog.2017.1.1
4. Назарова О. О сущностном отличии «меж-» от «интер-»: от межкультурного к интеркультурному философскому полилогу в европейском культурном пространстве // Философский полилог. 2021. № 2. С. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2021.2.141>
5. Степанянц М.Т. Межкультурная философия, как эпоха схваченная в мысли // Философский полилог. 2020. № 1. С. 11–26. С. 12. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.105>
6. Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука; Вост. лит., 2020. 183 с.
7. Панфилова Т.В. М.Т. Степанянц. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. Ин-т философии РАН. М.: Наука; Вост. лит., 2020. 183 с. // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 215–218.
8. Малинов А.В. Межкультурная философия: опыт тематизации: (Рецензия на книгу: Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука; Вост. лит., 2020. 183 с.) // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 280–290.
9. Резник Ю. От философии над культурами к межкультурной философии? (Размышления над книгой М.Т. Степанянц «Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы») // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 88–100.
10. Малинов А.В., Рыбас А.Е. (ред.) Интеркультурная философия: полилог традиций: сб. тр. конф. СПб.: Интерсоцис, 2020. 287 с.
11. Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020. 608 с.
12. Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1990. 759 с.
13. Лысенко В.Г. Сравнительная философия или межкультурная философия в перспективе постколониальных исследований // Философские науки. 2017. № 5. С. 7–27.

14. Форнет-Бетанкур Р. Современный мир как вызов интеркультурности // *Философский полилог*. 2020. № 1. С. 27–39. <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.106>
15. Ботева-Рихтер Б. «Интер-» как метаморфоза мысли – метод Вацудзи и его применимость в межкультурном дискурсе современности // *Философский полилог*. 2020. № 2. С. 11–27. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.116>
16. Набоков В. Отчаяние // Набоков В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. С. 367.
17. К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. Материалы круглого стола / А.В. Смирнов, О.Н. Данилевская, В.В. Сидорин и др. // *Философский полилог*. 2022. № 2. С. 101–150. DOI: 10.31119/phlog.2022.2.181
18. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.
19. Шиповалова Л.В. Идея соборности А.С. Хомякова: трансформация смысла в разных контекстах // *Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии*. 2019. № 1. С. 53–66.
20. Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к востоку». Материалы круглого стола научного проекта издательства СПбДА «Византийский кабинет» / П.Н. Базанов, Р.Р. Вахитов, И.Б. Гаврилов и др. // *Русско-византийский вестник*. 2023. № 2. С. 12–52. DOI 10.47132/2588-0276_2023_2_12

References

(Sources)

Collected Works

1. Malinov, A.V., Rybas, A.E. (ed.) *Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsiy: sbornik trudov konferentsii* [Intercultural Philosophy: Polylogue of Traditions: Proceedings of the Conference]. Saint-Petersburg: Intersotsis, 2020. 287 p.
2. *Sravnitel'naya filosofiya: ot sravnitel'noy k mezhkul'turnoy filosofii* [Comparative philosophy: from comparative to intercultural philosophy]. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2022. 399 p.

Individual Works

3. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. *Akademik V.I. Lamanskiy. Materialy k biografii i nauchnoy deyatel'nosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials to biography and scientific activity]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2020. 560 p.
4. Malinov, A.V. *Issledovaniya i stat'i po russkoy filosofii* [Studies and articles on Russian philosophy]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2020. 608 p.
5. Nabokov, V. *Otchayanie* [Despair], in Nabokov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Pravda, 1990, p. 357.
6. Solov'ev, V.S. *Pervoe nachalo teoreticheskoy filosofii* [The first beginning of theoretical philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990. 759 p.
7. Stepanyants, M.T. *Mezhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy* [Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problematics, Perspectives]. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2020. 183 p.

(Articles from Scientific Journals)

8. Bazanov, P.N., Vakhitov, R.R., Gavrilov, I.B., Ermishina, K.B., Korol'kov, A.A., Malinov, A.V., Medovarov, M.V., Teslya, A.A., Fateev, V.A. *Evraziystvo: pro et contra. K 100-letiyu vykhoda sbornika «Iskhod k vostoku»*. Materialy kruglogo stola nauchnogo proekta izdatel'stva SPbDA «Vizantiyskiy kabinet» [Eurasianism: pro et contra. To the 100th anniversary of the publication of the collection “Exodus to the East”. Materials of the roundtable discussion of the scientific project of the

SPbDA Publishing House “Byzantine Study”], in *Russko-vizantiyskiy vestnik*, 2023, no. 2, pp. 12–52. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_2_12

9. Boteva-Rikhter, B. «Inter-» kak metamorfoza mysli – metod Vatsudzi i ego primenimost' v mezhkul'turnom diskurse sovremennosti [“Inter-” as metamorphosis of thought – Watsuji's method and its applicability in the intercultural discourse of modernity], in *Filosofskiy polilog*, 2020, no. 2, pp. 11–27. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.116>

10. Fomet-Betankur, R. Sovremennyy mir kak vyzov interkul'turnosti [The Modern World as a Challenge of Interculturality], in *Filosofskiy polilog*, 2020, no. 1, pp. 27–39. <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.106>

11. Lysenko, V.G. Sravnitel'naya filosofiya ili mezhkul'turnaya filosofiya v perspektive postkolonial'nykh issledovaniy [Comparative philosophy or intercultural philosophy in the perspective of post-colonial studies], in *Filosofskie nauki*, 2017, no. 5, pp. 7–27.

12. Malinov, A.V. Mezhkul'turnaya filosofiya: opyt tematizatsii: (Retsenziya na knigu: Stepanyants M.T. Mezhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy. M.: Nauka; Vost. lit., 2020. 183 s.) [Intercultural philosophy: experience of thematisation: (Review of the book: Stepanyants M.T. Intercultural philosophy: origins, methodology, problematics, prospects. M.: Nauka; Vost. lit., 2020. 183 p.)], in *Imagologiya i komparativistika*, 2021, no. 15, pp. 280–290.

13. Malinov, A.V. Filosofiya poliloga [Philosophy of polylogue], in *Filosofskiy polilog*, 2017, no. 1, pp. 7–11. DOI: 10.31119/phlog.2017.1.1

14. Nazarova, O. Kontseptsiya interkul'turnoy filosofii i ee vozmozhnaya retseptsiya v kontekste issledovaniya russkoy filosofii [The concept of intercultural philosophy and its possible reception in the context of the study of Russian philosophy], in *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, 2016, issue 20, pp. 7–18.

15. Nazarova, O. O sushchnostnom otlichii «mez-» ot «inter-»: ot mezhkul'turnogo k interkul'turnomu filosofskomu polilogu v evropeyskom kul'turnom prostranstve [On the essential difference between “mez-” and “inter-”: from intercultural to intercultural philosophical polylogue in the European cultural space], in *Filosofskiy polilog*, 2021, no. 2, pp. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2021.2.141>

16. Panfilova, T.V. M.T. Stepanyants. Mezhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy. In-t filosofii RAN. M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 2020. 183 p. [M.T. Stepanyants. Intercultural philosophy: origins, methodology, problematics, perspectives. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2020. 183 p.], in *Voprosy filosofii*, 2020, no. 5, pp. 215–218.

17. Reznik, Yu. Ot filosofii nad kul'turami k mezhkul'turnoy filosofii? (Razmyshleniya nad knigoy M.T. Stepanyants «Mezhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy») [From philosophy over cultures to intercultural philosophy? (Reflections on the book by M.T. Stepanyants “Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problematics, Prospects”)], in *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 88–100.

18. Shipovalova, L.V. Ideya sobornosti A.S. Khomyakova: transformatsiya smysla v raznykh kontekstakh [Idea of Sobornosti A.S. Khomyakov: transformation of meaning in different contexts], in *Filosofskiy polilog*, 2019, no. 1, pp. 53–66.

19. Smirnov, A.V., Danilevskaya, O.N., Sidorin, V.V., Malinov, A.V., Fetisenko, O.L., Vorozhikhina, K.V., Berdnikova, A.Yu., Teslya, A.A., Bazhov, S.I., Ermishina, K.B. K 200-letiyu N.Ya. Danilevskogo. Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. Materialy kruglogo stola [To the 200th anniversary of N.Y. Danilevsky. Creative heritage of N.Ya. Danilevsky: history and modernity. Materials of the round table], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2, pp. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181>

20. Stepanyants, M.T. Mezhkul'turnaya filosofiya, kak epokha skhvatennaya v mysli [Intercultural philosophy as an epoch grasped in thought], in *Filosofskiy polilog*, 2020, no. 1, pp. 11–26. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.105>

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» “Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных учёных. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издаётся с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Соединённых Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.2 – История философии

5.7.3 – Эстетика

5.7.4 – Этика

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.7.9 – Философия религии и религиоведение

5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.3 – Теория литературы

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Адрес редакции:

153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mymaximov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на печатную версию ежеквартального научного журнала «Соловьёвские исследования» производится на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru, а также через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Индекс для подписчиков 37240

Копию квитанции о подписке необходимо выслать на адрес редакции: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максимову М.В., или по E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. *Объем статьи* – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте maximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. *Структура статьи* должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);

– через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);

– через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

– через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «"....."»;

– через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

Редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы»

и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно быть не менее 20 позиций. Из них не менее 80 % источников должны составлять работы, опубликованные за последние 5 лет, если такие имеются. Рекомендуются, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на источники (**(Sources)**)
 - *Collected Works* (*Собрания сочинений*)
 - *Individual Works* (*Индивидуальные сочинения*)
- ссылки на статьи в научных журналах (**Articles from Scientific Journals**);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (**Articles from Proceedings and Collections of Research Papers**);
- ссылки на монографии (**Monographs**);
- ссылки на диссертации и авторефераты (**Thesis and Thesis Abstracts**);
- ссылки на электронные ресурсы (**Electronic Resources**)

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек “...”.

5. *Оформление ссылок*. Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «*Текст цитаты*» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частич-*

ное цитирование (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформляется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: ¹См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С.

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объёмом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме:

- ФИО полностью;
- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.

При отклонении материалов рукописи не возвращаются.

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2023. Вып. 4(80)

Редактор С.М. Коткова
Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-64667 от 22.01.16 г.

Подписано в печать 1.12.2023. Дата выхода в свет 28.12.2023.
Формат 70x100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 60 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции журнала:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Адрес издательства:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8